ISSN 2686-6730

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ◆ ИНСТИТУТ США И КАНАДЫ ИМ. Г.А. АРБАТОВА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES ◆ ARBATOV U.S. AND CANADA INSTITUTE

США & Канада

ЭКОНОМИКА • ПОЛИТИКА • КУЛЬТУРА

USA & Canada: Economics • Politics • Culture

- ЭВОЛЮЦИЯ ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА: ЕДИНСТВО И СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ
- СПОРЫ ВОКРУГ СВПД: ВЫХОД США И РЕАКЦИЯ ЕВРОПЫ
- ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В АМЕРИКЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
- СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ И ЕВРОСОЮЗ В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОСТОЯНИЯ С РОССИЕЙ И КИТАЕМ
- ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В США В XXI ВЕКЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ
- РАЗВИТИЕ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АМЕРИКЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
- РЕЛИГИОЗНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЛАТИНОАМЕРИКАНЦЕВ В США: ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ

НАУКА — 1727 —

4•2024

Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2024 № 4 (652) Апрель

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год
ISSN 2686-6730

Журнал издаётся под руководством
Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН

Главный редактор
А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:
В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия); Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); А.В. Коробков (Государственный университет Среднего Теннесси, Нашвилл, США); К.И. Косачёв (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия); Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва, Россия); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО, Москва, Россия); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия); В.Б. Супян (ИСКРАН, Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия); Н.А. Шведова (ИСКРАН, Москва, Россия); Т. Грэм (Ассоциация Киссинджера, Нью-Йорк, США); Пан Давэй (Шанхайская академия общественных наук, Шанхай, КНР); П. Дуткевич (Карлтонский университет, Оттава, Канада); Дж. С. Дюрран (Мемориальный университет Ньюфаундленда, Сент-Джонс, Канада); Т. Ротнем (Государственный университет в Кеннесо, Кеннесо, США); Н. Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония); А. Стент (Джорджтаунский университет, Вашингтон, США); К. Того (Университет Киото Сангё, Киото, Япония); Хон Ван Сук (Университет внешнеполитических исследований Ханкук, Сеул, Республика Корея).

Номер готовили:
В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов.

Москва

© Российская академия наук, 2024
© Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова, 2024
© Редколлегия журнала «США & Канада» (составитель), 2024

Russian Academy of Sciences
Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2024 No. 4 (652) April

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN 2686-6730

The Journal is published under supervision of the Department of Global Problems and International Relations of the RAS

Editor-in-Chief
A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Korobkov (Middle Tennessee State University, Nashville, USA); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); N. Shvedova (ISKRAN, Moscow, Russia), Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., New York, USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Piotr Dutkiewicz (Carleton University, Ottawa, Canada), John Stuart Durrant (Memorial University of Newfoundland, St. John's, Canada), Thomas Rotnem (Kennesaw State University, Kennesaw, USA) Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan), Hon Wan Suk (Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2024
© Arbatov U.S. and Canada Institute (ISKRAN), 2024
© Editorial Board of "USA & Canada" (compiler), 2024

Содержание

2024, № 4 (652)

На актуальную тему

Приходько О.В. Трансатлантическое оборонное сотрудничество в контексте противоборства России и Запада на Украине **5**

Образование

Супян В.Б. Высшая школа США: особенности развития в третьем десятилетии XXI века **24**

Идеология

Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Институционализация гегемонии английского языка в США **35**

Страницы истории

Левченко А.В. Трансатлантические отношения в контексте выхода США из иранского ядерного соглашения **52**

Общество и религия

Черных М.А. Религиозные тенденции среди латиноамериканцев: причины и влияние на политическую систему США **69**

Экономические обзоры

Чадаева Т.В. Регулирование цифровых активов в США **85**

Справки

Болдырев В.Е. Трансформация тихоокеанских регионов во второй половине XX – начале XXI века **104**

Информация для авторов **127**

Contents

2024, No. 4 (652)

The Current Dicsourse

Prikhodko, O.V. Transatlantic Defense Cooperation in the Context of Russia – West Confrontation in Ukraine **5**

Education

Supyan, V.B. Higher Education in the USA: Characteristics of Development During the Third Decade of the 21st Century **24**

Ideology

Marusenko, M.A., Marusenko, N.M. The Institutionalization of English Language Hegemony in the United States of America **35**

History

Levchenko, A.V. Transatlantic Relations in the Light of the US's Withdrawal from the Iran Nuclear Deal **52**

Society and Religion

Chernykh, M.A. Latino Religious Shift: Causes and Impact on the U.S. Political System **69**

Economic Survey

Chadaeva, T.V. U.S. Approaches to Regulating Digital Assets **85**

Background Material

Boldyrev, V.E. Transformation of Pacific Regions in the Second Half of the 20th Century – Beginning of the 21st Century **104**

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-71487 от 13.11.2017.
Адрес редакции: 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.
☎ (495) 691-13-32. E-mail: USA-Canada@mail.ru

УДК 327.51
DOI: 10.31857/S2686673024040018
EDN: SCKEFE

Трансатлантическое оборонное сотрудничество в контексте противоборства России и Запада на Украине

О.В. Приходько

Институт США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).
Российская Федерация 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.
Scopus Author ID: 57224728612 РИНЦ ID: 626112
ORCID: 0000-0001-9764-4096 e-mail: o.prikhodko@iskran.ru

Резюме. В последние годы сотрудничество США и ЕС в сфере обороны и безопасности приобрело масштабный и интенсивный характер в результате активной вовлечённости западных держав в вооруженный конфликт против России на стороне Украины. Соединённые Штаты взяли на себя основное бремя по оказанию военной помощи Киеву. Однако их долгосрочные стратегические приоритеты смещаются в Индо-Тихоокеанский бассейн, где закат американской гегемонии может происходить быстрее, чем в других регионах мира в результате восхождения Китая к статусу второй сверхдержавы. Эти сдвиги влекут за собой существенное перераспределение сил и ресурсов между США и европейскими союзниками. Перекладывание на Евросоюз большего бремени по обеспечению западных интересов будет подталкивать Вашингтон к пересмотру американских представлений о плюсах и минусах европейских оборонных проектов, учитывая развернувшуюся гонку в сфере военного производства между Россией и Запада, которая инспирирована вооружённым противоборством на Украине.

Ключевые слова: Россия, США, НАТО, ЕС, Украина

Для цитирования: О.В. Приходько. Трансатлантическое оборонное сотрудничество в контексте противоборства России и Запада на Украине. *США&Канада: экономика, политика, культура.* 2024. 54(4):05-22. DOI: 10.31857/S2686673024040018
EDN: SCKEFE

Transatlantic Defense Cooperation in the Context of Russia – West Confrontation in Ukraine

Oleg V. Prikhodko

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences.
2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation.
Scopus Author ID: 57224728612 РИНЦ ID: 626112
ORCID: 0000-0001-9764-4096 e-mail: o.prikhodko@iskran.ru

2024; 4: 5-22 США & Канада: экономика, политика, культура / USA & Canada: economics, politics, culture

Abstract: In recent years, US-EU security and defense cooperation has considerably intensified and expanded due to the extensive military support that the West provides to Ukraine in the armed conflict with Russia. The United States took on the lion's share of burden in delivering multifaceted military assistance to Kiev. However, the U.S. long-term strategic priorities shift towards the Indo-Pacific area, where Washington faces the prospect of an aggravating stand-off with China and an erosion of American hegemony. The U.S. efforts to avoid an overstretch of resources are likely to entail an essential redistribution of the burden within NATO, as well as a build-up of the EU capabilities. In the case of bringing more responsibilities on the European Union in ensuring the West's security interests, Washington will have to revise its biased perception of European defense projects, given a race in arms and ammunition production inspired by a fierce struggle between Russia and the West in Ukraine.

Keywords: Russia, United States, NATO, EU, Ukraine, confrontation

For citation: Prikhodko, O.V. Transatlantic Defense Cooperation in the Context of Russia – West Confrontation in Ukraine. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 2024. 54(4):05-22. DOI: 10.31857/S2686673024040018 EDN: SCKEFE

ВВЕДЕНИЕ

Политика администрации Дж. Байдена, направленная на сохранение доминирования США в мире, предусматривает привлечение всё большего объёма сил и средств союзников к решению задач, которые определяются целями американской стратегии. Нарастание соперничества с Россией и Китаем увеличивает нагрузку на ресурсы Соединённых Штатов, повышает ценность для Вашингтона возможностей, которые предоставляют союзнические отношения с Европой.

Трансатлантическое сотрудничество в области обороны и безопасности прошло различные этапы в своём развитии. После окончания холодной войны и распада СССР Запад оказался перед проблемой обоснования дальнейшего существования НАТО и выстраивания постбиполярной системы безопасности. Войны на Балканах в период дезинтеграции бывшей Югославии и военные кампании американской коалиции в Афганистане, Ираке, Ливии под флагом борьбы с международным терроризмом определяли конкретные параметры взаимодействия США и Европы в военно-политической сфере. *Качественно новый этап в трансатлантическом сотрудничестве наступил, когда геополитическое противостояние между Россией и Западом перешло в военную стадию на территории Украины*. Расширяя границы НАТО на восток Европы, Запад демагогически утверждал, что приближение военной инфраструктуры альянса к российским границам не представляет угрозы для безопасности России. В подтверждение этого тезиса западные лидеры указывали на соглашательскую политику М. Горбачёва и курс президента Б. Ельцина на интеграцию РФ с Западом. Они игнорировали тот факт, что происходившие изменения в балансе сил и осуществляемая Западом геополитическая перекройка Европы противоречили российским интересам. Вызревавший многие годы конфликт между Москвой и Западом вокруг Украины стал главным драйвером сотрудничества

США и ЕС на нынешнем этапе. В оценке украинских событий официальная линия Запада не оставляет места для двояких толкований, возлагая всю ответственность на Россию. Однако даже идеологи американской однополярности признают, что решение Москвы о проведении специальной военной операции на Украине «явилось ответом на расширение гегемонии США и их союзников в Европе после холодной войны» [Kagan R., 2022: 10].

Тема противоборства с Россией доминирует в трансатлантической повестке дня. Она была в центре внимания на двусторонних переговорах президента Дж. Байдена с европейскими лидерами, в частности, в марте на его встрече с главой Еврокомиссии У. фон дер Ляйен в Вашингтоне, в мае на форуме Группы семи (*G7*) в Хиросиме, в октябре на саммите США -ЕС. Украина стала для Запада центральным фронтом в борьбе за сохранение американоцентричного миропорядка. Расшатывание устоев этой системы в результате меняющегося соотношения в глобальном балансе сил подталкивает США к тому, чтобы предусмотреть возможность перекладывания на ЕС части своего военного бремени в Европе в случае эскалации противостояния с Китаем в Индо-Тихоокеанском регионе. Подобный сценарий американские стратеги не могут исключить, что предъявляет более высокие требования к военному потенциалу европейских союзников и предполагает пересмотр отношения Вашингтона к оборонным усилиям, которые предпринимает ЕС.

РАЗНОНАПРАВЛЕННЫЕ ПРИОРИТЫ США: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЕВРОПЫ

С первых дней пребывания у власти, администрация Дж. Байдена провозгласила укрепление отношений с Европой одним из своих ключевых внешнеполитических приоритетов. Она рассматривает ЕС как главного союзника в борьбе с «ревизионистскими» державами – Россией и Китаем – по ключевым вопросам международных отношений. *Противоборство Запада с Россией на украинском направлении обозначило новый этап в развитии трансатлантических отношений в сфере обороны и безопасности*. Украинские события в решающей мере повлияли на обновление доктринальных документов НАТО и ЕС в 2022 году. Стратегическая концепция альянса определяет Россию как главную непосредственную угрозу, а Китай – как долгосрочный вызов интересам Запада.

Поддержка Украины в борьбе с Россией является одной из главных внешнеполитических задач администрации Дж. Байдена. Масштабы участия США в событиях, связанных с российской специальной военной операцией (СВО) на Украине, определяются во многом личной вовлечённостью Дж. Байдена в украинские дела, которая сохраняется с тех пор, как он курировал это направление на посту вице-президента в администрации Б. Обамы. По мнению британских политологов, столь быстрый и скоординированный ответ Запада на военную операцию России на Украине мог и не последовать, если бы Д. Трамп был переизбран четыре года назад, принимая во

внимание его восприятие Украины как коррумпированной страны, власти которой помогали демократам «украсть у него победу» на выборах 2020 года [Kaarbo J., Oppermann K., Beasley R., 2023: 606, 617]. Однако такое предположение, как представляется, основано на преувеличении возможностей Д. Трампа противостоять своим политическим оппонентам в госаппарате, в том числе в Минобороны и разведсообществе, и кардинально изменить американский подход в «украинском вопросе», учитывая выгоды, которые США извлекают из конфликта на Украине, и двухпартийный консенсус в Вашингтоне по вопросу о поддержке Киева в противостоянии с Москвой.

Администрация Дж. Байдена высоко ценит вклад Евросоюза в совместные усилия по противодействию России на украинском направлении. Политико-экономическая война ЕС с Россией, его военная и финансовая помощь Киеву стали возможны благодаря тому, что США смогли навязать правящим элитам в Европе своё видение европейских интересов. Подчёркивая верховенство НАТО как главной структуры Запада в области обороны, «страны ЕС согласились рассматривать свои коллективные поставки боевой техники и военную поддержку Украине как внешнеполитическое решение, реализуемое с использованием внешнеполитических инструментов, а не как вопрос оборонной политики» [Maurer H., Whitman R., Wright N., 2023: 233].

Консолидация европейских стран вокруг США на основе установок, сформулированных администрацией Дж. Байдена относительно противодействия российской специальной военной операции, существенно ограничивает самостоятельность Евросоюза в международных делах. Политика конфронтации с Россией требует от европейских стран подчинения их интересов логике атлантической солидарности с американским союзником. Однако консолидация по «украинскому вопросу» как в самих США, так и в Европе не носит абсолютного характера и имеет определённые ограничения. Итальянский политолог Ф. Котикья (Генуэзский университет) признаёт, что «война на Украине не решила проблему "стратегической разноголосицы" в ЕС» [Coticchia F., 2022: 30]. По его оценке, регион Большого Средиземноморья по-прежнему остаётся для Италии более важным приоритетом военного планирования, чем восточный фланг НАТО. Некоторые европейские аналитики полагают, что «чрезмерная сосредоточенность на России ставит под угрозу способность ЕС и НАТО противостоять другим вызовам» [Fasola N., Lucarelli S., 2022: 72]. По их мнению, Западу необходимо попытаться взаимодействовать с Москвой на дипломатическом уровне, чтобы восстановить режим контроля над ядерными вооружениями.

Важным элементом консенсуса США и ЕС по Украине является предотвращение прямого военного конфликта Запада с Россией. Хотя в итоговом коммюнике саммита НАТО, принятом в июле 2023 года в Вильнюсе, подтверждён принцип «открытых дверей» для будущего членства Украины в альянсе, эта перспектива увязана с соблюдением расплывчатых и очень субъективных критериев, которые не

содержат конкретики ни по срокам, ни по механизму интеграции этой страны в альянс.

Столкновение США с Россией на Украине не привело к пересмотру двухпартийного консенсуса по вопросу о приоритетной концентрации американских ресурсов на китайском направлении. Стратегия национальной безопасности, утверждённая президентом Дж. Байденом в октябре 2022 года, отражает американское восприятие Китая как единственного соперника в мире, способного изменить миропорядок [1]. *Нарастающее противостояние с КНР требует от США сосредоточения всё большего объёма сил и средств в Индо-Тихоокеанском регионе*. Создание новых американских баз в Индонезии и на Филиппинах, укрепление военного присутствия в Японии, Южной Корее и Австралии наряду с другими мерами проецирования силы на Тихом океане и в прибрежных морях увеличивают нагрузку на военные и военно-промышленные ресурсы США.

Особенностью нынешнего этапа трансатлантического сотрудничества в области обороны и безопасности является инициированное администрацией Дж. Байдена укрепление связей между НАТО и американскими союзниками в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). В июне 2022 года, впервые в истории, Австралия, Япония, Южная Корея и Новая Зеландия были приглашены на встречу лидеров атлантического альянса. Участники саммита НАТО в Мадриде сошлись во мнении об опасности потенциального конфликта в Тайваньском проливе и необходимости большей координации между евро-атлантическими и тихоокеанскими партнёрами. Вашингтон пытался установить прямые официальные связи между НАТО и американскими союзниками в ИТР ещё в президентство Б. Обамы, но предпринятые усилия не привели к подписанию соглашения. Тема безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе затрагивалась на саммите США - ЕС, который состоялся 20 октября 2023 года в Вашингтоне. В итоговой декларации выражена готовность Вашингтона и Брюсселя к расширению двустороннего сотрудничества в этой части мира [2].

ЕС не может не учитывать, что в случае расширения конфликта в Европе ресурсы американской поддержки союзников могут быть существенно ограничены участием США в военных действиях в Индо-Тихоокеанском регионе. Как полагают западные эксперты, чтобы быть готовым к подобному развитию событий, Евросоюз должен вкладывать значительно больше средств в обеспечение своей безопасности и поддержание стабильности на геополитическом пространстве вокруг своих границ. Подобные планы декларировались в ЕС ещё в период балканских войн середины 1990-х годов, однако решающего прорыва в решении этой задачи он так и не смог добиться за прошедшие три десятилетия.

2024; 4: 5-22 США & Канада: экономика, политика, культура / USA & Canada: economics, politics, culture

США – ЕВРОПЕЙСКИЕ СОЮЗНИКИ: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБОРОННОГО БРЕМЕНИ

Острые споры вокруг распределения оборонного бремени между США и европейскими союзниками неоднократно возникали даже в годы холодной войны, вызывая напряжённость в трансатлантических отношениях. В президентство Д. Трампа критика иждивенческого поведения Европы отличалась небывалой резкостью, порождая у партнёров сомнения в надёжности союзнических обязательств США. Вашингтон требовал от союзников существенного увеличения вклада в общий оборонный баланс, заявляя, что американские налогоплательщики не могут бесконечно субсидировать оборону ЕС. И хотя с приходом администрации Дж. Байдена полемика между союзниками вокруг оборонных расходов ушла из публичной сферы, *для США эта тема остаётся весьма чувствительной в связи с возрастающей нагрузкой в противоборстве с Россией и в сдерживании Китая*.

За декларациями администрации Дж. Байдена о необходимости тесного сотрудничества с союзниками по НАТО просматривается желание возложить на них более ресурсоёмкую часть работы по обеспечению военных потребностей атлантического альянса в Европе. США сократили свою группировку в регионе с 90 тыс. до 80 тыс. человек в 2023 году. Вашингтон исходит из того, что вооружённые силы стран ЕС, прежде всего сухопутные войска, едва ли будут использоваться в конфликтах в Индо-Тихоокеанском регионе или на Ближнем Востоке. *Роль, которую Вашингтон отводит союзникам в рамках европейского баланса сил, предполагает милитаризацию Европы*. Тем не менее некоторые европейские союзники проигнорировали призыв США увеличить вклад в оборонный бюджет альянса. Венгрия и Греция не только не повысили военные расходы, но даже пошли на их сокращение в 2023 году, столкнувшись с серьёзными внутренними проблемами в социально-экономической сфере, – снижение составило у них соответственно 24,4% и 12,3% [3]. Ни одна из стран ЕС не выразила готовности перевести экономику на военные рельсы.

Экономический шок от пандемии *COVID-19* приглушил остроту трансатлантических споров вокруг показателя 2% ВВП на оборону, но наращивание военных поставок Украине вновь актуализировало эту тему. На саммите НАТО в Вильнюсе в июле 2023 г. страны альянса подтвердили обязательство ежегодно выделять на оборону не менее 2% ВВП. Польша и государства Балтии предлагали установить ещё более высокую планку, но эту инициативу не поддержали европейские партнёры, которые не уверены в том, смогут ли они поддерживать столь высокий уровень военных расходов.

В 2022 году канцлер О. Шольц заявил, что расходы Германии на оборону будут увеличены в два раза и превысят 2% ВВП. Однако в действительности они составили около 1,5% ВВП. Стратегия национальной безопасности, которую правительство ФРГ обнародовало в июне 2023 г., хотя и содержит обещание о выделении 2% ВВП на оборону, но оно выражено весьма туманно, давая широкий

простор для манипуляций – указанный параметр будет исчисляться как «среднее значение за многолетний период» [4]. Расплывчатость формулировки позволяет германским властям лавировать в вопросе об исполнении данного обязательства. Даже с учётом привлечённых средств из внебюджетного специального фонда Бундесвера, которые в 2022 г. составили 8,3 млрд евро, военные расходы ФРГ в ближайшее время не достигнут заявленного показателя.

Западные эксперты предлагают рассматривать проблему распределения бремени между США и Европой, не ограничиваясь рамками бухгалтерского подхода. Аналитики из Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон) предложили включить в оценку распределения бремени участие страны в санкциях против России и Ирана. Другие эксперты добавляют в список критериев такие показатели, как расходы страны на приём беженцев или её участие в западных программах экономической помощи. Однако их оппоненты резонно возражают, что подобные затраты ничего не добавляют к оборонному потенциалу, а лишь ограничивают ресурсы, которые можно было бы направить на военные нужды. Для измерения вклада своих членов в общие затраты натовский альянс использует одиннадцать параметров, которые включают в себя такие показатели, как процент кораблей, участвующих в операциях, от общего количества корабельного состава ВМС государства, доля боеготовых сил от общей численности личного состава армии и т.д. [Robison R., 2020: 308].

О том, как распределяются ресурсы между НАТО и ЕС, можно судить хотя бы по тому, что на саммите в 2022 году альянс принял решение о создании 300-тысячной группировки сил высокой боеготовности в Европе, основу которой должны составить контингенты европейских стран. В то же время, ЕС объявил о планах сформировать 5-тысячные силы быстрого развёртывания. Дело не только в количественных параметрах, но и в иерархии подчинённости. Первоочередное право на использование европейских СБР останется за НАТО, так как альянс в случае необходимости правомочен их задействовать в своих операциях. По мнению бельгийского политолога С. Бископа, учитывая наращивание китайского военного потенциала, США в случае крупного военного конфликта на европейском ТВД не смогут перебрасывать свои силы в Европу в столь же большом объёме, как это предусматривалось американским военным планированием в годы холодной войны [Biscop S., 2022: 55]. Из этого следует вывод, что союзникам придётся вкладывать в оборону гораздо больше ресурсов, чем они привыкли делать, полагаясь на защиту США, а ведь экономия на военных расходах была одним из важнейших факторов экономического процветания Европы.

Российская СВО воспринимается в США и ЕС как прямой вызов гегемонии Запада в системе международных отношений. Для координации военной помощи Украине странами западной коалиции была создана контактная группа высокого уровня, получившая название «Рамштайн» по местоположению американской авиабазы в ФРГ, где прошло её первое заседание в апреле 2022 года. В рамках этой группы проходят регулярные встречи глав оборонных ведомств почти 50 государств, на

которых согласовываются вопросы военных поставок Украине. К середине 2023 г. Украина получила или заручилась военной помощью Запада почти на 95 млрд евро, согласно подсчётам экспертов Кильского института мировой экономики (ФРГ). Финансово-экономическую помощь Запада они оценивают в 140 млрд долларов.

Американский вклад в военный потенциал Украины значительно превосходит то, что́ поступает из ЕС. США передали Украине 31 танк «Абрамс» (*Abrams*) предыдущих модификаций, различные виды другой тяжёлой военной техники, большое количество артиллерийских, зенитных и противотанковых систем, а также более 7 тысяч барражирующих боеприпасов «Свичблейд» (*Switchblade)*, не считая БПЛА других типов. США оценивают в 113 млрд долл. совокупную военную помощь, которую они предоставили Украине к середине 2023 года. Осенью администрация Дж. Байдена запросила у Конгресса ещё 30 млрд долл. на эти цели из общей суммы в 61,4 млрд долл., которую она собирается направить на финансирование расходов по поддержке Киева в 2024 фин. году.

Планы администрации Дж. Байдена продолжить внушительную военную подпитку украинского режима могут не реализоваться в полном объёме, учитывая изменение настроений в Конгрессе и среди электората. Снижение уровня поддержки в вопросе о предоставлении американской военной помощи Украине показывают опросы общественного мнения в США: согласно этим данным, 46% респондентов одобряли американские военные поставки в мае 2023 г., а в октябре этот показатель снизился до 41% (у сторонников республиканцев он сократился до 35%). Поддержка тает даже среди демократов – она упала с 61% (май) до 52% (октябрь). Доля тех, кто выступает против предоставления военной помощи Киеву, наоборот, увеличилась за это время с 29% до 35% [5]. Выражая меняющееся отношение законодателей, председатель одного из подкомитетов Комитета по делам вооружённых сил Палаты представителей М. Уолтц, в своей статье, опубликованной в сентябре 2023 г. на сайте канала «Фокс ньюс» (*FoxNews*), предупредил, что «эра безграничных ассигнований Конгресса для Украины закончилась» [6].

Хотя военная помощь Европы, направляемая Украине, и уступает американской, её нельзя сбрасывать со счетов. В ноябре 2023 г. глава европейской дипломатии Ж. Боррель сообщил, что военные поставки ЕС достигли 27 млрд евро, из которых 5,6 млрд евро поступили через «Европейский фонд мира», который был создан несколько лет назад как инструмент финансирования оперативно возникающих расходов Евросоюза в военной сфере. Весной 2023 г. страны ЕС передали Украине 220 тысяч снарядов и 1300 ракет согласно данным, которые привёл Ж. Боррелль после встречи министров обороны стран Евросоюза 23 мая в Брюсселе. Согласно подсчётам западных экспертов, страны ЕС при существующих мощностях могут производить 500–600 тысяч 155-мм снарядов в год, тогда как украинская армия за этот срок использовала в ходе военных действий против России примерно 1,8-2,9 млн этих боеприпасов (из расчёта 5-8 тысяч снарядов в день).

Власти ЕС обратились к национальным правительствам с просьбой возобновить производство на законсервированных сборочных линиях и нарастить мощности на действующих заводах компаний-подрядчиков.

Отдельным источником поставок на Украину из Европы является Великобритания, которая вышла из ЕС несколько лет назад. Она передала украинской армии 14 танков «Челленджер 2» (*Challenger 2*) из 227 танков, что числятся в списочном составе британских вооружённых сил, а также крылатые ракеты воздушного базирования и некоторые другие виды вооружений. В бюджете на 2023 год Министерству обороны было выделено дополнительно 1,9 млрд ф. ст. на пополнение запасов вооружений, которые сократились в результате поставок украинской армии, и на создание новых мощностей по производству военной техники и боеприпасов.

Масштабные отгрузки военной продукции на Украину и меры, предпринятые в связи с риском разрастания конфликта, вызвали значительное увеличение оборонных расходов в Европе. Военный бюджет Польши подскочил за год на рекордные 46%в реальном выражении. По подсчётам западных экспертов, с середины 2022 г. по середину 2023 г. в странах ЕС было объявлено о военных закупках на сумму около 75 млрд евро, что на 23 млрд евро превышает показатель 2021 года. Почти половина прироста приходится на Германию (33%) и Польшу (17,5%) [3].

Обострение экономических проблем может помешать реализации амбициозных планов повышения расходов на оборону во многих странах ЕС. Без долгосрочных госзаказов военно-промышленные компании будут сомневаться в необходимости крупномасштабных инвестиций в наращивание производственных мощностей. Британские аналитики замечают, что «производители оборонной продукции неохотно делают инвестиции, не имея контрактов или твёрдых обязательств со стороны заказчиков, учитывая, что спрос может снова рухнуть, когда война на Украине закончится» [Aries H., Giegerich B., Lawrenson T., 2023: 11].

Чтобы содействовать оптимизации военных расходов, Еврокомиссия предложила ряд мер, включая Акт об укреплении европейской оборонной промышленности путём осуществления совместных закупок вооружений (*European Defence Industry Reinforcement Through Common Procurement Act – EDIRPA*). На реализацию этой инициативы было выделено 500 млн евро, что представляет собой весьма скромную сумму, учитывая, что европейские союзники за полтора года, с 2022 г. по середину 2023 г., израсходовали почти 100 млрд евро на закупку военной техники и вооружений – на 21,5 млрд евро (33%) больше в годовом исчислении. По этому показателю лидируют ФРГ и Польша – соответственно 28 млрд евро и 16 млрд евро [3].

2024; 4: 5-22 США & Канада: экономика, политика, культура / USA & Canada: economics, politics, culture

НАРАЩИВАНИЕ ВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В США И ЕС

Расширение масштабов военного противоборства Запада с Россией на Украине привело конфликтующие стороны к пониманию того, что многое будет решаться в сфере военно-промышленного производства. Акцент в военной доктрине США на качественном совершенствовании военной техники и недооценка количественных параметров в сфере обычных вооружений явились результатом того, что во главу угла ставилась подготовка к конфликтам, которые не предполагают массированного применения конвенциональных вооружений в течение многих месяцев. Опыт военных действий на Украине показал США и европейским союзникам, что прежний подход нуждается в пересмотре.

По словам министра обороны Л. Остина, США развернули самую масштабную за последние 40 лет программу модернизации военной промышленности, которая охватывает более 30 штатов [7]. Огромный оборонный бюджет, который в 2023 фин. г. составил 860 млрд долл., и мощная военно-промышленная база позволяют США производить широкий ассортимент вооружений и боеприпасов в необходимом объеме для удовлетворения собственных потребностей, а также наращивать выпуск оборонной продукции гораздо быстрее, чем это удается европейским союзникам, в случае возникновения необходимости.

О планах по расширению производства вооружений заявили многие крупнейшие военно-промышленные компании США. Корпорация «Локхид-Мартин» (*Lockheed-Martin Corporation*) объявила о предстоящем увеличении выпуска истребителей *F-35* до уровня более 190 единиц в год при условии развёртывания дополнительных заводских мощностей в Германии. В 2024 г. США планируют увеличить производство РСЗО «ХАЙМАРС» (*HIMARS)* с 60 до 96 боекомплектов в год; противотанковых ракет «Джавелин» (*Javelin*) с 2100 до 4000 комплексов; боеприпасов для ствольной артиллерии (155-мм снарядов) до 90 тысяч единиц в месяц, на эти цели выделены инвестиции в размере 2 млрд долларов. Обнародованные данные могут разниться с реальными показателями, но общая тенденция роста военного производства очевидна.

Одной из проблем, с которой столкнулись США и европейские союзники, предоставляя военную помощь Украине, является возникший дефицит наиболее расходуемых типов вооружений и боеприпасов. Руководство армии США разработало трёхэтапный план инвестиций на сумму 16 млрд долл., предусматривающий модернизацию оборудования по производству боеприпасов с 2024 г. по 2038 г. Конгресс ассигновал в 2022 фин. г. около 3,8 млрд долл. на закупку боеприпасов; 588 млн долл. из этой суммы составили инвестиции в предприятия по их производству. В сентябре 2022 г. было выделено дополнительно 540 млн долл. на увеличение производственных мощностей в связи с возросшим спросом на некоторые виды боеприпасов в результате их поставок на Украину. По оценке экспертов института стратегических исследований (*IISS*, Лондон), Соединённые Штаты

произвели в 2022 г. 180 тысяч 155-мм артиллерийских снарядов, а европейские союзники – около 300 тысяч этих боеприпасов.

В речи на Рейгановском форуме в декабре 2023 г. министр обороны Л. Остин подчеркнул, что «интенсивное использование артиллерии на Украине убедительно доказывает необходимость ещё больших инвестиций в боеприпасы» [7]. По его словам, за годы администрации Дж. Байдена США увеличили производство артиллерийских снарядов в 4 раза – расходы на эти цели возросли почти на 50% по сравнению с показателем пятилетней давности. Минобороны планирует нарастить выпуск снарядов до 1-1,2 млн единиц в год, заключив контракты на создание дополнительных производственных мощностей в Техасе и Канаде.

Европейские союзники оказались неготовыми к *быстрому* наращиванию производства военной продукции. После окончания холодной войны они делали упор на экономической эффективности оборонной отрасли, а этот критерий не предполагает резервирования промышленных площадок, простаивающих в мирное время, и создание больших запасов специальных материалов и компонентов из-за риска, что они не будут использованы до истечения срока годности. По словам аналитиков из института стратегических исследований (Лондон), «большинство европейских правительств не считали политически оправданным тратить деньги налогоплательщиков на сохранение избыточных мощностей в оборонной промышленности, полагая, что война высокой интенсивности маловероятна» [Aries H., Giegerich B., Lawrenson T., 2023: 10]. Согласно оценкам этих экспертов, потребуется в среднем 2–3 года, чтобы перезапустить законсервированные поточные линии, а также начать массовое производство современных, более сложных военных систем на уже действующих мощностях.

Корпорация «БАЕ системс» (*BAESystems*) уведомила Минобороны США, что возобновление производства гаубиц М777 займёт до трёх лет (30-36 месяцев). По словам главы крупнейшего немецкого концерна в сфере вооружений «Райнметалль» (*Rheinmetall AG*) А. Паппергера, чтобы вновь начать выпуск некоторых электронных компонентов для танков потребуется до двух лет. Вместе с тем он утверждал, что возглавляемый им концерн может быстро увеличить производство снарядов с 70 тыс. до 450 тыс. в год. Чешский холдинг «Чехословак групп» (*Czechoslovak Group*) объявил о готовности нарастить выпуск с 100 тыс. до 150 тыс. аналогичных боеприпасов в год. Схожие планы обозначили и некоторые другие европейские компании, однако во многих случаях эти намерения ещё не подкреплены соответствующими госзаказами. Согласно оценкам еврокомиссара по вопросам внутреннего рынка Т. Бретона, ЕС потребуется полтора-два года, чтобы сравняться с Россией по объёму производства вооружений и боеприпасов. Правда, никаких конкретных расчётов он не привёл в обоснование своего прогноза.

В марте 2023 г. страны ЕС приняли решение поставить Украине в течение года 1 млн снарядов со своих складов и пополнить собственные оскудевшие запасы,

увеличив производство боеприпасов. На финансирование этих работ в 2023-2025 гг. Еврокомиссия выделила 500 млн евро в рамках реализации принятого в июле закона «О поддержке производства боеприпасов» (*Act in Support of Ammunition Production – ASAP*); суммарные расходы стран ЕС на указанные цели запланированы в объёме 2 млрд евро. Весной 2023 года Норвегия и 23 страны ЕС подписали соглашения о совместных закупках 155-мм артиллерийских снарядов. В производстве этих боеприпасов могут быть задействованы по крайней мере 15 компаний, расположенные в 11 странах Европы. В ноябре министр обороны ФРГ Б. Писториус признал, что ЕС не сможет выполнить своё обещание о поставках украинской армии 1 млн снарядов к марту 2024 года. В действительности к указанному сроку было отправлено около половины заявленного объёма боеприпасов.

В докладе, представленном комиссией по национальной обороне и делам вооружённых сил Национального собрания Франции в феврале 2023 года, отмечается, что военные поставки Украине привели к значительному истощению французских запасов вооружений и боеприпасов. После передачи Украине гаубиц «Цезарь» *(CAESAR)* у французской армии осталось всего около 40–50 орудий этого типа [8]. Ежегодно во Франции закупалось в среднем 20 тысяч 155-мм снарядов (для проведения военных учений), что эквивалентно недельному расходу украинской армии в зоне СВО в 2023 году.

Как заявил министр обороны Франции С. Лекорню парламентариям, поставки Украине будут осуществляться таким образом, чтобы не создавать угрозу дефицита для оперативного потенциала французских вооружённых сил [8]. Разъяснения главы военного ведомства последовали в связи с появившимися во Франции опасениями о том, что передача украинской армии боеприпасов для гаубиц «Цезарь», систем ПВО «Мистраль» (*Mistral*) и «Кроталь» (*Crotale*) осуществляется в ущерб оснащению и поддержанию боеготовности французской армии.

В мае французское Минобороны одобрило план экстренных закупок для восполнения оперативных резервов боеприпасов. В соответствии с финансовым законом на 2023 г. было выделено 2 млрд евро для финансирования госзаказа и более 1 млрд евро в виде платёжных кредитов на эти цели. Увеличение производства 155-мм снарядов ожидается не ранее 2025 года, учитывая технические возможности французского производителя пороховых зарядов компании «Юринко» (*Eurenco*). По оценкам западных экспертов, требуется 3-4 года, чтобы с нуля построить завод по производству боеприпасов и начать выпуск продукции.

Согласно данным, приведённым в упомянутом парламентском докладе, промежуток времени между госзаказом и поставками 155-мм артиллерийских снарядов в войска равняется 10–20 месяцам, для снарядов с системой самонаведения - 24-36 месяцев, для наземных противотанковых ракетных комплексов и тактических ракет «воздух–земля» – примерно 24 месяца, для ракет класса «воздух–воздух» большой

дальности «Метеор» (*Meteor*) – 36 месяцев, для противокорабельных ракет «Экзосет» (*Exocet*) – 4-5 лет. Это означает, что Франция не сможет в сжатые сроки кардинально изменить ситуацию в производстве вооружений.

По оценкам западных экспертов, на восполнение сократившихся запасов вооружений Бундесверу потребуется 20 млрд евро, однако только 10% этой суммы, как ожидается, будет реализовано в госконтрактах до 2025 года. В результате процесс дооснащения армии может затянуться на продолжительное время. Отсутствие механизма своевременного освоения возросших ассигнований на оборону в виде госконтрактов на закупку вооружений и боевой техники вызвало удивление у немецких политологов Б. Гигериха и Б. Шриера. Однако они сами же и дают объяснение этому феномену в своей статье, где замечают, что *Германия, видимо, не воспринимает Россию как непосредственную угрозу для самой себя* [Giegerich B., Schreer B., 2023: 38].

В последнее время Минобороны ФРГ наращивает темпы и объёмы закупок военной техники и боеприпасов для Бундесвера. Активизация военных приготовлений прикрывается утверждениями германских властей о возросшем риске потенциального конфликта с Россией. Подобные заявления призваны обосновать в глазах общественности увеличение расходов на оборону при ухудшении экономического положения в стране и убедить военно-промышленные компании инвестировать в расширение производственных мощностей.

ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: ВЛИЯНИЕ СВО

Администрация Дж. Байдена рассматривает наращивание трансатлантического оборонного сотрудничества как важный элемент стратегии противоборства с Россией. Поощряя европейских союзников к увеличению вклада в оборону, США стремятся направлять военно-техническую кооперацию в соответствии со своими приоритетами. Они настаивают на том, чтобы оборонные проекты ЕС в полной мере учитывали требования оперативной совместимости с НАТО. Германский политолог Н.-М. Эверс-Питерс констатирует, что «взаимодействие между ЕС и НАТО резко интенсифицировалось с началом украинского кризиса и конфликта с Россией в 2014 году» [Ewers-Peters N.-M., 2022: 183].

Экспорт американской военной техники и вооружений в Европу является традиционным направлением трансатлантического сотрудничества в сфере обороны. *Боевые действия в зоне СВО, резко сократив европейские запасы вооружений и боеприпасов, подстегнули военные поставки из-за океана, что привело к увеличению зависимости европейских стран от американского союзника*. С 2022 г. по середину 2023 г. на приобретение вооружений у США ушло около 63% суммарных расходов стран ЕС на закупку военной техники [3].

Основными статьями оборонного экспорта США в Европу являются: истребители пятого поколения *F-35* и вертолёты различного назначения– Чинук» (*Chinook*

60 CH-47F), «Найтхок» (*MH-60s Knighthawk*), «Вайпер» (*AZ-1Z Viper*) и «Апач» (*AH 64-E Apache*); средства ПВО – комплексы «Пэтриот» третьей модификации (*Patriot Advanced Capability-3*) и ПЗРК «Стингер» (*Stinger*); боеприпасы и вооружения – противотанковые ракеты «Джавелин» и «Хеллфайер (*Hellfire*), различные модификации ракет класса «воздух–воздух» (в частности, AMRAAM), а также востребованные странами ЕС виды военной техники, которые не производятся в Европе, например, РСЗО ХАЙМАРС (HIMARS), барражирующие боеприпасы «Свичблейд» (Switchblade), БПЛА «Рипер» (*Reaper*).

В декабре 2022 года Литва и Эстония подписали соглашения с корпорацией «Локхид-Мартин» на поставку тактических баллистических ракет ATACMS. В июле 2023 г. подразделение компании «Дженерал дайнемикс» (*General Dynamics Land Systems – DLS*), крупнейший американский производитель бронетанковой техники, подписало с Минобороны Польши контракт на поставку 250 танков «Абрамс» последней модификации за 1,15 млрд долларов [9]. До СВО эти танки в Европу не продавались; они шли на экспорт в страны Ближнего Востока и Австралию. В сентябре 2023 г. правительство Чехии приняло решение о закупке 24 истребителей *F-35* в период 2029-2035 гг. на сумму 5 млрд долларов.

С 2022 года американские поставки в Европу осуществляются почти исключительно по межправительственным соглашениям через американскую программу «Продажа военной продукции за рубеж» – ФМС (*FMS – Foreign Military Sales*). В её рамках не компании-производители, а Минобороны США является отправителем военной техники европейским заказчикам. Подписанные контракты оцениваются в сумму более 60 млрд долл. Механизм ФМС выводит участников соглашений из-под ограничительных норм и директив ЕС, а также позволяет европейским странам осуществлять закупки быстрее, чем через коммерческие контракты с корпорациями США.

Знаменательным событием в развитии трансатлантического оборонного сотрудничества стало подписание 26 апреля 2023 г. административного соглашения между МО США и Европейским оборонным агентством. Документ открывает для американской стороны возможность участия в европейских программах, находящихся в компетенции Европейского оборонного агентства (ЕОА). Стороны работали над соглашением около полутора лет в исполнение решения, которое было принято на саммите США – ЕС в июне 2021 г. Минобороны Соединённых Штатов выдвинуло предложение по разработке подобного документа ещё в 2016 г. Длительное согласование по сути технического документа о консультациях, охватывающего ограниченный перечень вопросов и не имеющего юридической обязательности силой, указывает на *политическую чувствительность вопроса оборонного сотрудничества между США и ЕС для амбициозных европейских держав, таких как Франция*.

Соглашение определяет условия американского участия в европейских проектах, закладывает правовую основу для регулярного двустороннего диалога между

ЕОА и структурами Минобороны США, включая Управление перспективных оборонных исследований и разработок (*DARPA*). Документ определяет исходный перечень узкоспециализированных тем для сотрудничества, который может в дальнейшем изменяться по взаимному согласию. Двусторонние консультации предусматривают обмен информацией по следующим вопросам: 1) применение в оборонной сфере правил ЕС по регистрации, оценке, разрешению и ограничению в использовании химических веществ – на территории Евросоюза действуют нормы, которые должны соблюдаться при производстве взрывчатых веществ; 2) регулирование вопросов, касающихся военной мобильности – транспортировки военных грузов, передвижения войск по территории стран ЕС и т.д.; 3) обмен опытом в снабжении материалами и компонентами, используемыми в производстве вооружений и военной техники, с учётом перебоев в цепочках поставок, вызванных пандемией ковида-19 и военными действиями на Украине; 4) оценка влияния климатических изменений на деятельность в сфере обороны.

Темы сотрудничества, перечисленные в соглашении, носят преимущественно информационно-консультационный характер, они не включают в себя вопросы, где интересы США и ЕС могут конфликтовать. Сфера военных НИОКР и технологий осталась за скобками договорённости, учитывая, что американские и европейские компании конкурируют между собой на международных рынках вооружений. В соглашении уточняется, что сотрудничество по согласованным вопросам осуществляется уполномоченными представителями стран ЕС, Европейского оборонного агентства, Минобороны США и других профильных госучреждений американского правительства, а *участие компаний возможно только по специальному решению*, которое должно быть принято совместно всеми заинтересованными сторонами [10]. Сотрудничество в рамках упомянутого соглашения на нынешнем этапе не предполагает обмен информацией о продукции и услугах, которые подпадают под действие механизма экспортного контроля в США и ЕС – будь то оборонные технологии, боевая техника, военное имущество, сопутствующие технические данные, а также другие чувствительные для национальной безопасности товары и программное обеспечение.

Быстрое расходование поставляемых Украине вооружений и боеприпасов, резко сократившиеся складские запасы у своих вооружённых сил вынуждают США и европейских союзников искать пути наращивания выпуска оборонной продукции. Одним из способов увеличения военного производства является расширение производственных связей между американскими и европейскими компаниями-подрядчиками. Дефицит заводских площадок подталкивает США к тому, чтобы расширить кооперацию с союзниками по выпуску как компонентов, так и некоторых видов американской военной техники на европейской территории. Ключевым партнёром для США здесь является Германия с её высокоразвитой промышленностью. В июне 2023 г. «Локхид-Мартин» и «Райнметалль» объявили о сотрудничестве в производстве европейской модификации системы ХАЙМАРС (*HIMARS*) на территории ФРГ. Они также договорились о

строительстве на западе Германии завода по изготовлению фюзеляжей американских истребителей *F-35*, так как в самих США производственных мощностей уже не хватает в связи с ростом заказов на эти самолёты.

Для налаживания совместного производства военной техники, бóльшей унификации и стандартизации компонентов и конечных изделий между производителями однотипной продукции в США и ЕС требуется одобрение на межправительственном уровне, которого далеко не всегда удаётся достичь, так как каждая из сторон стремится сохранить свои технологические секреты и преимущества, поддержать научно-техническое лидерство своих компаний. Министр обороны Франции С. Лекорню на пресс-конференции 21 сентября 2023 г. по завершении переговоров со своим немецким коллегой Б. Писториусом признал, что военные поставки Украине западными союзниками «высветили растущую несовместимость систем вооружений, используемых странами НАТО» [11].

В условиях острого соперничества государств в сфере высоких технологий, согласование общих стандартов в производстве вооружений на трансатлантическом уровне представляется сложной задачей, несмотря на декларирование этой цели на саммите НАТО в июле 2023 года. Призыв к расширению военно-технической кооперации звучал на встречах лидеров альянса и раньше, но реального прорыва в этом вопросе союзникам добиться не удалось, ведь *именно в сфере военного производства национальный протекционизм проявляется с наибольшей силой*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Администрация Дж. Байдена использует противоборство с Россией на территории Украины для консолидации трансатлантического сообщества в ситуации, когда устои американоцентричного миропорядка всё больше размываются. Поддержка ЕС является ключевым фактором для Соединённых Штатов в противоборстве с Россией и важнейшим элементом в экономическом и технологическом соперничестве с Китаем. *Идя на обострение конфронтации с Москвой, Вашингтон смог добиться большей управляемости ЕС в вопросах, затрагивающих американские интересы*. С точки зрения правящих элит в Европе, выгоды от участия в системе коллективной обороны НАТО под руководством США перевешивают издержки, связанные с их отказом от самостоятельной политики.

Вашингтон требует от европейских союзников увеличения вклада в сфере обороны с расчётом на то, что они должны будут нести основную нагрузку потенциальных конфликтов в Европе на доядерном уровне. Страны ЕС вынуждены согласиться на значительно бóльшие военные расходы, чем они привыкли нести в последние три десятилетия после окончания холодной войны. *Милитаризация Европы может использоваться наднациональными структурами ЕС как интеграционный*

механизм на фоне существующих в Европе разногласий по принципиальным вопросам будущего устройства этого объединения.

Военное противоборство Запада с Россией на Украине дало мощный импульс интенсификации трансатлантического сотрудничества в сфере обороны. *Увеличение закупок американских вооружений и развёртывание их производства в европейских странах по трансатлантическим соглашениям о кооперации ведёт к усилению зависимости Европы от США, отодвигая на неопределённое будущее самые крупные, политически значимые совместные военно-промышленные проекты в рамках ЕС.* Нынешняя структура военных расходов в ЕС способствует усилению зависимости от поставок военной техники из США.

«Американизация» внешней и оборонной политики ЕС стала отчётливой тенденцией в последние годы. Столкновение Запада с Россией на Украине не поставило точку в дискуссиях Евросоюза о «стратегической автономности Европы», но оно показало её утопичность в рамках американоцентричной структуры Запада. Вовлечённость Евросоюза в американскую стратегию противоборства с Россией значительно повышает для него риски в случае проведения самостоятельной политики на китайском направлении. ЕС не сможет придерживаться курса, который противоречил бы усилиям США по сдерживанию КНР, не вызвав напряжённости в отношениях с американским союзником, чего Брюссель стремится всячески избегать.

После провала украинского наступления осенью 2023 года в США и Европе стали проявляться признаки «усталости от Украины». Трансатлантический консенсус по украинскому вопросу едва ли сохранится в нынешнем виде, тем более если в США на президентских выборах 2024 г. победят республиканцы или если новые международные конфликты ощутимо увеличат нагрузку на американские ресурсы. В рядах республиканцев в Конгрессе и среди избирателей растёт доля тех, кто выступает за урезание американских расходов на Украину. Можно предположить, что чем больше будет сокращаться американская помощь, тем энергичнее администрация Дж. Байдена станет требовать от европейских союзников наращивания их вклада в поддержку Украины. Неспособность Киева переломить ситуацию на поле боя в свою пользу усиливает сомнения на Западе в целесообразности военной поддержки нынешней украинской власти и повышает мотивацию у тех кругов в США и Европе, которые могут признать реалии и попытаться путём переговоров с Москвой уменьшить риск нарастания конфронтации, чреватой непредсказуемыми последствиями.

ИСТОЧНИКИ

1. National Security Strategy. The White House. October 12, 2022. Available at: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf P. 23. (accessed 15.10.2023).

2. U.S.-EU Summit Joint Statement. October 20, 2023 Available at: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/10/20/u-s-eu-summit-joint-statement (accessed 23.10.2023).

3. Maulny, J.-P. The Impact of the War in Ukraine on the European Defence Market. Available at: https://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2023/09/19_ProgEuropeIndusDef_JPMaulny.pdf(accessed 10.10.2023).

4. German Federal Government. National security strategy. June 2023. Available at: https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/National-Security-Strategy-Executive-Summary-EN.pdf (accessed 11.08.2023).

5. Gilbertson, N. Poll: Rising Number of Americans Against Arming Ukraine. 5 October 2023. Available at: https://www.breitbart.com/politics/2023/10/05/poll-rising-number-of-americans-against-arming-ukraine (accessed 11.11.2023).

6. Waltz, M. The era of Ukraine's blank check from Congress is over. *Fox News*. Available at: https://www.foxnews.com/opinion/ukraines-blank-check-congress-over (accessed 11.11.2023).

7. Austin, L. A Time for American Leadership': Remarks by Secretary of Defense Lloyd J. Austin III at the Reagan National Defense Forum. Dec. 2, 2023. Available at: https://www.defense.gov/News/Speeches/Speech/Article/3604755/a-time-for-american-leadership-remarks-by-secretary-of-defense-lloyd-j-austin-i (accessed 12.12.2023).

8. Assemblée Nationale. Rapport d'information № 865. Available at: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/rapports/cion_def/l16b0865_rapport-information.pdf (accessed 23.10.2023).

9. Abrams main battle tank. Available at: https://asc.army.mil/web/portfolio-item/abrams-main-battle-tank (accessed 23.10.2023).

10. EDA – U.S. Department of Defense Administrative Arrangement Signed. European Defence Agency. 26 April 2023. Available at: https://eda.europa.eu/news-and-events/news/2023/04/26/new-pillar-for-cooperation-eda-u.s.-department-of-defense-administrative-arrangement-signed (accessed 09.09. 2023).

11. French, German defense ministers throw support behind future tank effort. Available at: https://breakingdefense.com/2023/09/french-german-defense-ministers-throw-support-behind-future-tank-effort (accessed 30.10.2023).

REFERENCES

Aries H., Giegerich B., Lawrenson T. The Guns of Europe: Defence-industrial Challenges in a Time of War. *Survival*. June-July 2023. Vol. 65. № 3. P. 7-24.

Biscop S. The EU's Role in Security and Defence: Still Indispensable. In: Facing War: Rethinking Europe's Security and Defence. P. 47-60. Ed. by S. Giusti and G. Grevi. Milan: LedizioniLediPublishing, 2022, p. 116.

Coticchia, F. A Watershed Moment? European Defence and the War in Ukraine. In: Facing War: Rethinking Europe's Security and Defence. P. 23-34. Ed. by S. Giusti and G. Grevi. Milan: LedizioniLediPublishing, 2022, 116 p.

Ewers-Peters, N.-M. Understanding EU-NATO Cooperation: How Member-States Matter. Routledge: London. 2022. P.XIII, 206.

Fasola, N., Lucarelli, S. The EU-NATO Partnership. In: Facing War: Rethinking Europe's Security and Defence. P. 61-72. Ed. by S. Giusti and G. Grevi. Milan: LedizioniLediPublishing, 2022, 116 p.

Giegerich, B., Schreer, B. Zeitenwende One Year On. *Survival*. April-May 2023. Vol.65. № 2. P. 37-42.

Kaarbo, J., Oppermann, K., Beasley, R. What if? Counterfactual Trump and the western response to the war in Ukraine. *International Affairs*. March 2023. Vol. 99. № 2. P. 605–624.

Kagan, R. The Price of Hegemony. Can America Learn to Use Its Power? *Foreign Affairs*. May-June 2022. Vol. 101. № 3. P. 10-19.

Maurer, H., Whitman, R., Wright, N. The EU and the invasion of Ukraine: a collective responsibility to act? *International Affairs*. 2023. Vol. 99. № 1. P. 219–238.

Robison, R. NATO burden-sharing: A comprehensive framework for member evaluation. *Comparative Strategy*. 2020. Vol. 39. No. 3. P.299–315.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПРИХОДЬКО Олег Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.

Oleg V. PRIKHODKO, Cand. Sci. (History), leading researcher, Department of Foreign Policy Studies, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khelbny per., Moscow 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 19.12.2023/ Received 19.12.2023.
Поступила после рецензирования 09.01.2024 / Revised09.01.2024.
Статья принята к публикации 11.01.2024 / Accepted 11.01.2024.

2024; 4: 24-34 США & Канада: экономика, политика, культура / USA & Canada: economics, politics, culture

УДК 330.33.01
DOI: 10.31857/S2686673024040028
EDN: SBRRCO

Высшая школа США: особенности развития в третьем десятилетии XXI века

В.Б. Супян

Институт США и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).
Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3
Scopus Author ID 6504331071 РИНЦ ID 105433
ORCID: 0000-0001-8819-3940 e-mail: vsupyan@iskran.ru

Резюме. В статье анализируется ситуация в сфере высшего образования в США в третьем десятилетии XXI века. Рассмотрены лучшие университеты США, по-прежнему занимающие ведущие позиции в мировых университетских рейтингах. Отмечена растущая доля населения США, имеющая высшее образование, в том числе и в различных расовых и этнических группах населения. Показаны традиционные и новые противоречия, имеющие место в высшем образовании США: рост стоимости обучения, неодинаковая доступность образования для различных групп населения, рост бюрократизации высшей школы, снижение степени удовлетворённости высшим образованием среди населения страны.

Ключевые слова: Высшее образование; число студентов; исследовательские университеты; классификация вузов; доверие к высшему образованию; стоимость обучения; бюрократизация университетов

Для цитирования: Супян В.Б. Высшая школа США: особенности развития в третьем десятилетии XXI века. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2024; 54 (4):24-34. DOI: 10.31857/S2686673024040028 EDN: SBRRCO

Higher Education in the USA: Characteristics of Development During the Third Decade of the 21st Century

Victor B. Supyan

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences (ISKRAN)
2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation
Scopus Author ID 6504331071 РИНЦ ID 105433
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-8819-3940 e-mail: vsupyan@iskran.ru

Abstract. The article aims to examine the state of higher education in the USA during the third decade of 21st century. The author reviews the best US universities still leading in global

educational rankings. The paper highlights the increasing proportion of the population with a bachelor degree or higher, including among racial and ethnic minorities. It also addresses longstanding issues within the US education system, including the high cost of tuition, inequal access to university education among different racial groups of population. It also identifies new challenges including growing bureaucracy in universities and rising dissatisfaction with higher education as a factor of professional success.

Keywords: Higher education, student enrollment, research universities, university and colleges classification, positive attitudes towards higher education, tuition costs, bureaucratization of educational institutions

For citation: Supyan, V.B. Higher Education in the USA: Characteristics of Development During the Third Decade of the 21st Century. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2024; 54(4):24-34. DOI: 10.31857/S2686673024040028 EDN: SBRRCO

ВВЕДЕНИЕ

Высшее образование в США – один из ключевых драйверов экономического и научно-технического развития страны. Это отрасль, безусловно, одна из самых конкурентоспособных в мире с точки зрения подготовки кадров для различных сфер экономики и социальной жизни, а также проведения научных исследований. Одновременно это один из наиболее эффективных социальных лифтов американского общества.

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Согласно статистике, высшее образование в США охватывает формальное обучение после окончания средней школы. По сути, сюда включается не только собственно высшее образование (бакалавриат и магистратура), но и учебные заведения, предоставляющие двухгодичное обучение, аналогичные средним специальным учебным заведениям (в СССР их называли «техникумы»).

В 2022 г. в США насчитывалось 16 млн студентов: 9,6 млн женщин и 6,6 млн мужчин. Из общего количества студентов 45,8% являлись студентами государственных университетов и четырёхгодичных колледжей, 27,8% – студентами частных университетов и колледжей и 26,4% – студентами двухгодичных государственных колледжей.

На высшее образование в начале 20-х годов текущего десятилетия в США тратилось 762 млрд долл. (245 млрд – на частные вузы и 417 млрд – на государственные). Это составляет примерно 2,5% ВВП страны, что заметно больше, чем в среднем в странах – членах ОЭСР (1,5%).

Университеты и колледжи в США подразделяются на категории и предоставляют образование различного характера. Выделяют, в частности, класси-

ческие университеты, состоящие из разнообразных колледжей или школ (в Европе и в России они назывались бы факультетами), предоставляющими весь набор специальностей – естественно-научных, технических, медицинских и социально-гуманитарных. В состав вузов входят также четырёхгодичные колледжи, готовящие специалистов по многим профессиям, естественно-научного и гуманитарного профиля, а также двухгодичные региональные колледжи (*community colleges*), предоставляющие, по сути, среднее специальное образование.

Существуют различные схемы классификации высших учебных заведений США. Одна из наиболее популярных систем была предложена Фондом Карнеги за развитие преподавания (*The Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching, CFAT*). Она состоит из 10 основных категорий вузов, различающихся в зависимости от количества обучаемых студентов, масштабов финансирования научных исследований, количества защищаемых докторских диссертаций и числа предлагаемых учебных курсов. В наиболее престижные категории выделяются две группы так называемых исследовательских университетов (235 университетов), где наиболее высок уровень финансирования научных исследований и число защищаемых ежегодно докторских диссертаций составляет не менее 50 [1]. В 2025 г. вступит в силу новая классификация вузов, предложенная также Фондом Карнеги, но более стройная и логичная по сравнению с существующей [2].

В качестве примера можно привести 20 наиболее престижных американских университетов, занимающих лидирующие позиции в национальных рейтингах высшего образования в 2024 г. О первых пяти расскажем более подробно, остальные просто перечислим. По основным научным и учебным характеристикам первые 20 университетов близки друг другу.

На первом месте в рейтинге журнала «Ю.С. ньюс энд уорлд рипот» (U.S. News & World Report) в 2024 г. находится Принстонский университет (*Princeton University*), частный вуз, находящийся в Принстоне, штат Нью-Джерси. В нём учится 5,6 тыс. студентов бакалавриата, ежегодная стоимость обучения и проживания составляет 79,1 тыс. долл. В университет принимаются лишь 6% подавших заявление. Сумма всех видов финансовой помощи на одного студента может составить в среднем 62,8 тыс. долл. (кредиты, гранты, стипендии).

На втором месте находится Массачусетский технологический институт, МТИ (*Massachusetts Institute of Technology, MIT*), частный университет, который находится в Кембридже, штат Массачусетс. Число студентов здесь составляет 4,6 тыс. долл., стоимость обучения и проживания – 79,6 тыс. долл.; 60 тыс. долл. может компенсироваться в виде различных форм помощи. Лишь 4% подавших заявление поступают в университет.

На третьем-четвёртом месте стоит Гарвардский университет (*Harvard University*), частный университет, также расположенный в Кембридже. В нём обучается 7,2 тыс. студентов, стоимость обучения и проживания составляет 79,6 тыс. долл., из которых 60,1 тыс. может покрываться различными видами помощи. Лишь 3% подавших заявления становится студентами данного вуза. И частный Стэнфордский университет (*Stanford University*), полное название – Университет им. Леланда Стэнфорда-младшего, *Leland Stanford Junior University*), находящийся в Стэнфорде, штат Калифорния. В нём обучается более 8 тыс. студентов, стоимость обучения составляет 83,4 тыс. долл., 72 тыс. может покрываться различными видами помощи.

На пятом месте рейтинга находится частный Йельский университет (*Yale University*), находящийся в Нью-Хейвене, штат Коннектикут. В нём обучается 6,6 тыс. студентов, стоимость обучения и проживания составляет 83,9 тыс. долл. в год. Чуть более 70 тыс. долл. студентам может быть компенсировано из всех видов финансовой помощи. Поступает в вуз лишь 5% подавших заявление.

На шестом месте списка находится частный Пенсильванский университет (*University of Pennsylvania*), находящийся в г. Филадельфия, штат Пенсильвания. На седьмой-восьмой позиции находится Калифорнийский технологический институт (*California Institute of Technology*), частный университет, который расположен в Пасадине, штат Калифорния, и частный университет Дьюка (*Duke University*), расположенный в Дареме, штат Северная Каролина.

С девятого по одиннадцатое место располагаются частный Университет Брауна (*Brown University*), расположенный в Провиденсе, штат Род-Айленд, частный Университет Джонса Хопкинса (*Johns Hopkins University*), расположенный в Балтиморе, штат Мэриленд, и частный Северо-Западный университет, распложенный в г. Эванстон, штат Иллинойс.

С двенадцатого по четырнадцатое место находятся частный Колумбийский университет города Нью-Йорк (*Columbia University in the City of New York*, или *Columbia University*), частный Корнельский университет (*Cornell University*), расположенный в Итаке, штат Нью-Йорк, и частный Чикагский университет (*University of Chicago*), расположенный в Чикаго, штат Иллинойс.

Следующие два университета, делящие 15-ую и 16-ую позицию в рейтинге, являются государственными, то есть находятся в собственности и ведении штата, поэтому и плата за обучение в них будет существенно ниже. Это Университет Калифорнии в Беркли (*The University of California, Berkeley – UC*) и Университет Калифорнии в Лос-Анджелесе (*The University of California, Los Angeles – UCLA*). На 17-ом месте расположился частный Университет Райса (*Rice University*), находящийся в Хьюстоне, штат Техас.

Два университета в 2024 г. делят 18-ое и 19-ое места – Дартмутский колледж (*Dartmouth College*) и Университет Вандербильта *(Vanderbilt University*). Дартмут-

ский колледж – частный университет расположен в Ганновере, штат Нью-Гэмпшир. Университет Вандербильта – частный университет, расположен в Нэшвилле, штат Теннесси. На 20-м месте находится Университет Нотр-Дам (*University of Notre Dame*), частный католический университет, расположенный в городе Нотр-Дам, штат Индиана [3].

К вышеприведённой двадцатке наиболее престижных с точки зрения общенационального рейтинга университетов США смело можно было бы добавить ещё 10–15 университетов аналогичного класса, по преимуществу частных. Среди них Мичиганский университет (*University of Michigan*) в Анн-Арборе; Джорджтаунский университет (*Georgetown University*) в Вашингтоне, округ Колумбия; Университет штата Северная Королина (*North Carolina State University*) в Чапел-Хилле; Университет Карнеги – Меллона (*Carnegie Mellon University*; *CMU*) в Питтсбурге; Университет Эмори (*Emory University*) в Атланте; Университет Вирджинии (*University of Virginia*, *UVA*) в Шарлотсвилле; Университет Вашингтона в Сент-Луисе (*Washington University in St. Louis*), штат Миссури, Калифорнийский университет в Дэвисе (*UC Davis, UCD*), Университет Калифорнии в Сан-Диего (*San Diego State University*), Флоридский университет, или Университет Флориды (*University of Florida*) в Гейнсвилле; Университет Южной Калифорнии (*University of Southern California, USC*) в Лос-Анджелесе; Техасский университет в Остине (*University of Texas at Austin*); Технологический институт Джорджии (*Georgia Institute of Technology*, *Georgia Tech*) в Атланте, Университет Калифорнии в Ирвайне (*University of California, Irvine*), Нью-Йоркский университет (*New York University, NYU*) в Нью-Йорке и ряд других.

Все эти университеты относятся к разряду исследовательских, имеют высокий уровень научных исследований и крупные эндаументы (фонды), состоящие из пожертвований на суммы в сотни миллионов и даже миллиарды долларов, предназначенные для финансирования научных исследований и новых методов обучения.

По всем международным университетским рейтингам (таким как Times Higher Education, Шанхайский рейтинг и другие) университеты США неизменно занимают ведущие места в первой десятке или двадцатке вузов – обычно первые 7–8 мест, иногда делят первые места списка с британскими Оксфордом и Кембриджем.

Прочие университеты и колледжи (а их более четырёх тысяч) в большей степени сосредоточены на учебном процессе, нежели на проведении исследований. Двухгодичные колледжи, составляющие примерно четверть всех учебных заведений высшего образования, в основном готовят специалистов по узким специальностям как технического, так и иного профиля.

Доля лиц с высшим образованием в США, то есть имеющих по крайней мере степень бакалавра, выросла за 2005–2019 гг. на 5 п.п., с 27,5% до 32,1% (см. таблицу).

Таблица

Доля населения в возрасте 25 лет и старше, имеющих как минимум степень бакалавра и выше по расовой принадлежности (2005–2019 гг.)

	Доля населения, %		Изменение доли в п.п.	Изменение численности, %
	2005 г.	2019 г.		
Всего	27,5	32,1	4,6	16,6
Белые	29,0	33,5	4,4	15,4
Афроамериканцы	17,2	21,6	4,4	25,4
Индейцы и коренные жители	12,8	15,0	2,2	17,0
Выходцы из Азии	49,6	54,3	4,7	9,5
Испаноязычные	12,6	16,4	3,9	30,3

Kevin McElarth and Michael Martin. February 09, 2021. Bachelor's Degree Attainment in the United States: 2005 to 2019. US Census Bureau. Available at: http://www.censuss.gov/content/dat/census/library/publications/2021/acs/acsbr-009.pdt (accessed 15.12.2023).

Из таблицы следует, что доля лиц с высшим образованием увеличилась в США за 20 лет с 27,5% до 32,1%, то есть на 4,6 п.п., или на 16,6%. Наибольшая доля людей с высшим образованием наблюдается среди американцев азиатского происхождения (54,3%) – рост на 4,7 п.п., или на 9,5%. На втором месте идут белые американцы (33,5%) – рост на 4,4 п.п., или на 15,4%. Третью позицию занимают афроамериканцы (21,6%) – рост на 4,4 п.п., или на 25,4% (второй по величине прирост среди всех расовых категорий). Наименьший процент у испаноязычных американцев (16,4%) и коренных жителей Америки – индейцев и эскимосов (16,4% и 15,0% соответственно).

В региональном разрезе самый большой процент лиц с высшим образованием проживает на Северо-Востоке (29,8%) и на Западе США (25,4%). Меньше – на Среднем Западе (21,9%) и Юге (19,7%). Особенно высока доля имеющих высшее образование в крупнейших мегаполисах, таких как Нью-Йорк, Вашингтон (округ Колумбия), Чикаго и Сиэтл, где расположены крупнейшие компании страны, научные и образовательные центры.

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Фактически с момента основания Гарвардского колледжа в 1636 г., то есть спустя 6 лет после высадки колонистов в Америке и решения Законодательного собрания штата Массачусетс об учреждении колледжа, США стали мировым лидером в области высшего образования. После принятия законов Моррилла в 1862 г. и в 1890 г. начали создаваться так называемые «земельные» (*land-grant*) университеты, которые соединили в себе две наиболее успешные модели высшего образования того времени – германский исследовательский университет и британские

колледжи Оксбриджа (*Oxbridge*) в единый формат. Законом Моррилла 1890 г. было предусмотрено создание колледжей для афроамериканцев [4]. С тех пор американские университеты неизменно были на переднем крае внедрения новых научно-образовательных форматов, создавая многопрофильные университеты, высокотехнологичные исследовательские парки и т.д.

По многим аспектам США остаются глобальным лидером университетского образования, занимая в 2023 г. 19 позиций среди 30 лучших университетов мира, по версии газеты «Таймс». Среди преподавателей американских университетов наиболее высокая доля лауреатов Нобелевской премии, 9 из 10 наиболее богатых университетов (по финансовым активам) – американские. Ещё один вуз первой десятки – Университет короля Абдуллы из Саудовской Аравии. На первом месте по масштабам эндаумента находится Гарвардский университет – он равен 50 млрд долл. Мало стран в мире (не больше 10) имеют сопоставимые общенациональные расходы на науку [5].

Помимо рейтинговых позиций очевидно, что в настоящее время высшее образование даёт немало преимуществ его обладателям. Например, по данным проведённых обследований, ожидаемая медианная зарплата у лиц с высшим образованием в США на протяжении трудовой жизни на 655 тыс. долл. выше для мужчин, и на 450 тыс. долл. выше для женщин, чем у людей без высшего образования. Более того, разрыв в доходах у обеих групп растёт в пользу имеющих диплом бакалавра. Есть и другие бесспорные преимущества высшего образования – оно, как правило, предполагает лучшее медицинское обслуживание, более комфортную социальную среду.

Все эти преимущества, конечно, неодинаковы среди отдельных групп населения, поскольку степень охвата высшим образованием у различных расовых и этнических категорий американцев сильно различается. Так, доля выходцев из Азии, имеющих высшее образование, составляла в 2023 г. 61%, у белых американцев – 42%, у афроамериканцев – 28%, у испаноязыческого населения – только 21%.

При этом потребность в высшем образовании с точки зрения новых рабочих мест, которые возникнут в ближайшие годы, будет расти. Ожидается, что в 2030-е годы 86% новых рабочих мест потребует как минимум степени бакалавра [6].

Вместе с тем, несмотря на объективную потребность в специалистах с высшим образованием, наблюдаются явные признаки снижения надежд на высшее образование как некую гарантию жизненного и, прежде всего, профессионального успеха. Так, согласно опросу, проведённому Институтом Гэллапа в июне 2023 г. во всех 50 штатах и округе Колумбия, вера в высшее образование как в безусловную гарантию успеха заметно снизилась за последние годы. Например, в 2015 г. в то, что высшее образование даёт хорошие шансы на успех, верили 57% опрошенных, в 2018 г. таковых было уже 48%, а в 2023 г. –

лишь 36%. Любопытно, что среди демократов вера в высшее образование гораздо выше, чем у республиканцев – более 50% у демократов и от 19 до 33% у республиканцев [7].

Среди лиц старше 55 лет доверие к высшему образованию упало на 24 процентных пункта, у лиц в возрасте от 35 до 54 лет – на 16 п.п., у людей в возрасте от 18 до 34 лет – на 18 п.п. [8].

Помимо оценок населения, о так называемом «системном кризисе» американского высшего образования, пишут и многочисленные эксперты. Надо заметить, что термин «кризис» часто используется в американской литературе с известным преувеличением, когда никакого серьёзного кризиса не существует – просто чтобы привлечь внимание к тем или иным возникающим проблемам. Это касается не только образования, но и любых других сфер общественной жизни страны.

Оставаясь в целом на лидирующих позициях в мире, высшая школа США действительно сталкивается с целым рядом проблем, привлекающих внимание и требующих новых подходов.

Безусловно серьёзной проблемой является высокая стоимость высшего образования, что снижает его доступность и привлекательность. Как уже отмечалось, стоимость учёбы в вузе и проживания в кампусе в лучших университетах превышает 70–80 тыс. долл. в год, например, в Корнельском университете эта цифра достигла почти 90 тыс. долл. Плата в 50–60 тыс. долл. в год становится уже нормой для многих «приличных» частных университетов. Хотя стоимость обучения в государственных вузах ниже, чем в частных, лучшие государственные университеты также повышают плату за обучение до 40–50 тыс. долларов.

Чтобы оплатить свою учёбу студенты залезают в долги, размеры которых в совокупности уже достигают астрономических масштабов. Студенческий долг на федеральном уровне достиг 1,6 трлн долл., что на 60% больше, чем долги американцев по кредитным картам.

Если в 1970 г. студенческий долг в среднем в государственном вузе равнялся 1 326 долл., а в частном 2 754 долл., то в 2020 г. эти цифры возросли соответственно до 21 337 долл. и 46 313 долларов.

Президент Дж. Байден обещал списать студенческие долги, хотя многие эксперты полагают, что Верховный суд вряд ли одобрит такое популистское решение, поскольку оно может негативно повлиять на инфляцию в США.

Другой отмечаемой проблемой университетов стала их бюрократизация. Большой университет часто напоминает худшие черты крупной автомобильной корпорации 1970-х годов. Например, в Йельском университете на одного студента приходится один административный работник. В Стэнфорде число административных работников выросло с 2019 г. по 2023 г. с 8,9 тыс. до 11,3 тыс. человек.

Профессиональная карьера в университете становится не такой привлекательной, как раньше. Кроме небольшого числа профессоров, имеющих постоянный контракт, большинство преподавателей сталкиваются с угрозой постоянно потерять работу, так как они работают на коротких годичных или трёхгодичных контрактах. Это привело, например, к самой большой забастовке в США в 2022 г., в которой приняло участие 48 тыс. сотрудников университета штата Калифорния, самого большого работодателя в штате.

Отмечаются и другие перекосы в работе преподавателей. То, что долго считалось преимуществом американских университетов – вовлечённость преподавателей в исследовательскую работу, всё чаще воспринимается как определённый недостаток. Вместо того чтобы повышать эффективность учебного процесса, американские преподаватели обязаны в первую очередь думать о новых публикациях, без которых им не продлят контракт. Многие эксперты отмечают, что в университетах требуется существенный «реинжиниринг» деятельности сотрудников, их ориентация прежде всего на ключевых компетенциях в обучении.

В дискуссиях по поводу доступности высшего образования отмечается, что пора прекратить практику предоставления привилегий при поступлении для расовых и этнических меньшинств. Например, 60% опрошенных афроамериканцев не хотят, чтобы их расовая принадлежность стала фактором поступления в вуз, среди испаноязычных таковых 70%, среди азиатов – более 60%, среди белых – 80% [9].

Активно критикуются и другие имеющиеся привилегии, такие как льготы для детей преподавателей вузов, для спортсменов и активных общественников. Многие эксперты негативно отзываются о системе школьных тестов, которые не менялись многие десятилетия.

Ещё один предмет обсуждения носит политический характер. Многие критики сложившейся в университетах ситуации отмечают существование практики ограничений карьерного роста и даже приёма на работу людей с иными, чем превалирующие политические убеждения в том или ином университете. Отмечается засилье «левых» идей, нетерпимость к иным точкам зрения. По оценке, например, Фонда свободы самовыражения и свободы слова, Гарвард с точки зрения наличия свободы слова находился в 2023 г. на 170-ом месте из 203 ведущих университетов США.

Таким образом, в американской системе высшего образования, несмотря на всё ещё очевидные его достоинства, накопилось немало проблем и противоречий, которые требуют своего решения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные тенденции и проблемы высшего образования в США, характерные для третьего десятилетия XXI века, показывают, что оно по-прежнему

удерживает лидирующие позиции в мировом масштабе и сохраняет высокие рейтинги среди нескольких сотен ведущих университетов. Это обусловлено большими масштабами финансирования, особенно так называемых исследовательских университетов, высоким квалификационным уровнем кадрового состава вузов, в том числе большим количеством лауреатов Нобелевской премии, прогрессивными формами обучения.

Вместе с тем в высшем образовании сохраняется неравенство в доступе к нему, обусловленное высокой и быстро растущей стоимостью обучения. К этому добавляется целый ряд новых вызовов, отмечаемых американскими экспертами. К ним можно отнести падение доверия к высшему образованию как к фактору, обеспечивающему хорошие шансы на успешную профессиональную карьеру, растущую бюрократизацию вузов, элементы политической дискриминации.

ИСТОЧНИКИ

1. О классификации Фонда Карнеги см. подробно в монографии «Исследовательские университеты США» (под ред. проф. В.Б. Супяна). М., Магистр. 2009 г.

2. Carnegie classification system updates promise more transparency, multifaceted and designations. November 10, 2023. Available at: http://feed.georetown.edu/accesses-affordability/carnegie-classification-system-updates-promise-more-transperency-medtifaceted-designations (accessed 12.11.2023).

3. Best National University Rankings. *US News&World Report*. Available at: USnews.com/best-colleges/reakings/national-universities (accessed 10.12.2023).

4. Carey, K. Higher Education Funding Inequality in America Education Policy. May 31, 2023. Available at: http://www.newamerica.org/education-policy/briefs/higher-education-funding-inequality-in-america/ (accessed 15.12.2023).

5. Wooldridge, A. American Educational Superpower is Fading. 18 April 2023. Available at: http://www.blomberg.com/opinion/articles/2023-04-18/higher-education-in-the-US-faces-a-systematic-crisis (accessed 05.12.2023).

6. Fulfilling the potential of US Higher Education Report. April 17, 2023. Available at: http://www.mckinsey.com/industries/education/our-insiqhts/fulfilling-the-potential-of-us-hogher-edocatio (accessed 10.11.2023).

7. Wood, S., Aug. 7, 2003. American Have Less Confidence in Higher Ed: Why. *US News&World Report*. Available at: http://www.usnews.com/education/best-colledges/applying/articles/americans-have-less-confidance-in-higher-education (accessed 07.10.2023).

8. Breuan, M. American Confidence in Higher Education Down Sharply. Gallup. July 11, 2023. Available at: http://new.gallap.com/poll/508 352/americans-confidance-higher-version=print (accessed 16.12.2023).

9. Wooldrilg? A. America's Educational Superpowers Fading. 18 April 2023. Available at: http://www.bloomberg.com/articles/2023-04-18/higher-educatin-in-the-us-faces-a-systematic-crises (accessed 05.12.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СУПЯН Виктор Борисович, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного направления Института США и Канады имени Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Victor B. SUPYAN, Corresponding Member of RAS, honored scientist of the Russian Federation, Academic Director of Economic Studies of ISKRAN. Chief Research Fellow, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khlebny Pereulok, 121069, Moscow, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 22.01.2024/ Received 22.01.2024.
Поступила после рецензирования 30.01.2024 / Revised 30.01.2024.
Статья принята к публикации 1.02.2024 / Accepted 2.02.2024.

УДК: 321.02
DOI: 10.31857/S2686673024040032
EDN: SBOFWL

Институционализация гегемонии английского языка в США

М.А. Марусенко

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9
Researcher ID: H-8007-2013 Scopus ID: 38261631100 РИНЦ: 378834
ORCID ID: 0000-0002-0441-7845 e-mail: mamikhail@yandex.ru

Н.М. Марусенко

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9
Researcher ID: N -6015-2015 Scopus ID: 57212655940 РИНЦ: 834002
ORCID ID: 0000-0002-3347-1373 E-mail: nmm.spb@gmail.com

Резюме: В статье анализируются меры по институционализации гегемонического положения английского языка в США. Стремление некоторых штатов придать английскому официальный статус объясняется демографическими и социально-экономическими проблемами: ростом доли афроамериканского и испаноязычного населения, а также экономическими проблемами иммигрантских сообществ. В качестве инструмента повышения уровня жизни неанглофонов и создания общей американской идентичности предлагается общеамериканский английский *(General American)* – стандартный вариант английского языка, который в будущем должен взять на себя функции национального языка.

***Ключевые слова*:** американский английский, общеамериканский английский, официальный язык, стандартный язык, нестандартный вариант, афроамериканский английский, чиканский английский.

Для цитирования: Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Институционализация гегемонии английского языка в США. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2024; 54 (4):35-51. DOI: 10.31857/S2686673024040032 EDN: SBOFWL

The Institutionalization of English Language Hegemony in the United States of America

M.A. Marusenko

St. Petersburg State University.
7-9 Universitetskaya nab., 199034, St. Petersburg.
Researcher ID: H-8007-2013 Scopus ID: 38261631100 РИНЦ: 378834
ORCID ID: 0000-0002-0441-7845 e-mail: mamikhail@yandex.ru

N.M. Marusenko

St. Petersburg State University.
7-9 Universitetskaya nab., 199034, St. Petersburg.
Researcher ID: N-6015-2015 Scopus ID: 57212655940 РИНЦ: 834002
ORCID ID: 0000-0002-3347-1373 e-mail: nmm.spb@gmail.com

***Abstract*:** The article analyzes measures to institutionalize the hegemonic position of English in the United States. The desire of some states to give English an official status is explained by demographic and socio-economic problems: the growing share of African-American and Hispanic population, as well as economic problems of immigrant communities. General American, a standardized version of English, is proposed as a tool to improve the living standards of non-English speakers and create a common American identity, which in the future should take over the functions of the national language.

***Keywords**:* American English, General American, official language, standard language, non-standardized variant, African American English, Chicano English.

For citation: Marusenko M.A., Marusenko N.M. The Institutionalization of English Language Hegemony in the United States of America. *USA & Canada: economics*, *politics*, *culture*. 2024; 54(4):35-51. DOI: 10.31857/S2686673024040032 EDN: SBOFWL

ВВЕДЕНИЕ: АМЕРИКАНСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ КАК ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЯЗЫК

Несмотря на то, что в разные периоды истории США применялась разнообразная политика, регулирующая использование языков [Марусенко, 2013; Марусенко, 2014; Марусенко, 2016], их общий тренд был один – усиление гегемонии английского. Уже в ранний период формирования американской нации отношение к английскому как к символу национального единства принуждало неанглофонов, особенно коренные народы Америки, африканских рабов и население аннексированных территорий Мексики, изучать и использовать английский язык, иначе у них был ограниченный доступ к информации, ресурсам и услугам, предоставляемым исключительно на английском. Результаты такой политики привели к тому, что языковая ассимиляция в США была названа «Вавилонской башней наоборот» [Haugen, 1972] и «кладбищем языков» [Rumbaud et al. 2006].

Быстрая ассимиляция в англоязычную культуру происходила в ситуации, когда, согласно Конституции США, ни один язык не имел официального статуса. Тем не менее с 1980-х годов в США существует законодательное движение за провозглашение английского официальным языком каждого штата и на федеральном уровне. В результате 30 штатов приняли законы об официальном английском языке, причём три из них сделали это ещё до 1980 г. (Небраска – в 1920 г., Иллинойс – в 1969 г., Гавайи – в 1978 г.). Этот законодательный процесс не

закончен: Западная Вирджиния утвердила английский своим официальным языком в 2016 г. (табл. 1) [4].

Таблица. 1

Штаты, принявшие английский официальным языком (в хронологическом порядке)

Штат	Год	Тип документа
Небраска	1920	Конституция
Иллинойс	1923/1969	Закон
Гавайи	1978	Конституция
Индиана	1984	Закон
Кентукки	1984	Закон
Теннесси	1984	Закон
Калифорния	1986	Конституция
Арканзас	1987	Закон
Миссисипи	1987	Закон
Северная Каролина	1987	Закон
Северная Дакота	1987	Закон
Южная Каролина	1987	Закон
Колорадо	1988	Конституция
Флорида	1988	Конституция
Алабама	1990	Конституция
Монтана	1995	Закон
Нью - Гэмпшир	1995	Закон
Южная Дакота	1995	Закон
Джорджия	1996	Закон
Вирджиния	1981/1996	Закон
Вайоминг	1996	Закон
Аляска	1998/2014	Закон
Миссури	1998	Закон
Юта	2000	Закон
Айова	2002	Закон
Аризона	1998/2006	Конституция
Айдахо	2007	Закон
Канзас	2007	Закон
Оклахома	2010	Конституция
Западная Вирджиния	2016	Закон

Факторы, которые способствуют или поощряют языковую политику, имеющую целью провозглашение английского официальным языком на уровне

штатов, имеют идеологические, исторические, юридические и политические основания.

Исторические причины возникновения политики, получившей общее название *English-only*, связаны с нативистской идеологией, выступавшей вообще против использования других языков. Однако многие меры, принимаемые в этом направлении, носили чисто символический характер и не имели практических или материальных последствий. Другие рассматривались как опасные попытки нарушить 1-ю и 14-ю поправки к Конституции США, направленные на ограничение свободы слова и отмену права на равную защиту граждан, чьим наследственным языком был не английский. Противники такой политики утверждают, что только поддержка многоязычия может обеспечить равный доступ к государственным услугам для людей, которые не говорят по-английски, и защитить их права [Wiley, 2004].

Введение английского в качестве официального языка создаёт потенциальную угрозу для рабочих мест и условий работы тех людей, которые в недостаточной степени им владеют. Частные работодатели вводят требования владения английским языком, скрывая дискриминацию за требованиями техники безопасности. Введение английского языка как официального сделает эти неравенства ещё более возмутительными.

Значительно бо́льшую опасность официальный английский представляет для интеграции, ассимиляции и эксклюзии неанглоязычных сообществ. Восприятие иммигрантов как угрозы и приоритет прав меньшинств повышают вероятность принять официальный английский на уровне отдельных штатов. Запрет на другие языки в школах отрицательно влияет на образование мультикультурных и многоязычных учащихся, хотя убедительно доказано, что использование этнических языков не только улучшает усвоение английского, но также ускоряет изучение академического материала [August, Shanahan, 2006].

Независимо от отсутствия официального статуса у английского языка США проводят политику устранения этнических языков коренных народов Америки, а также любых других языков на аннексированных территориях, в первую очередь, испанского, и нестандартных вариантов английского. Языки североевропейских стран, к которым раньше было вполне толерантное отношение, были объявлены вне закона в эпоху расцвета нативизма в первой четверти XX века.

Интерпретация истории США через призму языковой идеологии позволяет лучше понять мотивацию сторонников официального английского. Эта идеология базируется на двух противоречащих постулатах: 1) американской идентичности, приоритета потребностей нации и интеграции иммигрантов; 2) языковых правах, равенстве и социальной справедливости [3].

Обоснованием политики по провозглашению английского официальным языком является идеология моноязычия, в которой языковые меньшинства ассоциируются с иностранцами и должны ассимилироваться с «Америкой»,

уничтожая любые следы страны своего происхождения, в первую очередь, свои этнические языки. Сторонники официального английского представляют сохранение любого языка, кроме английского, опасностью для национального единства и территориальной целостности США. Языковая политика, поощряющая изучение и использование других языков, считается дестабилизирующей американскую демократическую систему. Её основной довод сводится к тому, что поддержка языков, кроме английского, служит политическим целям сепаратистских миноритарных групп, представляющих опасность для американской идентичности [Donahue, 2002]. Языковое разнообразие значительно увеличивает культурную фрагментацию, гражданский антагонизм, неграмотность и экономическую или технологическую неэффективность. Сторонники официального английского утверждают, что английский может служить мостом для интеграции миноритарных языковых сообществ, которые не могут пользоваться социально-экономическими преимуществами мажоритарной группы. Сохранение этнического языка равнозначно социальной изоляции, бедности и неравенству [1].

Организация «США английский» *(U.S. English)*, созданная в 1983 г. и объявившая себя «группой гражданского действия, посвящённой сохранению объединяющей роли английского языка в США», защищает эти принципы, заявляя, что «официальный английский объединяет американцев, давая им общее средство коммуникации, поощряет иммигрантов к изучению английского, использованию государственных услуг и участию в демократическом процессе» [8].

Противники официального английского напоминают, что США – это мультикультурная и многоязычная нация иммигрантов. Они считают, что введение официального английского повысит антииммигрантские настроения и чувство белого превосходства, основанное на идее, что США были основаны белыми англосаксонскими протестантами *(WASP)*. Результатом станут ненависть и дискриминация в отношении этноязыковых меньшинств и их последующая маргинализация. Введение официального английского, искусственное и ненужное, не только вызовет конфликты между разными группами населения, но и усилит маркированность людей по тому варианту английского, на котором они говорят.

Движение «Английский плюс» *(English Plus)* поставило своей целью добиться большей терпимости к языковой реальности США и отношения к культурному разнообразию как к национальному ресурсу. Сторонники движения считают, что английский есть и будет основным языком США, и это не препятствует использованию и развитию других языков. Они рассматривают разнообразие не как угрозу англоязычной американской идентичности, а как *национальный ресурс*, который может быть капитализирован. Способность поддерживать коммуникацию на разных языках повышает экономический, политический и культурный потенциал США [6]. С их точки зрения, необходимо

развивать программы, цель которых - формирование двуязычия и грамотности на двух языках.

СООТНОШЕНИЕ ЯЗЫКА И ВЛАСТИ В ОФИЦИАЛЬНОМ АНГЛИЙСКОМ

Аргументы, приводимые сторонниками обеих точек зрения, привели к подтверждению того, что язык является инструментом для строительства, тиражирования и передачи социальных и культурных ценностей и что он тесно связан с социальными, политическими и экономическими условиями. Язык – это также форма и источник социального и культурного капитала, который выполняет двойную функцию социальной идентификации и социальной классификации [Бурдьё, 2005: 60-74].

Учитывая тесное переплетение языка и власти, власть структурируется вокруг языковых ресурсов, и это определяет поведение индивидов и их положение в обществе, построенном на языке. С этой точки зрения, языковая политика представляет собой социальный конструкт, который включает не только открытые правила и политики, но и имплицитные практики, которые пронизывают культуру, системы идей, поведение и мифы каждой нации. В результате языковая политика может считаться частью производства и воспроизводства гегемонической структуры, поощряющей определённые этнические и социальные группы и их языковые практики в ущерб другим и в то же время сужающей возможности альтернативных этнических, социальных, культурных и языковых сообществ с целью их колонизации и/или подчинения [Del Valle, 2003].

В ранний период колонизации Америки автохтонные народы с языковой точки зрения считались неполноценными. Это убеждение в языковой неполноценности миноритарных сообществ сохраняется и в постколониальный период. Так, варианты языка, на которых говорят афроамериканцы или латиносы, продолжают считаться нестандартными или испорченными. Более того, чёрные, индейцы и цветные *(Black, Indigenous, and People of Color - BIPOC)* в США продолжают оставаться в положении подчинения, даже после перехода на английский язык. Таким образом, официальный английский используется как инструмент расовой лингвистики, для того чтобы институционализировать представление о США как о белой англоязычной нации и делегитимизировать культурные и языковые щпрактики иммигрантов и категорий, входящих в *BIPOC*.

Как утверждают сторонники расовой лингвистики, придание английскому языку официального статуса позволит предупреждать социальные конфликты, повысить интеграцию и благосостояние этноязыковых меньшинств. Декларируемая цель введения официального английского – выражение интересов всей нации, включая языковые меньшинства, гарантии языковых прав всех граждан, социальный и экономический прогресс и укрепление

национального единства. Истинная же цель – «ассимиляция с целью подчинения» [Bartolomé, 2008].

Разные штаты могут по-своему институционализировать английский как официальный язык. Кроме 30 штатов, законодательно закрепивших использование английского как официального языка (табл. 1), он получил такой же статус в Луизиане и Массачусетсе. Но в Луизиане это произошло в 1992 г. в форме заявления генерального прокурора, по мнению которого английский является единственным официальным языком штата Луизиана, а в Массачусетсе – по решению Верховного суда штата, сославшегося на то, что английский – официальный язык нации. Юристы считают, что в случае Массачусетса нельзя говорить о признании английского официальным языком, поскольку это явная ошибка Верховного суда [Del Valle, 2003].

Стратегия внедрения официального английского в США достаточно двусмысленна: в ней недостаточно ясно определены цели и мотивы этой политики. За попытками соблюсти законность скрывается стремление обойти молчанием истинные намерения, которые заключаются в ограничении свободы выражения и установления дискриминации по происхождению.

Не случайно именно по этой причине Иллинойс, Вирджиния, Аляска и Оклахома (см. табл. 1) имеют по две даты провозглашения английского официальным языком: первые попытки были признаны антиконституционными верховными судами этих штатов, потому что некоторые положения законодательных актов могут интерпретироваться как ограничения прав граждан. Кроме того, некоторые штаты сами создали путаницу, наделив статусом официального другие языки. Так, Аляска и Гавайи сделали кофициальными четырнадцать языков коренных народов и гавайский язык соответственно. Но на Гавайях английский назначен основным официальным, а на Аляске наличие четырнадцати автохтонных официальных языков не обязывает «штат или муниципальные органы печатать документы, проводить собрания и митинги, а также вести другую правительственную деятельность на любом языке, кроме английского». В штате Канзас закон о провозглашении английского официальным языком также имеет двусмысленное толкование, допускающее эксклюзию автохтонных языков: «Этот закон не может никаким образом толковаться как ограничение любого другого языка племенным правительством коренных народов Америки». Эта оговорка сделана из-за необходимости соблюдать языковые права коренных народов, закреплённые в федеральном законе «О языках коренных народов Америки» 1990 г. (*Native American Language Act)* [2]. И в этом случае двусмысленность объясняется двумя противоположными мотивациями: с одной стороны, необходимостью соблюдать федеральное законодательство, с другой – стремлением ограничить языковые права миноритарных сообществ.

Главной целью политики официального английского, несомненно, является усиление роли английского языка, что эксплицитно выражено в законах десяти

штатов. Но, независимо от словесных деклараций, вся политика выстроена так, чтобы английский становился основным языком штата, на который возлагается обязанность по его защите и развитию.

Центральная роль в законодательных актах об официальном английском отводится системе образования. 18 штатов, или 60% участвующих, требуют обучения только на английском и ограничивают возможности учащихся, принадлежащих к меньшинствам, обучаться на своих этнических языках. Существуют две тенденции выразить это в законодательных актах: первая – прямо требовать, чтобы государственные, частные и религиозные школы вели обучение на английском языке. Вторая, более мягкая, требует, что английский был основным языком обучения, а использование других языков допускается только в период перехода на обучение на английском, который должен быть максимально коротким.

У всех законов об официальном английском общими являются следующие положения: а) только английский должен быть языком обучения; б) для неанглоязычных обучающихся необходимо в срочном порядке разрабатывать специальные переходные программы; в) использование других языков, кроме английского, допускается только при изучении иностранных языков [2: 14].

В законодательных актах об официальном английском он определяется как объединяющий компонент нации, решающий проблемы, порождаемые языковым разнообразием. Так, в законе штата Айдахо говорится: «В начале Айдахо состоял из людей разных этнических, культурных и языковых происхождений <…> Айдахо смог построить штат из этого разнообразного материала благодаря общей связующей нити, английского языка. Общий язык позволял обсуждать и находить решения трудных проблем. Необходимость в этом велика и сегодня». Эти индивиды «разных этнических, культурных и языковых происхождений» представляют собой исходный материал, который необходимо преодолеть для интеграции в штат Айдахо. Английский язык является катализатором для такой интеграции. Все эти «разные происхождения» представлены в английском языке, но только не чёрные, индейцы и цветные, составляющие отдельную этнорасовую категорию (*BIPOC*).

Переход на английский язык представляется как мирный и добровольный, при этом игнорируются акты насилия и жестокости в отношении коренных народов Америки и других этноязыковых меньшинств, чтобы они забыли свои языки и культуры [2]. Поскольку английский воплощает в себе белую идентичность и играет центральную роль в основании США, белые языковые и культурные практики считаются главными компонентами американской идентичности, а идентичности *BIPOC* – девиантными и опасными. Противодействие примату английского и белой идентичности рассматривается как оппозиция всем США. Американская идеология моноязычия связывает двуязычие с антипатриотизмом и отказом от американских ценностей. Это

идеологическое положение выходит за рамки вопроса о языке и относится к связке «язык – этничность – раса».

На современном этапе обсуждения вопроса об официальном английском доминирует неолиберальный дискурс, который основан на индивидуалистическом рыночном подходе, который питается за счёт антагонистической конкуренции. Исходя из неолиберального принципа рационального выбора и максимизации прибыли, политика официального английского представляет язык ключом к пользованию благами глобального капитализма, занятости, самодостаточности, экономическому росту, свободе и лучшему качеству жизни. Исходя из этого, рационально мыслящий индивид должен оставить свой этнический язык и перейти на английский для того, чтобы максимизировать свои шансы на успех. Поэтому культурное и языковое разнообразие препятствует формированию культурного и языкового капитала. Такая стратегия ведёт не только к экономической и политической, но и к социальной и культурной гегемонии.

Поэтому законодательные акты определяют английский как необходимый элемент для инклюзии в доминирующий социум. Соответственно, расходы на двуязычное обучение, устные и письменные переводы считаются ненужными и дорогими, мешающими людям изучать английский. Законодательство подразумевает, что, если все многоязычные услуги исчезнут, каждый будет учить и использовать английский.

Таким образом, исходя из парадигмы «одна нация – один язык» политика официального английского языка утверждает эксклюзивную роль английского как «общего языка американского народа» и старается регулировать, делегитимизировать и препятствовать использованию и изучению в США других языков. Политика официального английского включает задачу наказания носителей нестандартных вариантов языка, перекрывая им доступ к государственной информации, качественному образованию и государственным услугам. В дополнение ко всему, эта политика рисует неанглофонов, особенно латиносов, как культурно и лингвистически отсталых, представляющих опасность для американских традиционных ценностей.

Несмотря на рост испаноязычного населения США (41 млн - по итогам переписи населения 2011 г.), нет оснований считать, что английский теряет свой вес в США или в международном масштабе [Ricento, 2019]. Тем не менее такой рост воспринимается как опасность. Нужно помнить, что испанский как колониальный язык использовался ещё за 100 лет до английского на бывших испанских территориях, являющихся частью современных США.

Одним из самых вредных последствий политики официального английского является девальвация двуязычия и грамотности на двух языках. Расовый характер официального английского проникает в систему образования и имеет целью девальвировать языковые ресурсы небелых и представить их языки как проблему, тогда как только стандартный английский считается правом и ресурсом. Для

этноязыковых меньшинств изучение английского эквивалентно понятию «образование». В результате в США наблюдается дефицит людей, владеющих вторыми языками, что ставит страну в невыгодное положение в глобальной конкуренции [Wiley, 2014].

СТАНДАРТНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

На вершине языковой иерархии в США находится стандартный английский. Одно из самых старых определений стандартного языка принадлежит О. Есперсену: «это язык тех носителей, по чьему произношению нельзя понять, из какой они местности» [Jespersen, 1925: 78]. Уже тогда поднимался вопрос, является ли общий язык реальностью, если по нему нельзя определить региональное происхождение его носителей. На практике очень часто легко определить, откуда происходит носитель стандартного языка, но в духе позитивистской философии лингвисты считали, что со временем разрыв между этим идеалом и языковой реальностью должен исчезнуть. Этот процесс выравнивания считался необратимым: «идеал будущего или <…> конечная точка, к которой идёт развитие, это та, в которой оба станут одинаковыми; другими словами, человек, который хочет говорить цивилизованно, будет сознательно стремиться к избавлению от всего диалектного» [Haeringen, 1924: 24]. Лингвисты в течение почти целого века, а социолингвисты – полувека, изучали в основном регионально или национально обусловленную вариативность языков. Критерий региональной безакцентности был основным элементом определений стандартных языков, используемых в западноевропейских странах, откуда он распространился на идеологию стандартного языка в США. И сегодня отсутствие регионального акцента является важнейшим признаком, потому что люди думают, что эта нейтральность несёт с собой расширение круга общения.

Актуальность проблемы стандартных языков возросла во второй половине XVIII – первой половине XIX века в связи с превращением национализма в политическую идеологию и образованием европейских национальных государств. Стандартизация как основной метод реализации языковых идеологий представлялась как исторический и культурный феномен, и только с наступлением раннего и позднего модерна мифы и идеологии, связанные с появлением стандартных языков, стали рассматриваться с социолингвистической точки зрения.

Но в XX веке, благодаря появлению и развитию социолингвистики, сформировалось понимание того, что для определения стандартного языка недостаточно ограничиваться чисто лингвистическими признаками и необходимо использовать социолингвистические признаки, связанные с расовым, этническим, социальным, образовательным и экономическим статусом носителей.

Сегодня стандартный английский – это противоречивый термин для обозначения варианта английского языка, на котором говорят - стандартный английский *(Standard English – SE)* или пишут - стандартный письменный английский *(Standard Written English – SWE)* образованные носители. Это понятие трудно определить, но оно широко используется, хотя самые образованные люди не знают, что оно точно обозначает [4].

В США для американского варианта стандартного английского чаще используется термин «общеамериканский английский» *(General American English - GA),* он не имеет регионального акцента и является не географическим, а социальным диалектом, хотя берёт своё начало в северо-восточном диалекте Новой Англии, откуда его разнесли иммигранты и печатные СМИ. Но во многих городских ареалах Северо-Востока США за последние 80 лет появились региональные акценты, например, бостонский. В то же время существует общий американский акцент, который позволяет отличить носителя общеамериканского английского от носителей других стандартных вариантов, но не позволяет определить регион, из которого происходит американец.

В качестве рабочего определения можно принять следующее: «Стандартный английский – это форма английского языка, подвергшаяся существенной регламентации и ассоциирующаяся с формальным образованием, оценками уровня владения языком. Он включает все языковые признаки (морфологию, фонологию, синтаксис, лексику, речевые регистры, дискурсивные маркеры, прагматику), а также признаки письменного языка (орфографию, пунктуацию, правила использования прописных букв и образования аббревиатур). Стандартный английский повсеместно признается как правильный вариант и часто используется в официальных ситуациях, а также, когда нужно быть вежливым. Однако в разных англоязычных странах существуют небольшие различия в этом языке» [5].

Стандартный английский во всём мире не является полностью однородным. Так, например, американские носители говорят *first floor* и *I've just gotten a letter*, пишут *center* и *color*, а британские носители говорят *ground floor* и *I've just got a letter*, пишут *centre* и *colour*. Но эти региональные особенности незначительны по сравнению с высокой степенью договорённости относительно того, какие формы считаются стандартными. Важно понимать, что, сам по себе, стандартный английский ни в каком отношении не превосходит любой другой вариант английского языка: он не является ни более логичным, ни более грамматическим, ни более экспрессивным. Его достоинства – это результат договорённости: использовать единые стандартные формы, которые изучают носители по всему миру, минимизировать трудности взаимопонимания, избегая неясностей и ошибок.

Своим возникновением стандартный английский обязан лондонскому английскому, который с XV века доминировал в Восточном Мидленде как более или

менее однородный диалект. Его история – прежде всего, история лондонского диалекта [Baugh, Cable, 2002].

В XIX веке термин «стандартный английский» обозначал общий и универсальный вариант английского языка. В 1930-х годах он стал ассоциироваться с социальным классом и считаться языком образованных людей. Одним из главных символов класса стало произношение. Такой подход был очень распространен в Англии и, в меньшей степени, в США, где большую часть населения, даже образованного, составляли иммигранты с другими первыми языками.

Многие успешные люди в США говорят с региональным акцентом или на региональном диалекте, поэтому использование общеамериканского английского не является обязательным признаком классовой принадлежности: в США маркер классовой принадлежности - успешность и размер состояния, а не родословная, семья или образование. Нестандартные диалекты часто ошибочно считаются «неправильными», но лингвисты настаивают на том, что стандартный английский ни в чём не превосходит разговорные диалекты. С лингвистической точки зрения, диалекты имеют такой же статус, что и общеамериканский английский: «стандартный английский не имеет права утверждать, что он более приемлем, чем другие диалекты, если только мы не указываем, для кого это приемлемо» [Trudgill, 2000: 13]. Тем более что социальная мобильность и контакты ведут к стиранию различий между диалектами и развитию новых признаков, которые воспринимаются носителями в больших ареалах.

Таким образом, общеамериканский английский противопоставлялся диалектам, которые развиваются естественным путём, тогда как варианты стандартного английского в мире создаются по единой модели: правительственные чиновники и учёные выбирают грамматику, произношение и словарь одного или более диалектов, имеющих высокий социальный статус, и решают, что этот вариант станет их стандартным английским. На сегодняшний день статусом стандартного английского обладают следующие национально-территориальные варианты [7]:

- австралийский, новозеландский и южнотихоокеанский стандартный английский;
- британский и ирландский стандартный английский;
- американский стандартный английский *(General American)*;
- канадский стандартный английский;
- карибский стандартный английский;
- восточно-, западно- и южноафриканский стандартный английский;
- южноазиатский стандартный английский;
- восточноазиатский стандартный английский.

Остальные национально-территориальные варианты английского языка, входящие в понятие «мировые английские» *(World Englishes)*, находятся на разных этапах стандартизации [1]. Таким образом, в мире существует не один, а много вариантов стандартного английского. Но численность людей, говорящих на них,

невелика: большинство носителей говорят на своих диалектах, со своими собственными акцентами, которые могут значительно отличаться от стандартной нормы. Каждый вариант имеет свои особые стандартные правила грамматики, пунктуации, правописания, формы глагола и т. д.

Наряду со стандартными моделями, в каждой стране существуют и нестандартные. Так, в США, благодаря удельному весу афроамериканского сообщества, самым распространенным является афроамериканский диалект английского *(African American Vernacular English - AAVE),* другое название «эбоникс» (*Ebonix)*. Второе по численности миноритарное языковое сообщество – латиносы – также имеет свой вариант английского – чиканский английский *(Chicano English – ChE)*.

Нельзя сказать, что стандартные языки полностью бесполезны: изучающим иностранные языки важно владеть единой формой, на которой они могут общаться в разных уголках мира. Но стандартный английский претендует на звание «единственной правильной формы» английского или на более высокий статус.

Что касается общеамериканского английского, то он не является произвольным, априорным описанием американского варианта английского языка, формой, связанной со стандартными моральными ценностями, литературными достоинствами, пуристской чистотой языка или с любыми другими метафизическими рассуждениями. Он не может определяться или описываться в таких терминах, как «лучший английский» или «литературный английский», либо через узус определённой группы носителей или какого-либо социального класса. Общеамериканский английский – это не английский американского высшего класса, и его использование встречается во всех социальных слоях общества, хотя не обязательно на нём говорят все члены всех классов. Статистически, это не самая частотная форма английского, и определение «стандартный» не значит самый часто слышимый. Его не навязывают носителям, но на нём говорят те, кто овладели им благодаря длительному процессу обучения. Общеамериканский английский – это не результат сознательного языкового строительства или языковой философии, что, например, произошло с французским, в результате работы Французской академии, или с ивритом, ирландским, уэльским, малазийским бахаса и пр. Он не имеет четко определённой нормы, которая регулируется и поддерживается каким-либо официальным или полуофициальным органом, карающим за его неиспользование или неправильное использование [1].

В странах, где большинство населения говорит на английском как на первом языке, один из диалектов применяется в национальном масштабе для официальных целей; он и получает название стандартный английский и используется, главным образом, в печатных текстах. Дети изучают его в школах и обязаны прибегать к нему в письменных работах, обращаясь при этом к словарям и грамматическим справочникам. На нём должны говорить чиновники, судьи,

журналисты в национальных печатных и электронных СМИ. Этот стандартный диалект в отношении грамматики, словаря, орфографии и пунктуации внутренне относительно однороден. Самый стабильный элемент стандартного английского – грамматика.

Хранителями стандартного английского являются его носители от рождения, то есть люди, которые усвоили определённый набор условностей, в общем связанных с кодификацией английского и его описанием в словарях, грамматике и нормативных учебниках. Для большинства таких носителей от рождения английский язык представляется уникальной целостностью, которая существует независимо от них. Не считая себя собственниками английского языка, эти носители позиционируют себя как хранители чего-то драгоценного: они раздражаются, когда слышат или читают, как английский используется неправильно, и пишут в письмах в газеты, что язык деградирует.

Исходя из сказанного выше, стандартный английский в англоязычной стране можно определить как миноритарный вариант, отличающийся своим словарём, грамматикой и орфографией, имеющий большой престиж и понимаемый всеми [Crystal, 2003: 296].

Что касается общеамериканского английского, то в это понятие входят следующие признаки:

1. Общеамериканский английский представляет собой американский вариант английского языка, с оригинальным сочетанием языковых признаков, имеющих особую функцию;
2. Языковые признаки относятся, преимущественно, к грамматике, словарю и орфографии (правописание и пунктуация), но не к произношению;
3. Это вариант английского, имеющий в США наибольший престиж;
4. Его престиж признается взрослыми членами сообщества, что мотивирует их рекомендовать его как желательную цель образования;
5. Хотя общеамериканский английский понятен каждому, он не является самым распространённым. Только меньшинство населения страны используют его в устной речи. Даже на письме он остаётся миноритарным, потому что обязательное обращение к нему требуется только для определённых целей. Чаще всего он используется в печатных текстах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Американская языковая идеология, несмотря на отсутствие официального статуса у английского языка, имеет целью институционализацию его гегемонического положения, которое достигается подавлением нестандартных вариантов английского и языков миноритарных этноязыковых сообществ, прежде всего коренных народов Америки, афроамериканцев, латиносов и иммигрантских меньшинств. В качестве общего варианта, распространяемого при помощи системы образования, предлагается стандартный вариант

американского английского – общеамериканский английский *(General American)* – не имеющий кодифицированной формы и используемый преимущественно в письменной форме и для официальной коммуникации. Предполагается, что в среднесрочной перспективе, благодаря распространению образования и росту социальной мобильности этот вариант возьмёт на себя функции национального языка.

ИСТОЧНИКИ

1. Laperre E. There's no such thing as Standard English. Available at: https://www.cambridge.org/elt/blog/2020/02/24/no-such-thing-as-standard-english/ (accessed 02.12.2023).

2. Native American Languages Act (Public Law 101-477). Available at: https://www.govtrack.us/congress/bills/101/s2167 (accessed 30.11.2013).

3. Nieto D. G. Making It Official: The Institutionalization of the Hegemony of English in the USA. Education Policy Analysis Archives. 2021. Vol. 29. Available at: https://doi.org/10.14507/epaa.29.5741 (accessed 26.01.2024).

4. Nordquist R. Standard English (SE). Glossary of Grammatical and Rhetorical Terms. Available at: https://www.thoughtco.com/standard-english-1692137 (accessed 01.12.2023).

5. Standard English. Available at: https://www.hellovaia.com/explanations/english/international-english/standard-english/ (accessed 07.12.2023).

6. Statement of purpose: Founding document of the English Plus information Clearinghouse (EPIC). Available at: http://www.massenglishplus.org/mep/engplus.html (accessed 29.11.2023).

7. Strevens Model of English. StudySmarter GmbH, 2023. Available at: https://www.studysmarter.co.uk/explanations/english/international-english/strevens-model-of-english/ (accessed 03.12.2023).

8. U.S. English: Making English the official language. Available at: https://www.usenglish.org/legislation/state (accessed 28.11.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурдьё П. 2005. Формы капитала. *Экономическая социология*. Том 6. № 3. С. 60-74.

Марусенко М. А. 2013. Внутренний языковой империализм США: от «плавильного котла» к «салатнице». *США ❖ Канада: экономика, политика, культура*. № 10. С. 46-62.

Марусенко М. А. 2014. Внешний языковой империализм США. *США ❖ Канада: экономика, политика, культура*. № 6 (534). С. 31-44.

Марусенко М. А. 2016. Американская языковая идеология. *США ❖ Канада: экономика, политика, культура*. № 11 (563). С. 1-10.

REFERENCES

August, D., Shanahan, T. 2006. Developing literacy in second-language learners: Report of the National Literacy Panel on language-minority children and youth. Erlbaum. 688 p.

Baugh, A.C., Cable, T. 2002. A History of the English Language. 5th ed. Prentice Hall. 464 p.

Bartolomé, L. 2008. Understanding policy for equity in teaching and learning: A critical historical lens. *Language Arts*. Vol. 85 (5). P. 376-381.

Bourdieu, P. 2005. Forms of capital. *Economic sociology*. Vol. 6. № 3. P. 60-74.

Crystal, D. 2003. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge University Press. 582 p.

Del Valle, S. 2003. Language rights and the law in the United States: Finding our Voices (Bilingual Education & Bilingualism). Multilingual Matters. 376 p.

Donahue, T.S. 2002. Language planning and the perils of ideological solipsism. *J. W. Tollefson (Ed). Language policies in education: Critical issues*. Lawrence Erlbaum Associates. P. 137-164.

Jespersen, O. 1925. Mankind, nation and individual from a linguistic point of view. Oslo: H. Aschehoug & Co. 232 p.

van Haeringen, C.B. 1924. Eenheid en nuance in beschaafd-Nederlandse uitspraak. *De Nieuwe Taalgids*. № 18. P. 65–66.

Haugen, E. 1972. The ecology of languages (Language Science and National Development). Stanford University Press. 366 p.

Laitin, D., Reich, R. 2003. A liberal democratic approach to language justice. *W. Kymlycka, A. Patten (Eds). Language rights and political theory*. Oxford University Press. P. 80-104.

Marusenko, M.A. 2013. Internal linguistic imperialism of the USA: from the "melting pot" to the "salad bowl". *USA & Canada: economics, politics, culture*. № 10. P. 46-62.

Marusenko, M.A. 2014. External linguistic imperialism of the USA. *USA & Canada: economics, politics, culture*. № 6 (534). P. 31-44.

Marusenko, M.A. 2016. American language ideology. *USA & Canada: economics, politics, culture*. № 11 (563). P. 1-10.

Ricento, T. 2019. Introduction. In: T. Ricento (Ed). Language politics and policies: Perspectives from Canada and the United States. Cambridge University Press. P. 1-24.

Rumbaut, R.G., Massey, D., Bean, F.D. 2006. Linguistic life expectancies: Immigrant language retention in southern California. *Population and Development Review*. Vol. 32. P. 447-460.

Trudgill, T. 2000. The Dialects of England. 2nd edition. John Wiley & Sons. 168 p.

Wiley, T.G. 2014. Diversity, super-diversity and monolingual language ideology in the United States: Tolerance or intolerance? *Review of Research in Education*. Vol. 38 (1). P. 24–55.

Wiley, T.G. 2004. Language planning, language policy and the English-only movement. In: E. Finegan, J. R. Rickford (Eds). Language in the USA: Perspectives for the twenty-first century. Cambridge University Press. P. 319-338.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАРУСЕНКО Михаил Александрович, доктор филологических наук, профессор. Санкт-Петербургский государственный университет.

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9

МАРУСЕНКО Наталия Михайловна, кандидат филологических наук, доцент. Санкт-Петербургский государственный университет.

Российская Федерация 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9.

Mikhail A. MARUSENKO, Doctor of Sciences (Philology), Professor. St. Petersburg State University.

199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab. 7-9.

Natalia M. MARUSENKO, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor. St. Petersburg State University.

7-9 Universitetskaya nab. 199034, St. Petersburg, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 24.01.2024/ Received 24.01.2024.
Поступила после рецензирования 10.02.2024 / Revised 10.02.2024.
Статья принята к публикации 11.02.2024 / Accepted 11.02.2024.

2024; 4: 52-68 США & Канада: экономика, политика, культура / USA & Canada: economics, politics, culture

УДК: 327
JEL: F50
DOI: 10.31857/S2686673024040049
EDN: SBGVPJ

Трансатлантические отношения в контексте выхода США из иранского ядерного соглашения

А.В. Левченко

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО МИД России).
Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.
РИНЦ ID: 1236023
ORCID: 0009-0003-1316-3319, e-mail: Levchenko.a.v@my.mgimo.ru

Резюме. В статье представлены результаты анализа разногласий США и их европейских союзников в связи с выходом США из Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе (СВПД). В первой части статьи уточняются основные аспекты программы исследования; во второй – определены обстоятельства выхода США из иранской ядерной сделки, в третьей – охарактеризован контекст и формы внешнеполитического реагирования европейских участников СВПД, сделаны предварительные концептуальные замечания об оспаривании выхода США из Соглашения. В работе используются теоретические наработки неоклассического реализма для интерпретации целеполагания и мотивации действий европейских участников иранской ядерной сделки. Предполагается, что возникшие противоречия стали следствием различной оценки партнерами международно-политических последствий распада СВПД и противоречий в интересах участвующих игроков.

***Ключевые слова*:** трансатлантические отношения, иранская ядерная сделка, иранское ядерное соглашение, СВПД

***Для цитирования*:** Левченко. А.В. Трансатлантические отношения в контексте выхода США из иранского ядерного соглашения. США & Канада: экономика, политика, культура. 2024; 54(4):52-68. DOI: 10.31857/S2686673024040049 EDN: SBGVPJ

Transatlantic Relations in the Light of the US's Withdrawal from the Iran Nuclear Deal

Alla V. Levchenko

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO).
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia,
РИНЦ ID: 1236023
ORCID: 0009-0003-1316-3319 e-mail: *Levchenko.a.v@my.mgimo.ru*

Abstract. The article presents an analysis of the political divisions between the United States and its European allies concerning the U.S. withdrawal from the Joint Comprehensive Plan of

Action (JCPOA) on the Iranian nuclear program. The first section of the article elucidates the key aspects of the research program, which is grounded in the theoretical framework of neoclassical realism to interpret the goal-setting and motivations of European participants' actions. The subsequent section delineates the circumstances surrounding the U.S. departure from the Iranian nuclear agreement, while the third part outlines the context and manifestations of foreign policy responses by European participants of the JCPOA, offering initial conceptual insights into challenging the U.S. exit from the Agreement. The article suggests that emerging contradictions stem from varying assessments by partners regarding the international-political ramifications of the JCPOA's breakdown and conflicting interests among involved parties. The response of European allies (EU/E3) was influenced by specific conditions at that time, shaping responsive actions and reaction forms based on a set of political and economic factors. In these circumstances, European participants aimed at a) maintaining constructive politico-diplomatic relations with Iran and fostering multilateral cooperation; b) sustaining mutually beneficial trade and economic ties, alongside established infrastructures for engagement with Iran.

***Keywords*:** Iran nuclear deal, JCPOA, transatlantic relations

For citation: Levchenko, A.V. Transatlantic Relations in the Light of the US's Withdrawal from the Iran Nuclear Deal. USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2024; 54(4):52-68. DOI: 10.31857/S2686673024040049 EDN: SBGVPJ

ВВЕДЕНИЕ

В теории международных отношениях изучение процессов взаимодействия и сотрудничества между государствами продолжает оставаться крайне важным направлением исследований. В условиях усиления стратегической конкуренции и противостояния между государствами на мировой арене, в которые вовлечены Россия, Китай, США и европейские страны, весьма важным становится понимание внутренних процессов взаимоотношений трансатлантических союзников. Несмотря на признаки консолидации евроатлантических союзников по основным международно-политическим вопросам обеспечения безопасности, остаётся немало направлений двусторонних отношений, по которым между партнёрами сохраняются противоречия, среди них подход к решению вопроса иранской ядерной программы.

Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) по вопросу ядерной программы Ирана был заключён в 2015 г. между Ираном и группой стран – Россия, США, Китай, Великобритания, Франция, Германия, Европейский Союз (ЕС). В тот период США и европейские союзники – «евротройка»/E3 (Великобритания, Франция и Германия), а также Евросоюз – были едины в оценке стратегической угрозы распространения ядерного оружия и наиболее эффективного средства разрешения данной проблемы. По условиям договора, Иран подтвердил, что «не будет стремиться получить, разработать и приобрести ядерное оружие» в обмен на снятие международных и национальных санкций, касающихся иранской

ядерной программы [1]. Кроме того, Иран разрешил Международному агентству по атомной энергии (МАГАТЭ) мониторинг выполнения взятых на себя обязательств и осуществление мер транспарентности (п. 15 СВПД). В свою очередь, ЕС/Е3 и США обязались отменить санкции, связанные с иранской ядерной деятельностью, а также воздержаться от «любой политики, оказывающей прямое неблагоприятное воздействие на нормализацию торговых и экономических отношений с Ираном» (п. 29 СВПД).

Однако в 2016 г. к власти в США приходит новая администрация – президента Дональда Трампа, который характеризует СВПД как «худший договор», когда-либо заключённый. В 2018 г. США выходят из СВПД, мотивировав это тем, что Иран нарушает условия договорённостей, ведёт подрывную агрессивную деятельность на Ближнем Востоке и реализует программу строительства и испытания баллистических ракет. Выход США из СВПД вызвал решительный протест европейских союзников, которые выступили против унилатералистского подхода американской администрации. Великобритания, Франция и Германия сообщили о своей приверженности достигнутым договорённостям, отказе от возобновления санкций в отношении Ирана и приняли меры по созданию специальных механизмов, обеспечивающих продолжение торгово-экономического сотрудничества. Таким образом, находясь в схожих международно-политических и стратегических условиях, будучи ближайшими союзниками в сфере безопасности и действуя в общей нормативно-институциональной среде, трансатлантические партнёры избрали различные линии поведения.

В исследовательской литературе с 2015 г. появились некоторые работы, в которых анализируются особенности позиций США [Шумилина И. В., 2019]; [Шумилин А. И., 2020]; [Simon S., 2018] и европейских союзников в отношении иранского ядерного соглашения [Alcaro R., Dessi A., 2019]; [Alcaro R., 2021]. Чаще всего исследователи сосредотачивают внимание на идейно-политических расхождениях США и ЕС/Е3 при оценке сотрудничества с Ираном, значении торгово-экономических вопросов [Adebahr C., 2018], оценке последствий данного решения для международных отношений и безопасности. Характеризуя специфику взаимодействия трансатлантических партнёров, эксперты подчёркивают ограниченность возможностей внешнеполитического маневрирования Евросоюза [Fathollah-Nejad A., 2018]. Так, научный сотрудник Стокгольмского института исследования проблем мира (*SIPRI*) Тарья Кронберг утверждает, что при взаимодействии с США европейцам постоянно приходилось балансировать между приверженностью ценностям мультилатерализма, этикой соблюдения многосторонних договоров и важностью трансатлантических отношений [Cronberg T., 2017].

При этом видится не в полной мере реализованной возможность концептуализации процессов взаимодействия США и европейских союзников при решении вопроса иранской ядерной программы, определения факторов и обстоятельств принятия партнёрами соответствующих внешнеполитических решений, в частности мер и действий ЕС/Е3 по сохранению СВПД в ответ на выход США из

Соглашения. Нераскрытым остаётся вопрос выбора Европой линии внешнеполитического поведения в пользу консервации иранской ядерной сделки без участия США среди потенциально возможных альтернативных решений, в частности поиска компромисса с американской стороной. Так, например, бельгийский аналитик Дэниэль Швамменталь отмечает, что долгосрочные планы Ирана по ядерным разработкам, развитие ракетной программы и разногласия с Западом стратегически должны бы сближать трансатлантических союзников, но на практике происходит их разъединение [Schwammenthal D., 2018]. Строго говоря, структурно США и Европа находятся в оппозиции к Ирану, но это не нивелирует возникающих противоречий на политико-тактическом уровне в связи с действием различного рода факторов и обстоятельств.

В представленном исследовании для анализа трансатлантических отношений в условиях выхода США из СВПД предпринимается попытка обозначить контуры возможного теоретико-методологического направления анализа поведения ЕС/ЕЗ. Особый интерес вызывает решение ЕС/ЕЗ прибегнуть к оспариванию и открытой критике политики администрации Д. Трампа на иранском направлении. В этой связи вопрос данного исследования является следующим: почему европейские участники СВПД противодействовали стремлению США пересмотреть соглашение с Ираном, выступили против ужесточения подхода и не примкнули к США с целью эффективного коллективного воздействия, пойдя на риск конфликта и роста напряжения в трансатлантических отношениях?

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

С целью наиболее обстоятельного анализа внешнеполитического поведения трансатлантических союзников в отношении иранской ядерной программы используются выводы и наработки неоклассического реализма. Данный подход позволяет соединять факторы влияния структурных стратегических условий на внешнеполитическую позицию различных игроков и переменные экзогенного характера. Неоклассические реалисты полагают, что структурные характеристики международной системы не оказывают прямого детерминирующего воздействия на решения действующих акторов, но преобразуются в результате прохождения через различные фильтры. Американские учёные Норин Рипсман, Джеффри Талиаферро, Стивен Лобел в работе «Неоклассическая реалистская теория международных отношений» [Ripsman N. et al., 2016] поделили «вмешивающиеся переменные» на четыре основные группы: 1) идейно-политические взгляды политического лидера; 2) стратегическая культура; 3) отношения между государством и обществом; 4) система государственных институтов. Сторонники неоклассического реализма предпринимали попытки вывести одну общую интегрированную переменную [Kitchen N., 2010], [Meibauer G., 2020], [Blagden D., 2021], но зачастую исследователи выбирают наиболее подходящую для конкретной

ситуации единицу. Кроме того, анализ внутриполитического контекста рассматриваемых стран методологически соотнесён с ключевыми принципами школы внешнеполитического анализа (*FPA*) [Hudson V., Day B., 2019].

В данной статье зависимой переменной выступает процесс взаимодействия США и европейских союзников после выхода США из СВПД, в частности реакция европейских союзников. Независимой переменной являются международно-политические системные условия – вызовы и возможности, которые определяют и ограничивают внешнеполитический выбор государств. Так, США и европейские союзники заинтересованы в недопустимости получения Ираном ядерного оружия и усиления его военно-политического потенциала, что может привести к изменению баланса сил и дестабилизации региональной обстановки на Ближнем Востоке. Однако находясь в схожих международно-политических условиях, будучи ближайшими военно-политическими союзниками США, европейские страны не поддержали изменение американского внешнеполитического курса и подхода в отношении СВПД. Объяснение выявленного феномена основывается на допустимости влияния дополнительных переменных, а именно существующего в конкретный момент времени политико-информационного контекста и сложившейся конфигурации участников формальной и латентной природы, заинтересованных в принятии того или иного решения.

В этой связи может быть выдвинута следующая гипотеза: реакция европейских союзников (ЕС/Е3) на изменившиеся внешние условия (выход США из СВПД, восстановление санкционного режима в отношении Ирана, угроза разрушения СВПД) была обусловлена сложившимся в конкретный момент политическим контекстом, в условиях которого происходило формирование ответных действий и форм реагирования, которые бы способствовали а) сохранению конструктивных политико-дипломатических отношений с Ираном и многостороннего сотрудничества; б) поддержанию взаимовыгодных торгово-экономических контактов, созданной инфраструктуры взаимодействия с Ираном, действующей группы финансово-экономической транснациональной элиты.

Таким образом, возможно предположить, что разногласия и противоречия между трансатлантическими союзниками по иранской ядерной программе связаны с различной интерпретацией и оценкой международно-политической ситуации и внешнеполитической программы Ирана, которые стали результатом сложившейся в конкретный момент времени конфигурации участников и их ресурсов, сформировавших соответствующую обстановку. В подобных условиях ЕС/Е3 было принято решение остаться участниками СВПД и оказать противодействие политико-экономическим практикам, реализуемым США в отношении Ирана.

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРОЦЕСС ВЫХОДА США ИЗ СВПД

Д. Трамп, ещё будучи кандидатом в президенты от Республиканской партии США, во время избирательной кампании заявлял, что считает Соглашение по

иранской ядерной программе 2015 г. катастрофой для США и их союзников. Придя к власти, он и его команда приступили к всестороннему давлению на Иран. В феврале 2017 г. были введены санкции в отношении лиц и организаций, причастных к реализации ракетной программы Ирана и поддерживающих Корпус стражей исламской революции (КСИР). В заявлении советника по нацбезопасности США Майкла Флинна отмечалось, что кооперативный подход не привёл к ограничению военно-политической активности Ирана, соответственно, новая администрация будет следовать более жёсткому курсу [2]. В октябре 2017 г. президент представил новую стратегию в отношении Ирана [3], в которой подчёркивалось, что США намерены противостоять дестабилизирующему влиянию Ирана и сдерживать его агрессивное поведение; активизировать взаимодействие с союзниками в регионе и сформировать устойчивый баланс сил; бороться против программы Ирана по разработке баллистических ракет; не допустить получения Ираном ядерного оружия. Было отдельно отмечено, что иранский режим представляет угрозу международной безопасности, которая связана не только с ядерным оружием, но и с созданием и распространением баллистических ракет, финансовой поддержкой террористических групп в регионе; кибератаками, а также нарушением прав человека. Предлагалось реализовать комплексную внешнеполитическую стратегию в отношении Исламской Республики Иран (ИРИ), в которой указанные выше элементы будут взаимосвязаны. Данная стратегия стала концептуальным оформлением политики США на иранском направлении.

Внешним значимым игроком на антииранской арене в США всегда был Израиль, для которого получение Ираном ядерного оружия является экзистенциальной угрозой, а жизненно важным интересом – недопущение усиления военно-политического потенциала Исламской Республики. В апреле 2018 г., когда американским президентом решался вопрос о выходе из Соглашения, премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху сообщил о спецоперации разведывательной службы «Моссад» в январе 2018 г., в результате которой были обнаружены подтверждения проведения Ираном секретных разработок в области атомной энергетики. Впоследствии, 5 марта 2018 г., между президентом США и премьер-министром Израиля состоялась встреча, в ходе которой могли быть переданы данные разведки [4].

Сопутствующим фактором влияния на решение о выходе из Соглашения стала активная информационно-аналитическая деятельность отдельных акторов. Так, с апреля 2018 по сентябрь 2019 г. советником президента США по национальной безопасности был Джон Болтон, который известен своим критическим отношением к иранскому соглашению. Ещё в августе 2017 г. Дж. Болтон по просьбе старшего советника президента Д. Трампа по политическим и стратегическим вопросам Стивена Беннона разработал план по выходу США из иранского ядерного соглашения [5]. Среди прочего в нём была обозначена необходимость

формирования международной коалиции против распространения ядерного оружия и за восстановление отменённых санкций в отношении Ирана.

Для привлечения европейцев на свою сторону, США использовали различные инструменты публичной дипломатии и даже угроз применения прямых экономических рестрикций. В начале января 2018 г. президент США Д. Трамп выступил с заявлением, в котором призвал европейских союзников к совместным действиям в отношении Ирана: «Я призываю наших союзников предпринять более значимые шаги для противодействия преступной деятельности Ирана» [6]. Администрацией США было предоставлено время с 12 января по май 2018 г. для проведения переговоров с европейскими союзниками с целью обновления условий договора.

Европейцы, со своей стороны, также стремились оказать влияние на США, не допустив их выхода из СВПД. На столе переговоров было несколько вариантов: а) согласовать обновленное соглашение; б) заморозить ситуацию и не допустить полного разрушения соглашения (Иран не будет наращивать деятельность по разработке ядерного оружия, а США остановят дальнейшее введение санкций (*freeze-for-freeze*). В последующем европейские союзники попытались реализовать ряд дипломатических инициатив для предотвращения выхода США из СВПД (визиты европейских политических лидеров, открытое письмо Конгрессу [7]). Однако переговоры, попытки взаимного убеждения и давления не привели к достижению согласия о взаимоприемлемой ревизии действующего соглашения.

8 мая 2018 г. США официально вышли из СВПД [8]. Госсекретарю США и министру финансов США было поручено в течение 180 дней предпринять меры для восстановления санкций. В дальнейшем США продолжили вести кампанию по дискредитации внешнеполитической деятельности Ирана и не прекратили попыток преодолеть сопротивление европейских союзников. В феврале 2019 г. США и Польша провели конференцию за мир на Ближнем Востоке, в которой участвовали представители США, Израиля, Саудовской Аравии и которая была призвана привлечь внимание европейских политических элит к враждебным действиям Ирана [9]. В январе 2020 г. Д. Трамп призвал союзников быть «более активными» на ближневосточном направлении: «…они должны отказаться от остатков иранской сделки, и мы все должны работать вместе, чтобы заключить сделку с Ираном, которая сделает мир более безопасным и мирным» [10]. Кроме того, в январе 2020 г. министр обороны Германии Аннегрет Крамп-Карренбауэр упоминала, что США обещали ввести 25% тарифы на экспорт европейских автомобилей в случае отказа от выхода из СВПД [11].

Таким образом, в сложившихся условиях США было принято решение о выходе из СВПД, которому предшествовало время для конвергенции подходов с ЕС/Е3 на иранском направлении. Однако данное решение вызвало отрицательную реакцию союзников и разворачивающуюся спираль мер и действий по сохранению иранского ядерного соглашения без участия США.

РЕАКЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ СОЮЗНИКОВ НА ВЫХОД США ИЗ СВПД

Решение США о выходе из СВПД было воспринято европейскими союзниками крайне негативно, обозначив углубление противоречий между США и Европой. Великобритания, Франция и Германия осудили решение американских партнёров, продолжив выполнять условия Соглашения. Европейские страны полагали, что активизация экономического сотрудничества и широкие инвестиции в иранскую экономику мотивируют Иран сохранять свою приверженность условиям ядерной сделки. Вместе с тем, продолжение политико-дипломатической коммуникации с иранской стороной позволяло сохранять открытыми возможности для нахождения взаимоприемлемого решения. Концептуально-доктринальные основания подхода ЕС к Ирану были закреплены в Глобальной стратегии внешней политики и безопасности ЕС от июня 2016 года, в которой говорилось о том, что, «оставаясь приверженным имплементации иранской ядерной сделки, ЕС будет постепенно укреплять сотрудничество с Ираном в таких областях, как торговля, исследования, окружающая среда, энергетика, борьба с торговлей людьми, миграция и социальные обмены» [12].

Специфика устройства трансатлантических отношений во многом определила форму и отличительные черты реакции европейских партнеров. Исторически в трансатлантической подсистеме властные ресурсы сконцентрированы в руках США, при этом Европа испытывает дефицит структурной власти, что ограничивает её способность оспаривать действия США. В этих условиях Европа использует то, что можно назвать «интерпретативным реагированием», то есть процесс оперативной адаптации и планирования своих внешнеполитических действий в ответ на одностороннее изменение позиции партнёра, который при этом сопряжён с одновременным осмыслением и объяснением внешних сигналов и стимулов. Взаимодействие трансатлантических союзников вокруг перспектив сохранения иранского ядерного соглашения проиллюстрировало эту особенность отношений. Европейские участники в данной ситуации действовали в большей степени реактивно, осмысливая и корректируя свою внешнюю политику в процессе поступления новых сигналов и информации от американской стороны. Дискурсивно коммуникация США и европейских партнёров отражала доминирующую роль США в негативной репрезентации поведения Ирана, которую европейские партнёры стремились отразить с помощью вовлечения в многостороннюю дискуссию [13] и мягкого оспаривания решений американской стороны [14].

Верховный представитель ЕС по внешним делам Федерика Могерини в ответ на обнародованную новую стратегию США в отношении Ирана заявила, что «это не двусторонний договор, из которого можно выйти односторонне» [15]. Она подчеркнула, что Евросоюз продолжит оставаться стороной договора, несмотря на позицию США. Сразу же за провозглашением решительной поддержки СВПД Ф. Могерини совершила визит в Вашингтон (ноябрь, 2017 г.), где встретилась с

вице-президентом США Майком Пенсом и представителями Конгресса. Она вновь подтвердила полную приверженность ЕС иранскому соглашению, сославшись также на отчеты МАГАТЭ о соблюдении Ираном договорённостей. В дальнейшем Евросоюз продолжил вести политический диалог с Ираном на высшем уровне. В начале 2018 г. Ф. Могерини созвала министров иностранных дел Франции, Великобритании, Германии и Ирана для совместных консультаций о перспективах сохранения СВПД. В ходе встречи представитель ЕС заявила о том, что договор «работает» и является инструментом обеспечения режима нераспространения ядерного оружия [16]. За неделю до этого в американском издании «Вашингтон пост» вышла статья М. Пенса, в которой он призвал европейцев «очнуться», подчёркивая, что «настало время действовать» [17].

После официального объявления президентом Д. Трампом о выходе США из СВПД 8 мая 2018 г., Евросоюз выразил «сожаление» и заявил о продолжении соблюдения условий договора в интересах своей безопасности и защиты экономических инвестиций [18]. Ф. Могерини вновь организовывала встречу ЕС/Е3 для выработки плана совместного реагирования, а также провела встречу с иранскими коллегами для согласования мер и действий по сохранению СВПД в изменившихся условиях. Были начаты экспертные дискуссии по продолжению экономических отношений, продаже иранской нефти и газа, проведению банковских транзакций, защите европейских экономических операторов.

По результатам встречи европейских лидеров 16 мая 2018 г. Европейской комиссией были объявлены следующие задачи: активировать блокирующий статут (запрет компаниям стран – членов ЕС подчиняться американским экстерриториальным санкциям; поддержка требований компаний о возмещении нанесённого санкциями вреда); упрощение процедуры финансирования проектов в Иране через Европейский инвестиционный банк (ЕИБ); усиление секторального сотрудничества с Ираном, включая энергетическую сферу; переход на единоразовые переводы в Центральный банк Ирана [19]. В конце января 2019 г. ЕС/Е3 сообщили о создании специальной проектной компании и инструмента (*Instrument in Support of Trade Exchanges, INSTEX*), которые были призваны обеспечивать процесс торговли с Ираном в условиях санкций [20]. На полях встречи министр иностранных дел Франции Жан-Ив Ле Дриан заметил: «Это политический шаг» [21] с целью защиты европейских компаний. В целом, как можно заметить, у Евросоюза не было предварительно разработанной стратегии поведения на случай выхода США из СВПД, что объясняет реактивное сопротивление изменяющейся американской позиции в процессе адаптации к новым параметрам ситуации.

РЕАКЦИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ

Выступив в 2018 г. против решения США о выходе из СВПД, Великобритания, Франция и Германия неоднократно проводили политические консультации и координировали подходы. В совместном заявлении группы Е3 8 мая 2018 г.

сообщалось: «Мы подтверждаем нашу приверженность СВПД <…> Мы призываем США воздержаться от действий, которые бы препятствовали реализации соглашения оставшимися сторонами» [22].

Великобритания приветствовала заключение СВПД и полагала, что установление конструктивных отношений с Ираном приведёт к изменению стратегии поведения государства в регионе [23]. В докладе Комитета по международным делам Палаты общин от 2014 г. отмечалось, что основные цели Лондона на иранском направлении должны заключаться в стабилизации региональной обстановки, снижении антизападной направленности иранской внешней политики, диверсификации энергопоставок, защите коммерческих интересов [24]. В ноябре 2017 г., после отказа Д. Трампа сертифицировать СВПД перед Конгрессом, Б. Джонсон совершил визит в США, чтобы подтвердить приверженность Великобритании иранскому ядерному соглашению [25]. После выхода США из иранской ядерной сделки Великобритания продолжила выполнять условия договора, поддерживала компании, ведущие бизнес с Ираном, и участвовала в формировании общеевропейских инструментов для их защиты [26].

С 2015 г. внешнеторговый оборот между Великобританией и Ираном постепенно возрастал и достиг в 2017 г. пика в размере 325 млн долл., после чего в 2019 г. упал на 60% и достиг 129 млн [27]. Выход США из Соглашения сделал европейский бизнес уязвимым для экстерриториальных американских рестрикций. Британские компании, ведущие совместную деятельность с Ираном, вынуждены были либо отказываться от общих проектов, либо искать способы адаптации. Так, например, «Бритиш петролеум» (*BP*), «Серика» (*Serica*) и Национальная иранская нефтяная компания продолжили вести совместную разработку месторождения в Северном море (*Rhum*), но иранская сторона не может воспользоваться полученными средствами, которые будут храниться на заблокированных счетах до отмены санкций. Другая британская компания «Кверкус» (*Quercus*), финансирующая проекты по возобновляемым источникам энергии, вынуждена была отказаться от инвестиций в размере 570 млн долл. в строительство электростанций на солнечных батареях [28]. Как видно, после заключения СВПД Великобритания восстанавливала и укрепляла торгово-экономические отношения с Ираном, создавала нормативно-институциональную среду и инфраструктуру двустороннего сотрудничества, что способствовало росту заинтересованности в дальнейшем сохранении «иранской сделки».

Франция также не поддержала решение США о выходе из СВПД и совместно с европейскими партнёрами предпринимала активные меры по её сохранению. Министр иностранных дел Франции Ж.-И. Ле Дриан охарактеризовал американские действия как «изоляционистский, протекционистский и унилатералистский подход», в частности, он отмечал: «Это нарушение международных обязательств со стороны США <…> Мы объединим представителей бизнеса и защитим их насколько это возможно от американских санкций» [29]. Министр финансов

Франции Бруно Ле Майер также подчёркивал, что европейцы имеют «свои экономические интересы» и продолжат торговлю с Ираном [30].

За период 2015–2018 гг. прямые иностранные инвестиции (ПИИ) Франции в Иран составили, по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), 3,7 млрд долл., причём наибольшие показатели были в 2017 г., а наименьшие – в 2018 году [31]. Внешнеторговый оборот между Францией и Ираном также возрастал с 2015 г., достигнув 4,3 млрд долл. в 2017 г., после чего упал до 441 млн долл. в 2019 году, то есть сократился на 90%. В поддержании устойчивых экономических взаимосвязей с Ираном были заинтересованы крупнейшие предпринимательские группы и компании «Тоталь» (*Total)*, «Пежо» (*Peugeot*) и другие. Продвижением интересов французских экономических контрагентов на иранском рынке занималась организация «Движение предприятий Франции»/Медеф (*Medef*). В Тегеране даже было открыто её представительство «Центр французского бизнеса в Тегеране» (*French Business Center of Tehran, CFAT*). Французские компании инвестировали в проекты по строительству инфраструктуры [32], транспорта, энергетики [33]. Однако после восстановления санкционного режима со стороны США французские компании могли стать объектами вторичных санкций, в связи с чем некоторые из них были вынуждены уйти из Ирана. Так, к примеру, энергетическая компания «Тотал» отказалась от участия в иранском проекте «Южный парс-11» [34]. Восстановление США санкционного режима, как следствие, привело к падению оборотов франко-иранской торговли и поставило под угрозу уже вложенные инвестиции. В этих условиях Франция объединилась с европейскими участниками СВПД и предприняла попытки противостоять действиям США по разрушению остатков «иранской сделки».

В свою очередь, канцлер *Германии* Ангела Меркель заняла более осторожную позицию. Она отмечала: «Мы должны заявлять о своём несогласии, но это не повод подвергать сомнению в целом трансатлантические отношения» [35]. Министр иностранных дел Германии Хайко Маас назвал выход США из СВПД «неверным шагом», который приведёт к усилению напряжённости в регионе [36]. Германия не присоединилась к возобновленным американским санкциям за одним лишь исключением: в декабре 2018 г. Берлин ввёл санкции в отношении частной иранской авиакомпании «Махан эйр» (*Mahan Air*) за её связи с сирийским режимом. Сообщалось, что такое решение было принято по настоятельному требованию США [37]. Германия предпринимала активные дипломатические усилия по восстановлению Соглашения, призывая стороны вернуться к исполнению совместных договорённостей. Берлин также был убеждён в положительном влиянии СВПД на поведение Ирана в сфере ядерной энергетики, необходимости сохранения торгово-экономических отношений с ИРИ. Размер ПИИ в иранскую экономику за 2015-2018 гг. составил 1,6 млрд долл. Внешнеторговый оборот между Германией и Ираном возрастал до 2017 г., достигнув показателей в 3,8 млрд долл., после чего произошло резкое падение на 50%, до 1,9 млрд долл. в 2019 году.

Таким образом, позиция ЕС/Е3 в отношении иранского ядерного соглашения была обусловлена как стремлением сохранить возможности сотрудничества с Ираном и не допустить его изоляции, так и необходимостью соизмерять свои действия с американской стратегией на иранском направлении. В этих условиях при оценке и интерпретации последствий нарушения договорённостей по иранской ядерной программе ЕС/Е3 принимали во внимание вероятность потери контроля над деятельностью Ирана в области атомной энергетики. Кроме того, при формировании европейской позиции учитывались торгово-экономические интересы, которые, кроме всего прочего, были действенным мотивом сохранения приверженности Ирана условиям договора. Обсуждение и принятие решений по иранскому вопросу сопровождались переплетением целей и интересов различных субъектов, которые формировали соответствующий моменту политико-информационный континуум. В заданном контексте европейские участники сделали выбор в пользу решения, которое политико-дипломатически соответствовало нормативно-организационной природе Евросоюза и интересам стран Е3, а экономически поддерживало установленные ранее торгово-финансовые связи и контакты в условиях американских санкций. Европейская позиция в отношении СВПД при этом отличалась гибкостью и способностью к трансформации в зависимости от внешнеполитических действий США и Ирана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В существующей экспертно-аналитической литературе превалирует дескриптивный подход к фиксации расхождений США и ЕС/Е3 по иранскому вопросу. При этом определённый интерес может вызывать понимание мотивов принятия соответствующего решения ЕС/Е3, пределов допустимости избранных форм противодействия и оспаривания американской позиции, оценка риска обострения напряженности в трансатлантических отношениях.

В этой связи целесообразным представляется учитывать как системно-структурные характеристики международных отношений, которые создают ограничительные условия для реализации той или иной стратегии поведения, так и некоторые внутриполитические факторы, которые могут производить отклоняющиеся специфические формы реагирования государств. В соответствии с этой логикой возникшие разногласия между США и европейскими участниками СВПД могут быть объяснены различным восприятием и интерпретацией действующими политическими деятелями международной ситуации, которые формировались в рамках определенного контекста взаимодействия политических, экономических и дипломатических акторов на внутриполитической арене. В сложившихся обстоятельствах сторонами были избраны соответствующие линии поведения в отношении иранской ядерной сделки, которые при этом обнаружили противоречия в интересах евроатлантических союзников.

ИСТОЧНИКИ

1. Резолюция 2231 (2015) – Иранская ядерная проблема. Available at: https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/2231/background (accessed 15.01.2023).

2. Statement by National Security Advisor Michael T. Flynn on Iran. February 3, 2017. Available at: https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/statement-national-security-advisor-michael-t-flynn-iran/(accessed 10.01.2023).

3. President Donald J. Trump's New Strategy on Iran. October 13, 2017. Available at: https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-new-strategy-iran/ (accessed 12.01.2023).

4. Readout of President Donald J. Trump's Call with Prime Minister Benjamin Netanyahu of Israel. April 4, 2018. Available at: https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/readout-president-donald-j-trumps-call-prime-minister-benjamin-netanyahu-israel/ (accessed 12.01.2023).

5. Bolton J. R. How to Get Out of the Iran Nuclear Deal. National Review. August 28, 2017. Available at: https://www.nationalreview.com/2017/08/iran-nuclear-deal-exit-strategy-john-bolton-memo-trump/ (accessed 15.01.2023).

6. Statement by the President on the Iran Nuclear Deal. January 12, 2018. Available at: https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/statement-president-iran-nuclear-deal/ (accessed 15.01.2023).

7. An open letter to the US Congress: don't let Trump rip up the Iran deal. The Guardian. April 19, 2018. Available at: https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/apr/19/open-letter-us-congress-trump-iran-deal (accessed 15.01.2023).

8. Ceasing U.S. Participation in the JCPOA and Taking Additional Action to Counter Iran's Malign Influence and Deny Iran All Paths to a Nuclear Weapon. May 8, 2018. Available at: https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/ceasing-u-s-participation-jcpoa-taking-additional-action-counter-irans-malign-influence-deny-iran-paths-nuclear-weapon/ (accessed 17.01.2023).

9. Smolenski J., Pietromarchi V. US-led Middle East conference in Warsaw: All you need to know. Aljazeera. February 13, 2019. Available at: https://www.aljazeera.com/features/2019/2/13/us-led-middle-east-conference-in-warsaw-all-you-need-to-know (accessed 17.01.2023).

10. Remarks by President Trump on Iran. January 8, 2020. Available at: https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-iran/ (accessed 17.01.2023).

11. Wintour P. Germany confirms Trump made trade threat to Europe over Iran policy. The Guardian. January 16, 2020. Available at: https://www.theguardian.com/world/2020/jan/16/iran-says-it-is-enriching-more-uranium-than-before-nuclear-deal (accessed 20.01.2023).

12. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. June 2016. Available at:

https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (accessed 20.01.2023).

13. Iran nuclear deal: EU statement on the Joint Comprehensive Plan of Action. Council of the EU, Press release. October 16, 2017. Available at: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/10/16/iran-nuclear-deal-eu-jcpoa/ (accessed 25.01.2023).

14. Statement by HR/VP Mogherini following today's speech by US Secretary of State Pompeo on Iran. EU External Action. May 21, 2018. Available at: https://www.eeas.europa.eu/node/44974_en (accessed 25.01.2023).

15. Statement by High Representative/Vice-President Federica Mogherini on the latest developments regarding the implementation of the Joint Comprehensive Plan of Action (Iran nuclear deal). EU External Action. October 13, 2017. Available at: https://www.eeas.europa.eu/node/33921_en (accessed 25.01.2023).

16. Remarks by HR/VP Mogherini at the press statements following a meeting of EU/E3 and Iran on the implementation of the JCPOA. EU External Action. January 11, 2018. Available at: https://www.eeas.europa.eu/node/38148_en (accessed 25.01.2023).

17. Pence M. Unlike Obama, Trump will not be silent on Iran. The Washington Post. January 3, 2018. Available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/this-time-we-will-not-be-silent-on-iran/2018/01/03/d1cfc34e-f0cc-11e7-97bf-bba379b809ab_story.html (accessed 25.01.2023).

18. Remarks by HR/VP Mogherini on the statement by US President Trump regarding the Iran nuclear deal (JCPOA). EU External Action. May 8, 2018. Available at: https://www.eeas.europa.eu/node/44238_en (accessed 25.01.2023).

19. European Commission acts to protect the interests of EU companies investing in Iran as part of the EU's continued commitment to the Joint Comprehensive Plan of Action. European Commission Press Release. May 18, 2018. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_3861 (accessed 25.01.2023).

20. Joint statement on the creation of INSTEX, the special purpose vehicle aimed at facilitating legitimate trade with Iran in the framework of the efforts to preserve the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA). January 31, 2019. Available at: https://instex-europe.com/about-us/founding-statement/ (accessed 25.01.2023).

21. European powers unveil new trade channel with Iran. Reuters. January 31, 2019. Available at: https://www.reuters.com/article/uk-iran-nuclear-eu-e3-idAFKCN1PP2N3 (accessed 25.01.2023).

22. Joint Statement by France, the United Kingdom and Germany. May 8, 2018. Available at: https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/security-disarmament-and-non-proliferation/news/2018/article/jcpoa-joint-statement-by-france-the-united-kingdom-and-germany-08-05-18 (accessed 20.01.2023).

23. Foreign Secretary welcomes nuclear deal with Iran. Foreign & Commonwealth Office Press Release. July 14, 2015. Available at: https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretary-welcomes-nuclear-deal-with-iran (accessed 20.01.2023).

24. UK policy towards Iran. Foreign Affairs Committee. July 14, 2014. Available at: https://publications.parliament.uk/pa/cm201415/cmselect/cmfaff/547/54706.htm (accessed 20.01.2023).

25. Foreign Secretary visiting Washington to reaffirm UK commitment to the Iran nuclear deal. Foreign & Commonwealth Office Press Release. November 8, 2017. Available at: https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretary-visiting-washington-to-reaffirm-uk-commitment-to-the-iran-nuclear-deal (accessed 25.01.2023).

26. Joint statement on the re-imposition of US sanctions on Iran. Foreign & Commonwealth Office Press Release. August 6, 2018. Available at: https://www.gov.uk/government/news/joint-statement-on-the-re-imposition-of-us-sanctions-on-iran (accessed 25.01.2023).

27. The Direction of Trade Statistics (DOTS). The IMF. Available at: https://data.imf.org/?sk=9D6028D4-F14A-464C-A2F2-59B2CD424B85 (accessed 25.01.2023).

28. Exclusive: UK's Quercus pulls plug on $570 million Iran solar plant as sanctions bite. Reuters. August 14, 2018. Available at: https://www.reuters.com/article/us-iran-sanctions-quercus-exclusive-idUSKBN1KZ0ZR (accessed 26.01.2023).

29. Macron and other European leaders pledge to salvage Iran deal. CNN. May 9, 2018. Available at: https://edition.cnn.com/2018/05/09/europe/iran-deal-macron-rouhani-intl/index.html (accessed 25.01.2023).

30. France: Europe isn't U.S. "vassal," should trade with Iran. CBS News. May 11, 2018. Available at: https://www.cbsnews.com/news/france-europe-not-us-vassal-iran-nuclear-deal-donald-trump-germany-sanctions/ (accessed 25.01.2023).

31. OECD International direct investment database. Available at: https://stats.oecd.org/ (accessed 25.01.2023).

32. French Firm Signs Contract to Develop 2 Iranian Airports. Financial Tribute. April 29, 2017. Available at: https://financialtribune.com/articles/economy-business-and-markets/63333/french-firm-signs-contract-to-develop-2-iranian-airports (accessed 25.01.2023).

33. Iran: Total and NIOC sign contract for the development of phase 11 of the giant South Pars gas field. Total Energies Press release. July 3, 2017. Available at: https://totalenergies.com/media/news/press-releases/iran-total-and-nioc-sign-contract-development-phase-11-giant-south-pars-gas-field (accessed 25.01.2023).

34. US withdrawal from the JCPOA: Total's position related to the South Pars 11 project in Iran. Total Energies. May 16, 2018. Available at: https://totalenergies.com/media/news/press-releases/us-withdrawal-jcpoa-totals-position-related-south-pars-11-project-iran (accessed 20.01.2023).

35. Trump's Iran decision no reason to question transatlantic ties – Merkel. *Reuters*. May 11, 2018. Available at: https://www.reuters.com/article/uk-iran-nuclear-germany-merkel-idUKKBN1IC0YM/ (accessed 20.01.2023).

36. President in a Meeting with German FM. Iran Watch. June 10, 2019. Available at: https://www.iranwatch.org/library/governments/iran/ministry-foreign-affairs/president-meeting-german-fm (accessed 27.01.2023).

37. Germany to bar Iran's U.S.-sanctioned Mahan Air: Bild. *Reuters*. December 21, 2018. Available at: https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-usa-germany-idUSKCN1OK218 (accessed 27.01.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Шумилин А. И. США-ИРАН: между "максимальным давлением" и "героической гибкостью" // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. №. 7. С. 69-79.

Шумилина И. В. Антииранская стратегия Д. Трампа: внутриполитический фундамент // *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2019. Т. 49. №. 9. С. 79-91.

REFERENCES

Adebahr, C. Europe and Iran: The Economic and Commercial Dimensions of a Strained Relationship. Istituto Affari Internazionali (IAI), 2018.

Alcaro, R., Dessì, A. Last Line of Defence: A Strategy for Europe to Preserve the Iran Nuclear Deal. Istituto Affari Internazionali. 2019.

Alcaro, R. The Transatlantic Dimension of Europe's Nuclear Diplomacy with Iran: 2003–21. Istituto Affari Internazionali. 2021.

Blagden, D. Roleplay, realpolitik and 'great powerness': the logical distinction between survival and social performance in grand strategy. *European Journal of International Relations*. 2021. Т. 27. №. 4. pp. 1162-1192.

Cronberg, T. No EU, no Iran deal: the EU's choice between multilateralism and the transatlantic link. *The Nonproliferation Review*. 2017. Т. 24. №. 3-4. P. 243-259.

Fathollah-Nejad, A. Europe and the Future of Iran Policy: Dealing with a Dual Crisis. – Brookings Doha Center. Policy Briefing. October, 2018.

Hudson, V.M., Day, B.S. Foreign policy analysis: classic and contemporary theory. Rowman & Littlefield, 2019.

Kitchen, N. Systemic pressures and domestic ideas: a neoclassical realist model of grand strategy formation. *Review of international studies*. 2010. Т. 36. №. 1. P. 117-143.

Meibauer, G. Interests, ideas, and the study of state behavior in neoclassical realism. *Review of International Studies*. 2020. Т. 46. №. 1. pp. 20-36.

Ripsman, N.M., Taliaferro J.W., Lobell, S.E. Neoclassical realist theory of international politics. Oxford University Press. 2016.

Schwammenthal, D. Europe, the US and the Iran deal: The need to resolve transatlantic disagreements. *European View*. 2018. Т. 17. №. 2. P. 218-226.

Shumilin, A.I. SSHA-IRAN: mezhdu “maksimal'nym davleniem” i “geroicheskoj gibkost'yu”. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2020. T. 64. №. 7. S. 69-79.*

Shumilina, I.V. D. Trump's Anti-Iranian Strategy: Domestic Justifications. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2019. No. 9. P. 79-91. DOI: 10.31857/S032120680006299-2

Simon S. Iran and President Trump: What Is the Endgame? *Survival*. 2018. T. 60. №. 4. P. 7-20.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛЕВЧЕНКО Алла Вадимовна, соискатель ученой степени кандидата политических наук, МГИМО МИД России.

119454, Москва, пр-т Вернадского, 76.

Alla V. LEVCHENKO — PhD Candidate, MGIMO University.

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Статья поступила в редакцию 25.10.*2023 / Received 25.10.2023.*
Поступила после рецензирования 10.11.2023 / Revised 10.11.2023.
Статья принята к публикации 13.11.2023 / Accepted 13.11.2023.

УДК: 28, 323, 324, 329
DOI: 10.31857/S2686673024040059
EDN: SAOYXS

Религиозные тенденции среди латиноамериканцев: причины и влияние на политическую систему США

М.А. Черных

Институт Соединённых Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).
Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.
Researcher ID: IUQ-0941-2023 *РИНЦ ID: 1108006*
ORCID: 0000-0002-5702-6178 *e-mail: m.chernyh@iskran.ru*

Резюме: Статья посвящена религиозным тенденциям среди латиноамериканцев в Соединённых Штатах. В ней рассматриваются сложности измерения их религиозной принадлежности и религиозные тенденции их группы. Идентифицированы причины сдвига и выявлены особенности политических взглядов католиков, протестантов и нерелигиозных. Установлено, что религиозная принадлежность влияет на политический выбор, а степень поляризации в зависимости от этого фактора усиливается. Религиозный сдвиг может вызвать частичную трансформацию партийных предпочтений, что бросает вызов традиционной электоральной базе Демократической партии.

Ключевые слова: религиозные тенденции, латиноамериканские католики, латиноамериканские протестанты, нерелигиозные, политическая поляризация, демократы, республиканцы, Д. Трамп

Для цитирования: Черных М.А. Религиозные тенденции среди латиноамериканцев: причины и влияние на политическую систему США. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54 (4): 69–84. DOI: 10.31857/S2686673024040059
EDN: SAOYXS

Latino Religious Shift: Causes and Impact on the U.S. Political System

Marina A. Chernykh

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences (ISKRAN).
2/3, Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.
Researcher ID IUQ-0941-2023 *РИНЦ ID: 1108006*
ORCID: 0000-0002-5702-6178 *e-mail: m.chernyh@iskran.ru*

Abstract: The article focuses on the religious shift of U.S. Latinos, identifying the difficulties in measuring their religious affiliation, the religious tendencies in their community, and the reasons behind the shift. It reveals the political views of Catholics, Protestants, and the nonreligious within this demographic. The research establishes a direct correlation between religious

affiliation and political choices, noting an increasing degree of polarization based on this factor. The religious shift may cause a partial transformation of their party preferences, which challenges the traditional Democratic electoral base.

Keywords: religious shift, Latino Catholics, Latino Protestants, non-religious, political polarization, democrats, republicans, Donald Trump

For citation: Chernykh M.A. Latino Religious Shift: Causes and Impact on the U.S. Political System. *USA & Canada: Economics*, *Politics*, *Culture*. 2024; 54 (4): 69-84.
DOI: 10.31857/S2686673024040059 EDN: SAOYXS

ВВЕДЕНИЕ

Исторически Латинская Америка, под которой обычно подразумеваются Мексика, страны Карибского бассейна, Центральной и Южной Америки, была католической. Однако на протяжении нескольких десятилетий там наблюдается сокращение доли католиков и рост доли нерелигиозных жителей и протестантов. На фоне таких изменений в 1990 г. в свет вышла книга антрополога Дэвида Столла под названием «Латинская Америка становится протестантской?» [Stoll D., 1991]. Аналогичные трансформации наблюдаются среди латиноамериканцев в США, где религиозный сдвиг является одной из наиболее мощных тенденций. Важно изучить данные изменения по ряду причин.

Во-первых, латиноамериканцы уже обошли афроамериканцев по численности, став крупнейшей этнической группой меньшинства, и их численность продолжит расти в ближайшие десятилетия. Согласно прогнозам, к 2045 г. они составят почти 25% населения США, то есть каждый четвёртый житель страны будет иметь корни из Латинской Америки [Черных М.А., 2021]. По другим прогнозам, почти треть американского населения к 2050 г. будет иметь латиноамериканское происхождение [Mulder M., Marti G., Ramos A., 2021: 3]. Эта цифра не включает свыше 3 млн человек, которые проживают на зависимой от Соединённых Штатов территории Пуэрто-Рико и являются американскими гражданами, а также несколько миллионов лиц с происхождением из Латинской Америки, находящихся в стране нелегально.

Во-вторых, религиозный сдвиг углубляет поляризацию внутри их общности между католиками и протестантами. Первые из них более схожи с белыми католиками по своим политическим взглядам, а вторые ближе к белым протестантам, особенно евангелистам, которые являются их крупнейшей группой. Среди нерелигиозных латиноамериканцев также усиливается поляризация.

В-третьих, трансформация оказывает непосредственное влияние на партийные предпочтения латиноамериканских избирателей, что бросает вызов электоральной базе Демократической партии США. Протестанты в большей степени склонны склоняться в сторону республиканцев, а не демократов, которые традиционно пользовались поддержкой подавляющего большинства латиноамерикан-

цев. Что касается нерелигиозных, то большинство из них поддерживают Демократическую партию, а одна треть – Республиканскую, причём последний показатель растёт.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЛАТИНОАМЕРИКАНЦЕВ: СДВИГ В СТОРОНУ ПРОТЕСТАНТИЗМА?

В течение последних десятилетий доля латиноамериканских католиков в США стремительно снижается, доля протестантов демонстрирует небольшой рост, а доля нерелигиозных растёт быстрыми темпами. Важно отметить, что измерение религиозной принадлежности вызывает ряд сложностей, которые связаны со следующими факторами. *Во-первых*, в формах Бюро переписи населения отсутствует вопрос на эту тему. *Во-вторых*, далеко не все верующие зарегистрированы как прихожане. Некоторые, напротив, числятся в нескольких церквях одновременно. *В-третьих*, записи церквей часто неточны. Например, списки прихожан редко обновляются, чтобы вычеркнуть тех, кто переехал, перестал посещать службы или сменил конфессию. В-четвёртых, опросы являются самым эффективным способом измерения религиозной принадлежности, однако у них есть существенные недостатки.

Первым является то, что подавляющее большинство опросов проводится только среди взрослого населения, то есть религиозная принадлежность детей и подростков остаётся неизвестной. Кроме того, определённая часть взрослого населения находится вне досягаемости для анкетирования. К примеру, многие латиноамериканцы живут в домах, где не используют городской телефон, в то время как опросы по стационарному телефону проводятся намного чаще, чем по мобильному, так как это дешевле. Если речь идёт об очных анкетированиях, то неохваченными остаются те лица, которые проживают в отдалённых районах, хотя, безусловно, технический прогресс и улучшение инфраструктуры способствуют тому, что всё больше домохозяйств оказываются охваченными. Ещё одна трудность, которая возникает при проведении опроса, заключается в языке. Некоторые анкетирования проводятся только на английском языке, другие – на английском и на испанском. Первый тип представляет сложность для тех, кто использует испанский язык в качестве основного.

Из-за вышеперечисленных трудностей сбора данных показатели разных источников могут серьёзно различаться. Результаты 11-ти общенациональных опросов, проведённых в период 1990–2000 гг., показали, что на долю католиков приходится от 47 до 76%, а на долю протестантов и приверженцев других христианских конфессий – от 14 до 39% [Perl P., Greely J., Gray M., 2005: 6]. В статье, которая была опубликована в 2005 г., авторы заключили, что католиков насчитывается 70%, а протестантов – 20% [Perl P., Greely J., Gray M., 2005: 22]. В 2013 г. Центр Пью сообщил, что католики всё ещё являются преобладающей группой (55%), а протестанты составляют 22% [1]. Институт Гэллапа выявил, что в 2016 г. показатели

были на уровне 51 и 25% [2], а по данным анкетирования, проведённого Центром Пью в 2019 г., – соответственно 47 и 24% [3]. Опросы 2020 г., проведённые американским Общественным институтом изучения религии (*Public Religion Research Institute - PRRI*), продемонстрировали, что католиков насчитывалось 50%, а протестантов – 24%, причём 14% были евангелистами и 10% идентифицировали себя с другими деноминациями [4]. В 2022 г. Центр Пью сообщил, что доля взрослых католиков снизилась до рекордно низкого уровня – 43% [5]. Таким образом, с начала XXI века она сократилась на 27%. В то же время протестанты в 2022 г. составляли 25% [6]. Профессора Марк Т. Малдер, Джерардо Марти и Аида И. Рамос в своей книге пишут, что к 2030 г. группа протестантов вырастет до 50% [Mulder M., Marti G., Ramos A., 2021: 2].

Национальная ассоциация испаноязычных евангелистов *(The National Hispanic Association of Evangelicals)* сообщает, что в 2007 г. в стране было 15 млн латиноамериканских евангелистов [7]. По данным Центра Пью, в 2000 г. их общность насчитывала 35,3 млн человек, а в 2010 г. – 50,5 млн [8]. Исходя из этого, можно предположить, что в 2007 г. их группа насчитывала около 45–47 млн человек, а 15 млн евангелистов составляли почти 30%. Важно учитывать, что, хотя эта конфессия является самой популярной среди них, существуют и другие направления. Среди них основные протестанты, или протестантский мейнлайн (*mainline Protestants*), баптисты, пятидесятники (*Pentecostals*), методисты, лютеране, пресвитерианцы, секты. Другими словами, если опираться на приведённые цифры, то уже в 2007 г. доля всех протестантов могла составлять до 35% их группы. Американский учёный Лэрри Ортис отмечает, что латиноамериканцы «оставляют католическую веру и переходят в протестантскую высокими темпами» [Ortiz L., 2014: 24]. Другие эксперты считают, что протестантизм быстро охватывает латиноамериканскую группу США [Ramos A., Woodberry R., Ellison C., 2017: 1]. Действительно ли это так? Если опираться на имеющиеся статистические данные, то она показывает тенденцию к умеренному росту. В первое десятилетие XXI века средний показатель был на уровне 20%, если не учитывать данные 2007 г., предоставленные Национальной ассоциацией, во второе – 23,6%, а с 2020 г. – 24,5%.

Важно учитывать ещё один фактор. Латиноамериканским протестантам свойственна более глубокая степень религиозности, чем католикам. Так, 85% протестантов говорят, что религия крайне важна или очень важна в повседневной жизни, в то время как среди католиков показатель составляет 72% [Putnam R., Campbell D., 2012: 285]. Такая особенность первых объясняет тенденцию расширения сети латиноамериканских протестантских церквей в США, которая набирает всё большие обороты. Так, менее 9% церквей были построены до 1950 г., в то время как 54% были открыты после 2000 г., включая 32%, которые начали принимать прихожан после 2010 г., причём половина из всех церквей находится в крупных мегаполисах с населением 100 тыс. человек и более [9]. Кроме того, 58% посещаю-

щих церкви составляют американцы первого поколения, то есть те, которые родились за пределами США, далее следуют американцы второго поколения – 24% [10].

Что касается возрастного состава, 35% прихожан находятся в возрастной категории до 30 лет, включая 18% – до 18 лет, 38% – в категории от 30 до 49 лет и 28% – в возрасте 50 лет и старше [9]. Это свидетельствует о том, что развитие церквей происходит во многом за счёт молодого поколения. Именно молодые латиноамериканские протестанты составляют одну из самых быстрорастущих групп евангелистов в США. Можно предположить, что это станет одной из важнейших тенденций религиозной жизни страны в ближайшие десятилетия. В целом, численность латиноамериканских протестантов держится на стабильном уровне и в последние годы показывает тенденцию к росту. Вероятность того, что к 2030 г. они будут составлять 50% всей группы, невысока. Можно предположить, что показатель будет варьироваться от 25 до 30%, хотя существует вероятность, что он достигнет 35%. Что касается тех, кто исповедует католичество, то их доля продолжит снижаться и к 2030 г., вероятно, будет на уровне 35–40%.

Ещё одной важной тенденций является рост доли нерелигиозных, который происходит стремительными темпами. В их группу входят те, кто относят себя к атеистам, агностикам и заявляют, что не исповедуют никакой конкретной религии. Центр Пью сообщает, что в 2010 г. нерелигиозных было 10%, в 2013 г. – 18%, а в 2022 г. – 30% [5]. Этот же источник пишет, что в 2009 г. они составляли 15%, а в 2018–2019 гг. – 23% [3]. Так или иначе, во втором десятилетии XXI века их доля значительно выросла, в том числе за счёт увеличения численности латиноамериканской группы, а не только смены религиозной принадлежности. В ближайшие десятилетия данная тенденция сохранится. Следует ожидать, что к 2030 г. группа нерелигиозных латиноамериканцев составит примерно 35%.

ПРИЧИНЫ РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ СРЕДИ ЛАТИНОАМЕРИКАНЦЕВ

Латиноамериканцы, которые покидают католическую церковь, переходят в протестантскую веру, в частности, становятся евангелистами или пополняют ряды нерелигиозных. Важно отметить два фактора, которые отталкивают от католической церкви. Первый состоит в том, что большинство бывших католиков (57%), которые стали протестантами, заявили, что перестали верить в учение их прежней церкви [1]. Второй связан с многочисленными скандалами в католической церкви, касающимися сексуального насилия. Рост численности латиноамериканских протестантов происходит главным образом за счёт бывших католиков. Существует несколько основных причин перехода в протестантизм и роста его популярности, их можно разделить на религиозные и социально-экономические.

Среди религиозных причин выделяются следующие: *во-первых*, стремление установить личную связь с Богом без посредников; *во-вторых*, люди, которые развелись или создали второй брак, склонны рассматривать смену конфессии на фоне того, что католическая церковь порицает такие явления.

Говоря о социально-экономических причинах, следует выделить следующие. *Во-первых,* это связь процесса перехода с высокой степенью ассимиляции, особенно среди тех, кто стремится стать частью белой Америки и использует английский язык в качестве первого. *Во-вторых*, принятие протестантизма воспринимается как социальный лифт, учитывая, что латиноамериканские протестанты часто имеют более высокий уровень образования, доход и престижную работу [Mulder M., Marti G., Ramos A., 2021: 6]. *В-третьих*, церковь оказывает поддержку; почти 50% бывших католиков заявили, что причиной перехода стала открытость и помощь церкви [1]. Это могут быть курсы английского для вновь прибывших, а также другие виды поддержки. *В-четвёртых*, на смену религии может повлиять заключение брака с человеком, который исповедует это направление христианства. *В-пятых*, в США растёт доля американцев кубинского происхождения, которые более склонны исповедовать протестантизм, чем, например, американцы мексиканского происхождения. Если в 2000 г. их насчитывалось 1,2 млн человек, то в 2021 г. – 2,4 млн, то есть за этот период их численность выросла на 92% [11]. Наконец, *в-шестых*, с начала XXI века в США переезжает всё больше людей из стран Центральной Америки, в частности из Гватемалы, Гондураса, Никарагуа и Сальвадора, а также из Доминиканской Республики и Пуэрто-Рико. Так, за период 2000–2021 гг. группа американцев с корнями из Гватемалы увеличилась на 336% – с 410 тыс. до 1,8 млн человек [12]. В аналогичный период группа американцев с происхождением из Сальвадора выросла на 250% – с 710 тыс. до 2,5 млн [13]. В этих государствах проживают значительные группы протестантов, в среднем 40% населения. В Гондурасе доля евангелистов составляет почти половину всего населения. Более того, во всех этих странах продолжает расти их численность. Например, в 2005 г. в Никарагуа насчитывалось 59% католиков и 22% евангелистов, а в 2019 г. – 43% первых и 41% вторых [14]. Соответственно, американцы с корнями из вышеперечисленных стран более склонны исповедовать протестантство, а, например, выходцы из Мексики – менее. Так, 31% американцев с корнями из стран Центральной Америки относят себя к протестантам-евангелистам, в то время как среди американцев с корнями из Пуэрто-Рико таких насчитывается 15%, а из Мексики – 12% [5]. Важно помнить, что эти цифры не включают американцев с корнями из этих стран, которые принадлежат к другим конфессиям протестантизма.

Что касается группы нерелигиозных, большинство росли в католических семьях (57%), значительно меньше – в протестантских (22%) и ещё меньше – в нерелигиозных семьях (14%) [9]. Центр Пью выявил, что самая большая доля нерелигиозных находится в возрастной категории от 18 до 29 лет (49%), среди лиц в возрасте 30–49 лет таких насчитывается 29%, среди лиц, которые старше 50 лет –

лишь 19% [5]. Другими словами, молодые люди до 29 лет, большинство из которых росли в католических семьях, наиболее склонны покидать католичество и пополнять ряды нерелигиозных. Это связано с вышеперечисленными факторами, которые заключаются в потере веры и скандалах, окружающих церковь. Кроме того, молодые латиноамериканцы постепенно отдаляются от своей традиционной идентичности – католичества, использования испанского языка как основного, истории родных стран. В латиноамериканских протестантских церквях, как было сказано выше, наблюдается совершенно иная тенденция. Помимо этого, молодых отталкивает то, что церковь порицает однополые браки и искусственное прерывание беременности (аборты).

Важно обратить внимание ещё на один аспект, а именно влияние поколения американцев с корнями из Латинской Америки на их религиозную принадлежность и её смену. В табл. 1 приведены статистические данные Центра Пью [5]. Они показывают, что лица, рождённые за пределами США, более склонны быть католиками и протестантами, чем те, которые родились в США. В то же время лица, которые были рождены в Соединённых Штатах, намного чаще не относят себя к религиозным. Это свидетельствует о следующем. *Во-первых*, американцы второго и более старших поколений более склонны отказываться от католической веры и становиться нерелигиозными. *Во-вторых*, латиноамериканские иммигранты более склонны исповедовать католицизм, который ещё преобладает в их родных странах. Этого нельзя сказать про латиноамериканскую группу США, в которой католики уже составляют менее 45%. *В-третьих*, большая доля протестантов среди американцев первого поколения подтверждает вывод о том, что в последние годы растут темпы миграции из стран южнее США, в которых проживают значительные доли приверженцев этой конфессии, а также о том, что латиноамериканские протестантские церкви оказывают поддержку новоприбывшим, чем вовлекают иммигрантов, часто католиков, в свою веру.

Таблица 1

Влияние поколения латиноамериканцев на их религиозную принадлежность

	Католики	Протестанты	Нерелигиозные
Латиноамериканские иммигранты	52%	23%	21%
Американцы с корнями из Латинской Америки, рождённые в США	36%	19%	39%

Jens Manuel Krogstad, Joshua Alvarado, Besheer Mohamed. Among U.S. Latinos, Catholicism Continues to Decline but Is Still the Largest Faith. *Pew Research Center*. April 13, 2023. Available at: https://www.pewresearch.org/religion/2023/04/13/among-u-s-latinos-catholicism-continues-to-decline-but-is-still-the-largest-faith/#:~:text=As%20of%202022%2C%2043%25%20of,less%20likely%20to%20be%20Protestant (accessed 21.12.2023).

ПОЛЯРИЗАЦИЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНЦЕВ И ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ США

Религия всегда играла важную роль в политических процессах США. Накануне президентских выборов 2020 г. было организовано движение «Верующие с Байденом» (*Creyentes con Biden*), которое было нацелено на привлечение латиноамериканских избирателей. Сторонники Д. Трампа запустили аналогичное движение «Евангелисты за Трампа» (*Evangelicals for Trump*), в рамках которого он посетил церковь в Майами (Южная Флорида), возглавляемую священником Гильермо Мальдонадо. Кампания была направлена, в том числе, на налаживание контактов с латиноамериканскими протестантами, большинство которых проживают в штатах Техас, Нью-Мексико, Калифорния, а в Южной Флориде и Вашингтоне их численность продолжает расти [6]. В связи с этим данные географические направления будут представлять всё больший интерес для Республиканской партии и Д. Трампа в ходе президентской кампании 2024 г. С большой долей вероятности, в вышеперечисленных штатах уровень поддержки кандидата от этой партии вырастет по сравнению с предыдущими выборами.

Латиноамериканская группа наиболее поляризована по религиозному принципу. Это оказывает непосредственное влияние на политические процессы США. На выборах 2016 г. Д. Трамп получил больше голосов латиноамериканцев, чем его предшественники, а в ходе выборов 2020 г. ещё больше укрепил свою позицию среди них. Даже в штате Калифорния, где в подавляющем большинстве голосуют за демократов, рост поддержки республиканцев этой группой растёт. Если в 2016 г. Д. Трамп набрал 16% их голосов, то в 2020 г. – 22% [15]. Предвыборные опросы показали, что Дж. Байден опережал Д. Трампа по уровню поддержки католиков (67% против 25%), протестантов (52% против 39%), но не евангелистов, среди которых лидировал Д. Трамп (48% против 46%) [16]. В 2020 г. латиноамериканский электорат сыграл решающую роль в том, что в Аризоне победил Дж. Байден, а в Техасе и Флориде – Д. Трамп. Профессор Гастон Эспиноса пришёл к выводу, что именно латиноамериканские евангелисты помогли Д. Трампу получить более значительную поддержку в Техасе и Флориде, чем ожидалось [17]. Во Флориде большую роль сыграли американцы кубинского происхождения, которые традиционно более склонны к поддержке республиканцев, чем остальные латиноамериканцы: в 2016 г. Д. Трампа поддержали 54% [18], а в 2020 г. – 56% [19]. Кроме того, ярким примером стала долина Рио-Гранде (Техас), где проживает самая большая группа протестантов США. В ходе выборов 2020 г. там произошёл крупнейший сдвиг в сторону республиканцев [Черных М.А., 2023: 78]. Опросы, проведённые в декабре 2023 г., показали, что Д. Трампа поддерживают 39% латиноамериканцев, а Дж. Байдена – 34%, что сильно отличается от выборов 2020 г., когда Дж. Байден получил 65% их голосов [20]. Никогда в истории США кандидат от Республиканской партии не опережал кандидата от Демократической в плане уровня их поддержки. Такие тенденции во многом вызваны ростом поддержки

Республиканской партии латиноамериканскими протестантами и увеличением их доли. В то же время подавляющая часть католиков (80%) одобряет работу нынешнего президента [21]. Это свидетельствует о серьёзном расколе электората по религиозному принципу.

Политические взгляды избирателей с корнями из Латинской Америки сильно различаются в зависимости от религиозной принадлежности, причём за последние несколько лет поляризация усилились. В табл. 2 представлены данные Центра Пью о партийных предпочтениях латиноамериканских избирателей в 2013 и 2022 гг. [1]; [5]. В ходе опроса тех, кто относил себя к независимым, дополнительно спрашивали, в сторону какой партии они склонялись. В период 2013–2022 гг. всё больше католиков стали идентифицировать себя с Демократической партией или склоняться к ней, а уровень поддержки Республиканской партии сохранился тот же. Среди евангелистов произошли самые большие изменения: менее чем за десять лет уровень поддержки Демократической партии сократился на 4%, а Республиканской – вырос на 20%. В группе нерелигиозных избирателей доля поддержки демократов увеличилась незначительно, а доля тех, кто голосует за республиканцев, выросла на 8%.

Таблица 2

Центр Пью: Динамика партийной принадлежности латиноамериканских избирателей в зависимости от религиозных взглядов

	Католики		**Евангелисты**		**Нерелигиозные**	
Годы	Демократическая партия	Республиканская партия	Демократическая партия	Республиканская партия	Демократическая партия	Республиканская партия
2022	72%	21%	44%	50%	66%	24%
2013	58%	21%	48%	30%	64%	16%

The Shifting Religious Identity of Latinos in the United States. *Pew Research Center*. May 7, 2014. Available at: https://www.pewresearch.org/religion/2014/05/07/the-shifting-religious-identity-of-latinos-in-the-united-states/#fn-20524-2 (accessed 14.11.2023); Jens Manuel Krogstad, Joshua Alvarado, Besheer Mohamed. Among U.S. Latinos, Catholicism Continues to Decline but Is Still the Largest Faith. *Pew Research Center*. April 13, 2023. Available at: https://www.pewresearch.org/religion/2023/04/13/among-u-s-latinos-catholicism-continues-to-decline-but-is-still-the-largest-faith/#:~:text=As%20of%202022%2C%2043%25%20of,less%20likely%20to%20be%20Protestant (accessed 21.12.2023).

В табл. 3 приведены данные Общественного института изучения религии [22]. В этом исследовании не было задано дополнительного вопроса тем респондентам, которые заявили о том, что являются независимыми избирателями. Поэтому доля независимых была выделена в отдельную категорию, что снизило показа-

тели среди католиков и протестантов. Между 2013 и 2022 гг. доля католиков, которые поддерживают Демократическую партию, увеличилась, но в меньшей степени, а доля тех, кто поддерживает Республиканскую партию, выросла на 5%. Это позволяет предположить, что даже среди латиноамериканских католиков, которые являются наиболее надёжной электоральной группой Демократической партии по сравнению с протестантами и нерелигиозными, также существует тенденция сдвига в сторону Республиканской партии, хотя и медленными темпами.

Среди протестантов в целом доля голосующих за демократов снизилась на 3%, в то время как поддержка республиканцев увеличилась на 12%. Это значительно меняет ситуацию, учитывая, что евангелисты склонны голосовать за республиканцев гораздо активнее других протестантских групп, и рост их поддержки происходит более быстрыми темпами.

Наконец, доля нерелигиозных, голосующих за Демократическую партию, увеличилась на 6%, а доля поддерживающих Республиканскую партию – на 2%. Это меньше, чем было обнаружено в первом опросе, однако динамика остаётся положительной.

Таблица 3

Динамика партийной принадлежности латиноамериканских избирателей в зависимости от религиозных взглядов

	Католики		**Протестанты**		**Нерелигиозные**	
Годы	Демократическая партия	Республиканская партия	Демократическая партия	Республиканская партия	Демократическая партия	Республиканская партия
2022	44%	14%	28%	29%	36%	10%
2013	38%	9%	31%	17%	30%	8%

Republicans Still Have a Long Way to Go to Gain Widespread Hispanic Support. *Public Religion Research Institute*. June 14, 2023. Available at: https://www.prri.org/2023/06/republicans-still-have-a-long-way-to-go-to-gain-widespread-hispanic-support/ (accessed 12.01.2024).

Учитывая, что доля католиков стремительно снижается, доля протестантов растёт умеренными темпами, а доля нерелигиозных – быстрыми, в ближайшее десятилетие следует ожидать следующее. *Во-первых*, группа католиков, которая идентифицирует себя с демократами или склоняется к ним, продолжит расти; группа тех, кто выступает за республиканцев, останется на прежнем уровне или увеличится на несколько процентных пунктов, но незначительно. Можно предположить, что они останутся самой надёжной группой электоральной базы демократов. Католики более склонны придерживаться либеральных ценностей, что укрепляет их связь с Демократической партией. *Во-вторых*, уровень поддержки Республиканской партии испаноязычными протестантами, и особенно евангелистами, продолжит активно

расти, а Демократической – снижаться. Среди трёх групп они наиболее склонны придерживаться консервативных ценностей и поддерживать республиканцев, поэтому они будут представлять всё больший интерес для их партии. *В-третьих*, доля нерелигиозных, поддерживающих демократов, скорее всего, увеличится на несколько процентных пунктов, а доля тех, кто поддерживает республиканцев, будет расти медленными темпами. Многие нерелигиозные более склонны поддерживать либеральные ценности. Они являются менее надёжной опорой для Демократической партии США, чем католики, однако более надёжной, чем протестанты. Можно предположить, что обе партии будут всё более активно бороться за голоса латиноамериканских нерелигиозных.

В табл. 4 приведены данные 2020 г. о политических взглядах латиноамериканцев по ряду важных вопросов в зависимости от религиозной принадлежности [23]. Они позволяют в большей степени раскрыть степень их политической поляризации. Исходя из данных таблицы можно сделать следующие выводы. Значительная часть протестантов выступала за Д. Трампа и политику Республиканской партии в целом, почти половина поддерживала строительство стены на южной границе и принятие законопроекта, который бы ограничил въезд беженцев в США. В то же время они меньше, чем две другие группы, выступали за предоставление легального статуса лицам, которые прибыли в США нелегально, будучи детьми.

Таблица 4

Взгляды латиноамериканцев по важным вопросам в зависимости от религиозной принадлежности (2020 г.)

	Католики	Протестанты	Нерелигиозные
Уровень одобрения Д. Трампа, 2020 г.	27%	57%	16%
Экономический курс Д. Трампа	42%	58%	28%
Строительство стены на границе с Мексикой	34%	48%	15%
Предоставление легального статуса лицам, которые въехали в США нелегально, будучи детьми	72%	64%	78%
Принятие закона в целях предотвращения въезда беженцев	31%	45%	13%

Alejandra Molina. Latino Protestants more conservative, supportive of Trump than Latino Catholics, poll finds. *National Catholic Reporter*. December 3, 2020. Available at: https://www.ncronline.org/news/latino-protestants-more-conservative-supportive-trump-latino-catholics-poll-finds (accessed 07.10.2023).

Католики в большей степени, чем нерелигиозные, были склонны поддерживать Д. Трампа и его политику. Они, а также нерелигиозные, в наибольшей степени выступали за предоставление статуса определённым лицам. Важно отметить, что значительные доли католиков и нерелигиозных выражали поддержку экономической политике Д. Трампа. Это свидетельствует о том, что даже те группы латиноамериканцев, которые не идентифицируют себя с республиканцами и не склоняются к ним, во многом одобряют их экономический курс, что является серьёзным преимуществом партии в борьбе за голоса латиноамериканских избирателей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Религиозные изменения среди американцев с корнями из Латинской Америки представляют одну из важнейших тенденций их группы и станут одной из главных тенденций религиозной жизни страны в ближайшие десятилетия. В США стремительно сокращается доля католиков, доля протестантов растёт умеренными темпами, а доля нерелигиозных – быстрыми темпами. Во многом эти изменения происходят за счёт молодых латиноамериканцев, которые наиболее склонны покидать католическую церковь и пополнять ряды нерелигиозных. Отход от католической церкви набирает всё большие обороты, в то время как в стране активно расширяется сеть латиноамериканских протестантских церквей, причём в значительной степени за счёт молодого поколения и иммигрантов. Можно предположить, что в ближайшие десятилетия данные тенденции сохранятся, усиливая поляризацию латиноамериканцев по религиозному принципу.

Религиозные трансформации оказывают влияние на политические предпочтения. Католики являются наиболее надёжной электоральной группой Демократической партии, однако даже среди них прослеживается небольшой рост популярности республиканцев. В группе протестантов, особенно евангелистов, происходит серьёзный сдвиг в сторону Республиканской партии. В группе нерелигиозных популярность партии также растёт. Такие тенденции бросают вызов электоральной базе Демократической партии, которая традиционно пользовалась широкой поддержкой латиноамериканских избирателей. В опросах накануне президентских выборов 2024 г. впервые в истории США кандидат от республиканцев обошёл кандидата от демократов по числу полученных голосов. Для Демократической партии всё большее значение будет приобретать сохранение и укрепление поддержки католиков. Республиканская партия сосредоточится на укреплении своих позиций среди протестантов, особенно евангелистов. Обе партии ужесточат борьбу за голоса нерелигиозных.

ИСТОЧНИКИ

1. The Shifting Religious Identity of Latinos in the United States. *Pew Research Center.* May 7, 2014. Available at: https://www.pewresearch.org/religion/2014/05/07/the-shifting-religious-identity-of-latinos-in-the-united-states/#fn-20524-2 (accessed 14.11.2023).

2. Frank Newport. Protestant, Catholic Views of Clinton and Trump Not Monolithic. *Gallup.* August 31, 2016. Available at: https://news.gallup.com/opinion/polling-matters/195251/protestant-catholic-views-clinton-trump-not-monolithic.aspx (accessed 04.09.2023).

3. In U.S., Decline of Christianity Continues at Rapid Pace. *Pew Research Center.* October 17, 2019. Available at: https://www.pewresearch.org/religion/2019/10/17/in-u-s-decline-of-christianity-continues-at-rapid-pace/ (accessed 11.01.2024).

4. The 2020 PRRI Census of American Religion. *Public Religion Research Institute.* July 8, 2021. Available at: https://www.prri.org/research/2020-census-of-american-religion/ (accessed 15.11.2023).

5. Jens Manuel Krogstad, Joshua Alvarado, Besheer Mohamed. Among U.S. Latinos, Catholicism Continues to Decline but Is Still the Largest Faith. *Pew Research Center.* April 13, 2023. Available at: https://www.pewresearch.org/religion/2023/04/13/among-u-s-latinos-catholicism-continues-to-decline-but-is-still-the-largest-faith/#:~:text=As%20of%202022%2C%2043%25%20of,less%20likely%20to%20be%20Protestant (accessed 21.12.2023).

6. Marina E. Franco. Why many Latinos are choosing Protestantism over Catholicism. *Axios.* August 25, 2022. Available at: https://www.axios.com/2022/08/25/latinos-catholic-protestant-religion-politics (accessed 17.12.2023).

7. Protestant churches attracting Latinos. *The Columbus Dispatch.* April 26, 2007. Available at: https://www.dispatch.com/story/news/2007/04/26/protestant-churches-attracting-latinos/24242216007/ (accessed 15.11.2023).

8. Mark Hugo Lopez, Jens Manuel Krogstad, Jeffrey S. Passel. Who is Hispanic? *Pew Research Center.* September 5, 2023. Available at: https://www.pewresearch.org/short-reads/2023/09/05/who-is-hispanic/ (accessed 11.11.2023).

9. Alejandra Molina. US Hispanic Protestant churches are young, growing and largely new to the country. *Religion News.* January 30, 2023. Available at: https://religionnews.com/2023/01/30/u-s-hispanic-protestant-churches-are-growing-and-largely-new-to-the-u-s/ (accessed 03.12.2023).

10. Milton Quintanilla. U.S. Hispanic Protestant Churches See Growth in Membership, Outreach Efforts. *Christian Headlines.* Updated: January 27, 2023. Available at: https://www.christianheadlines.com/contributors/milton-quintanilla/us-hispanic-protestant-churches-see-growth-in-membership-outreach-efforts.html (accessed 03.01.2024).

11. Mohamad Moslimani, Luis Noe-Bustamante, Sono Shah. Facts on Hispanics of Cuban origin in the United States, 2021. *Pew Research Center.* August 16, 2023. Available

at: https://www.pewresearch.org/hispanic/fact-sheet/u-s-hispanics-facts-on-cuban-origin-latinos/ (accessed 05.01.2024).

12. Mohamad Moslimani, Luis Noe-Bustamante, Sono Shah. Facts on Hispanics of Guatemalan origin in the United States, 2021. *Pew Research Center.* August 16, 2023. Available at: https://www.pewresearch.org/hispanic/fact-sheet/us-hispanics-facts-on-guatemalan-origin-latinos/ (accessed 05.01.2024).

13. Mohamad Moslimani, Luis Noe-Bustamante, Sono Shah. Facts on Hispanics of Salvadoran origin in the United States, 2021. *Pew Research Center.* August 16, 2023. Available at: https://www.pewresearch.org/hispanic/fact-sheet/us-hispanics-facts-on-salvadoran-origin-latinos/ (accessed 05.01.2024).

14. 2022 Report on International Religious Freedom: Nicaragua. Office of International Religious Freedom. U.S. Department of State, 2022. Available at: https://www.state.gov/reports/2022-report-on-international-religious-freedom/nicaragua/ (accessed 05.01.2024).

15. Farida Jhabvala Romero. Trump Support Grew Among Latinos in California and Nationally, Poll Finds. *KQED*. November 6, 2020. Available at: https://www.kqed.org/news/11846100/trump-support-grew-among-latinos-in-california-and-nationally-poll-finds (accessed 28.11.2023).

16. Alejandra Molina. Latino Evangelicals Narrowly Favor Trump. *Christianity Today*. October 6, 2020. Available at: https://www.christianitytoday.com/news/2020/october/latino-evangelical-christian-voters-survey-trump-biden.html (accessed 10.01.2024).

17. Kate Shellnutt. Latino Evangelicals Boost Trump in Florida and Texas. *Christianity Today.* November 4, 2020. Available at: https://www.christianitytoday.com/news/2020/november/latino-evangelical-voters-trump-biden-fl-tx-az.html (accessed 10.01.2024).

18. Jens Manuel Krogstad. Most Cuban American voters identify as Republican in 2020. *Pew Research Center.* October 2, 2020. Available at: https://www.pewresearch.org/short-reads/2020/10/02/most-cuban-american-voters-identify-as-republican-in-2020/ (accessed 10.01.2024).

19. Simon Lewis, Zachary Fagenson. Florida Latinos boost Trump's margin of victory in battleground state. *Reuters.* November 4, 2020. Available at: https://www.reuters.com/article/idUSKBN27K0WX/ (accessed 09.01.2024).

20. Coral Murphy Marcos. Trump gaining ground among Latino voters, poll shows. *The Guardian.* January 1, 2024. Available at: https://www.theguardian.com/us-news/2024/jan/01/trump-biden-latino-voters-poll (accessed 05.01.2024).

21. Gregory A. Smith. Among U.S. religious groups, Biden's approval ratings are mirror image of Trump's. *Pew Research Center.* May 4, 2021. Available at: https://www.pewresearch.org/short-reads/2021/05/04/among-u-s-religious-groups-bidens-approval-ratings-are-mirror-image-of-trumps/ (accessed 04.01.2024).

22. Republicans Still Have a Long Way to Go to Gain Widespread Hispanic Support. *Public Religion Research Institute.* June 14, 2023. Available at: https://www.prri.org/2023/06/republicans-still-have-a-long-way-to-go-to-gain-widespread-hispanic-support/ (accessed 12.01.2024).

23. Alejandra Molina. Latino Protestants more conservative, supportive of Trump than Latino Catholics, poll finds. *National Catholic Reporter.* December 3, 2020. Available at: https://www.ncronline.org/news/latino-protestants-more-conservative-supportive-trump-latino-catholics-poll-finds (accessed 07.10.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Черных М.А. Роль испаноязычных американцев в политических процессах США: президентские выборы 2020 г. *Россия и Америка в XXI веке.* 2021. Выпуск №2. Available at: https://rusus.jes.su/s207054760015929-8-1/ DOI: 10.18254/S207054760015929-8

Черных М.А. Тенденции испаноязычных избирателей: сдвиг в сторону Республиканской партии? *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023. №9. С. 74–86. DOI: 10.31857/S2686673023090067

REFERENCES

Chernykh, M.A. The role of Hispanics in US political processes: the 2020 presidential election. *Russia and America in the XXI century*. 2021. No. 2. Available at: https://rusus.jes.su/s207054760015929-8-1/ DOI: 10.18254/S207054760015929-8

Chernykh, M.A. The trends of Hispanic voters: a shift towards the Republican Party? // *USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 2023. No. 9. P. 74-86. DOI: 10.31857/S2686673023090067

Mulder, M., Marti, G., Ramos, A. Latino Protestants in America: Growing and Diverse. Rowman & Littlefield Publishers. Reprint edition (July 30, 2021), 218 p., ISBN-10: 1538153149

Ortiz, L. Latino Migration to Protestantism: A Historical, Socio-cultural, Ecclesiastical Analysis. *The Journal of Sociology & Social Welfare.* 2014. Vol. 41: Iss. 3, Article 3. P. 23-48. DOI: https://doi.org/10.15453/0191-5096.3966 Available at: https://scholarworks.wmich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3966&context=jssw (accessed 06.01.2024).

Perl, P., Greely, J., Gray, M. How Many Hispanics are Catholic? A Review of Survey Data and Methodology. Center for Applied Research in the Apostolate Georgetown University. January 2005. Available at: https://www.researchgate.net/publication/240635433_How_Many_Hispanics_are_Catholic_A_Review_of_Survey_Data_and_Methodology (accessed 10.01.2024).

Putnam, R., Campbell, D. American Grace: How Religion Divides and Unites Us. Simon & Schuster (February 21, 2012). 720 p. ISBN-10: 9781416566731

Ramos, A., Woodberry, R., Ellison, Ch. The Contexts of Conversion among U.S. Latinos. Faculty Publications - Department of World Languages. *Sociology & Cultural Studies.* 2017. 51. Available at: https://digitalcommons.georgefox.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1050&context=lang_fac (accessed 07.01.2024).

Stoll, D. Is Latin America Turning Protestant? University of California Press. First Edition (July 14, 1991). 448 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЧЕРНЫХ Марина Андреевна, младший научный сотрудник Института Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).
Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

Marina A. CHERNYKH, Junior Researcher, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).
2/3, Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 16.01.2024/ Received 16.01.2024.
Поступила после рецензирования 30.01.2024 / Revised 30.01.2024.
Статья принята к публикации 1.02.2024 / Accepted 2.02.2024.

УДК 336.71
DOI: 10.31857/S2686673024040062
EDN: RWUJDC

Регулирование цифровых активов в США

Т.В. Чадаева

ГБПОУ Московской области Люберецкий техникум имени Героя Советского Союза лётчика-космонавта Ю. А. Гагарина.
Российская Федерация, 140090, Московская обл., г. Дзержинский, ул. Академика Жукова, д.24.
РИНЦ ID: 941108
ORCID: 0000-0002-8448-8204 e-mail: sonkaina@yandex.ru

Резюме. В США были созданы и успешно функционируют примерно 50% крупнейших финансовых технологических компаний мира, многие из которых проводят операции с цифровыми активами. При этом около 7 млн американцев не имеют банковского счёта, ещё 24 млн полагаются на дорогостоящие небанковские услуги – обналичивание чеков и денежные переводы, а для тех, кто имеет счёт в традиционном банке, финансовые операции оказываются чересчур медленными и дорогими, особенно при трансграничных платежах.

И администрация президента, и законодательные органы и агентства, регулирующие финансовый сектор США, сходятся во мнении, что цифровая экономика должна работать на благо всех американцев, иными словами, необходимо создать безопасные, надежные, недорогие и доступные для всех финансовые услуги, которые гарантируют удобство для малообеспеченных потребителей и минимизируют риски финансовой политики.

Регуляторы обеспокоены волатильностью цен на цифровые активы, действиями продавцов, которые вводят в заблуждение потребителей относительно ожидаемой прибыли и не соблюдают законодательство, растущим объёмом краж на рынках цифровых активов, особенностями криптовалютных бирж, где отсутствует центральный руководящий орган, с которым могут взаимодействовать регуляторы, но присутствуют распределённые по всему миру псевдонимные узлы. При этом усиливается взаимосвязь традиционных финансов и цифровых активов и укрепляются каналы передачи кризисов.

Ключевые слова. Комиссия по ценным бумагам и биржам, Комиссия по торговле товарными фьючерсами, Федеральная корпорация страхования депозитов, цифровой актив, ценная бумага, инвестиционный контракт, криптовалюта, тест Хауи

Для цитирования: Чадаева Т.В. Подходы США к регулированию цифровых активов. *США & Канада: экономика, политика, культура,* 2024; 54 (4):85-103.
DOI: 10.31857/S2686673024040062 EDN: RWUJDC

U.S. Approaches to Regulating Digital Assets

Tatiana V. Chadaeva

GBPOU Moscow region Lyubertsy technical school named after Hero of the Soviet Union pilot-cosmonaut Yu. A. Gagarin, 24. Academika Zhukova st., Dzerzhinsky, Moscow region, Russian Federation, 140090, РИНЦ ID: 941108

ORCID: 0000-0002-8448-8204 e-mail: sonkaina@yandex.ru

Abstract. Approximately 50% of the world's largest financial technology companies were created and successfully operate in the United States, many of which conduct transactions with digital assets. Meanwhile, about 7 million Americans do not have a bank account, another 24 million rely on costly non-bank services, such as check cashing and money transfers. Those with traditional bank accounts face prohibitively slow and expensive financial transactions, especially for cross-border payments.

The Executive Office, the Legislature, and the financial regulatory agencies in the United States all agree that the digital economy must work to the benefit of all Americans. In other words, it is necessary to develop financial services that are safe, secure, affordable and accessible to all, providing convenience for low-income consumers and minimizing the risks of predatory financial policies.

Regulators are concerned about the volatility of prices for digital assets, the actions of sellers who mislead consumers about expected profits and do not comply with the law, the growing volume of thefts in digital asset markets, the characteristics of cryptocurrency exchanges, where there is no central governing body with which regulators can interact, instead there are pseudonymous nodes distributed throughout the world. At the same time, the relationship between traditional finance and digital assets is strengthening, along with the crisis transmission channels.

***Keywords*.** Securities and Exchange Commission (SEC), Commodity Futures Trading Commission (CFTC), Federal Deposit Insurance Corporation (FDIC), digital asset, security, investment contract, cryptocurrency, Howey test.

For citation: Chadaeva, T.V. U.S. Approaches to Regulating Digital Assets. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2024; 54(4):85-103. DOI: 10.31857/S2686673024040 EDN: RWUJDC

ВВЕДЕНИЕ

Законодательная база, на основе которой развивается регулирование американской финансовой системы, была принята около 90 лет назад. Действующие нормы и правила в этой сфере критикуются в Соединённых Штатах за бюрократизированность и зависимость от финансовых институтов, к числу которых в США относятся банки, взаимные сберегательные кассы, сберегательные кассы, строительные кооперативы, кредитные союзы, финансовые

консультанты, брокеры, страховые компании, механизмы коллективных инвестиций, пенсионные фонды, кооперативные общества, фондовые биржи. Кроме того, эти нормы и правила приходится постоянно интерпретировать, причём интерпретации могут противоречить друг другу. В настоящее время в Соединённых Штатах выделяются следующие группы регуляторов финансовых рынков.

1. В области регулирования рынка и борьбы с мошенничеством задействованы Комиссия по ценным бумагам и биржам (*Securities and Exchange Commission, SEC*) и Комиссия по торговле товарными фьючерсами (*Commodity Futures Trading Commission, CFTC*).

2. За защиту прав потребителей отвечают Бюро финансовой защиты потребителей (*Consumer Financial Protection Bureau, CFPB*) и Федеральная торговая комиссия (*Federal Trade Commission, FTC*).

3. Пруденциальный надзор и регулирование денежно-кредитной политики осуществляют Совет Федеральной резервной системы (*Federal Reserve Board, FRB*), Управление денежного контролера (*Office of the Comptroller of the Currency, OCC*) и Федеральная корпорация страхования депозитов (*Federal Deposit Insurance Corporation, FDIC*).

4. В области финансовой политики и борьбы с преступностью заняты Министерство финансов, включая Сеть по борьбе с финансовыми преступлениями (*Financial Crimes Enforcement Network, FinCEN*), Управление по контролю за иностранными активами (*Office of Foreign Assets Control, OFAC*) и Министерство юстиции (*Department of Justice, DOJ*), включая недавно сформированную Национальную группу по соблюдению требований в отношении криптовалют *(National Cryptocurrency Enforcement Team, NCET*).

5. Федеральный экзаменационный совет финансовых учреждений (*Federal Financial Institutions Examination Council, FFIEC*), Совет по надзору за финансовой стабильностью (*Financial Stability Oversight Council, FSOC*) и Рабочая группа президента по финансовым рынкам (*President's Working Group on Financial Markets, PWG*) координируют деятельность всех вышеперечисленных регуляторов.

Каждое ведомство должно действовать строго в пределах очерченной ему юрисдикции, хотя каждое из них стремится её расширить, и такое нечеткое разграничение влечёт за собой путаницу и в законодательстве, и в деятельности отрасли в целом [17]. При этом полномочия ни одного из перечисленных агентств не позволяют полностью управлять сектором цифровых активов, а большая его часть не регулируется вообще.

Особенности регулирования цифровых активов в США исследуют и российские авторы. Кочергин Д.А., Покровская Н.В. рассматривают особенности налогообложения цифровых активов в США, которые котируются и не котируются на бирже [Кочергин Д.А., Покровская Н.В. 2020: 68]. М.Г. Гирич, И.С. Ермохин,

А.Д. Левашенко в статье «Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах» упоминают о том, что токены, согласно Комиссии по ценным бумагам и биржам, должны регулироваться законодательством о ценных бумагах [Гирич М.Г., Ермохин И.С., Левашенко А.Д. 2022: 178]. Каранина Е.В. и Скопин Д. И. указывают на действия Сети по борьбе с финансовыми преступлениями, которое разработало руководство пользователя виртуальных валют, Службы внутренних доходов (*Internal Revenue Service, IRS*), которая рассматривает все электронные деньги как собственность и отмечают, что в штатах могут быть собственные правила по обращению с криптовалютой [Каранина Е.В, Скопин Д.И. 2023: 186]. Троянская М.А., Тюрина Ю.Г. анализируют налогообложение криптовалюты в США, и обращают внимание на то, что биткойны при начислении налогов необходимо учитывать не как денежные единицы, а как имущественные обязательства [Троянская М.А., Тюрина Ю.Г. 2021: 365]. Одинцов С.В., Зырянова О.И. указывают на то, что в США индустрия стейблкойнов развивается без достаточной регламентации и что для внесения нормативной определённости в Сенат США предложены для рассмотрения проекты законов «Об ответственных финансовых инновациях», «О прозрачности резервов и единообразных безопасных трансакциях». Авторы рассматривают также законодательство штатов в области регулирования стейблкойнов [Одинцов С. В., Зырянова О. И. 2022: 69].

ТЕРМИН «ЦИФРОВОЙ АКТИВ» В ПОДХОДАХ РЕГУЛИРУЮЩИХ ОРГАНОВ

В отчёте «Цифровые активы и их регулирование Комиссии по ценным бумагам и биржам» (в российской практике устоялся термин «цифровой финансовый актив» (ЦФА), который эквивалентен термину «цифровой актив» в американской терминологии), опубликованном на сайте Конгресса США, цифровые активы (криптоактивы, криптовалюта, цифровые токены) определяются как активы, выпущенные и переданные с использованием технологии распределённого реестра (блокчейна) [4]. Цифровые активы могут выпускаться в виде ценных бумаг, валют, имущества или товаров.

В презентации «Цифровые активы: круговой обзор» Федерального агентства по страхованию вкладов представлены следующие определения:

- цифровое представление стоимости, которое можно использовать для оплаты, в инвестиционных целях или для доступа к товару или услуге, за исключением цифровых представлений фиатных валют [6].
- Всё, что существует только в цифровой форме и имеет чёткое право на использование (данные, не обладающие таким правом, не считаются активами) [6].

– все цифровые валюты центрального банка, независимо от технологии, а также другие представления стоимости, финансовые активы и инструменты или требования, которые применяются для платежей или инвестиций, или для передачи или обмена средств или их эквивалента, которые выпущены или представлены в цифровой форме с использованием технологии блокчейна [6].

Служба внутренних доходов определяет цифровые активы как любое цифровое представление стоимости, записанное в криптографически защищённом распределённом реестре или в любой аналогичной технологии [5]. По мнению службы, конвертируемая виртуальная валюта – это цифровой актив, который имеет эквивалентную стоимость в реальной валюте или выступает заменителем реальной валюты.

ПРИРОДА ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ И ПОЛНОМОЧИЙ ПО ИХ РЕГУЛИРОВАНИЮ

Ведомства утверждают, что все операции с цифровыми активами должны проводиться по действующему законодательству.

В США федеральные агентства относят цифровые активы к разным категориям ценностей. Комиссия по ценным бумагам и биржам рассматривает некоторые цифровые активы как «ценные бумаги»; Комиссия по торговле товарными фьючерсам как «товары», Служба внутренних доходов как «собственность», а Сеть по борьбе с финансовыми преступлениями Министерства финансов отслеживает цифровые активы для борьбы с отмыванием денег.

Комиссия по ценным бумагам и биржам обладает полномочиями в отношении «ценных бумаг» (*securities*), как они определены в законе «О ценных бумагах» 1933 г. *(Securities Act of 1933*), законе «О фондовых биржах» 1934 г. (*Securities Exchange Act of 1934*) и законе «Об инвестиционных компаниях» 1940 г. (*Investment Company Act of 1940*), а также полномочиями в отношении практически любого инструмента, который может быть продан в качестве инвестиции. Комиссия также обладает большим опытом в надзоре за рынком ценных бумаг [3].

Когда цифровой актив соответствует критериям ценной бумаги, он может регулироваться Комиссией по ценным бумагам и биржам. Однако многие цифровые активы не соответствуют этим критериям. Например, первичное предложение (размещение) монет *(initial coin offering, ICO)* удовлетворяют требования к ценным бумагам; посредники, осуществляющие операции с цифровыми активами (инвестиционные консультанты, торговые платформы и хранители), тоже могут регулироваться законодательством по ценным бумагам, если они проводят операции с цифровыми активами, основанными на ценных бумагах или используют цифровые активы для упрощения операций с ценными бумагами; а вот биткойн

не является ценной бумагой, главным образом потому, что его не выпускает конкретное юридическое или физическое лицо.

Комиссия по торговле товарными фьючерсами имеет полномочия в отношении сырьевых товаров, как это определено в законе «О товарных биржах» (*Commodities Exchange Act, CEA*), которые включают в себя надзор за деривативами, внебиржевыми свопами, фьючерсными контрактами, опционными контрактами. Комиссия может налагать штрафы за мошенничество и неправомерные действия, связанные с деривативами и товарами [3].

Согласно Комиссии по торговле товарными фьючерсами, определение «товар» имеет широкий диапазон, и «биткойн и другие виртуальные валюты должным образом рассматриваются как товары» [11]. Таким образом, комиссия пришла к выводу, что у неё есть чёткие полномочия по регулированию криптовалют. Однако даже несмотря на такое расширение, у неё практически нет полномочий регулировать спотовые рынки товаров – даже если товары являются цифровыми валютами [3]. Тем не менее в 2022 г. Комиссия по торговле товарными фьючерсами возбудила два крупных принудительных иска против криптовалютной биржи *BitMEX* на сумму 100 млн долл. и «Тезер» (*Tether Holdings Limited, Tether Limited, Tether Operations Limited, Tether International Limited)* на сумму 41 млн долл. «Тезер» обвиняется в искажении информации о размере резервов своего стейблкойна.

Председатель Комиссии по ценным бумагам и биржам Гэри Генслер утверждал, что все цифровые активы – это ценные бумаги, поэтому весь рынок должен регулироваться комиссией, а исполняющий обязанности председателя Комиссии по торговле товарными фьючерсами Ростин Бенам отметил, что две самые популярные криптовалюты (биткоин и эфир) занимают 60% рынка и считаются сырьевыми товарами. Оба главы ведомств добивались дополнительных законодательных полномочий от Конгресса [17] и претендуют на первоочередные полномочия по регулированию цифровых активов.

После краха криптовалютной биржи *Trading Ltd*. в 2022 г. председатель Комиссии по торговле товарными фьючерсами предложил Конгрессу разработать новую нормативную базу для цифровых активов, в частности, исключить дублирующие полномочия его комиссии и Комиссии по ценным бумагам и биржам, определив разницу между сырьевыми товарами и ценными бумагами, а также передать контроль над цифровыми активами единому федеральному регулятору [3]. Комиссия по торговле товарными фьючерсами предлагает передачу в своё ведение надзора за спотовыми цифровыми активами, чтобы снизить фрагментацию и полностью проработать структуру регулирования этих активов. Это ведомство также требует регистрации для всех бирж цифровых активов. Участники рынка должны поддерживать достаточный уровень капитала и отчитываться об этом публично на основании независимой бухгалтерской отчётности. В свою очередь, председатель Комиссии по ценным бумагам и биржам Генслер 14 октября 2022 г. рекомендовал Конгрессу предоставить Комиссии

по торговле товарными фьючерсами надзор за стейблкойнами и биржами стейблкойнов [16].

При этом и Комиссия по торговле товарными фьючерсами, и Комиссия по ценным бумагам и биржам обвинили руководство «Эф-ти-экс» *(FTX)* в мошенничестве и искажении фактов при продаже цифровых токенов биржи под названием «Эф-ти-ти» (*FTT)*, что привело к потере депозитов клиентов на сумму более 8 млрд долл. Комиссия по торговле товарными фьючерсами также обвинило биржу «Эф-ти-экс» в том, что она не разделяла собственные активы и средства клиентов, которые затем были удержаны партнёром «Аламеда рисёрч» *(Alameda Research LLC)*. При этом «Эф-ти-экс» позволяла «Аламеда рисёрч» поддерживать практически неограниченную кредитную линию. «Эф-ти-экс» пыталась скрыть от своих инвесторов перенаправление средств клиентов в «Аламеда рисёрч», скрывала риск, связанный с большим объёмом переоцененных неликвидных активов «Аламеда рисёрч», в частности, токенов, связанных с Комиссия по ценным бумагам и биржам обвинила бывших руководителей «Аламеда рисёрч» и «Эф-ти-экс» в манипулировании рынком токена «Эф-ти-ти» и, чтобы подчеркнуть нарушения, отнесла токен «Эф-ти-ти» к ценным бумагам, так как в операциях купли-продажи он участвовал в качестве инвестиционного контракта. Это совместное расследование двух регуляторов в будущем может прояснить неясности относительно того, является ли цифровой актив товаром или ценной бумагой, или, возможно, и тем и другим [3].

В июне 2021 г. криптовалютная биржа «Койнбейз» (*Coinbase)*, которая считается первопроходцем соблюдения нормативных требований при операциях с криптовалютой, объявила о выпуске кредитного продукта «Койнбейз ленд» *(Coinbase Lend)* и открыла список ожидания. «Койнбейз ленд» предполагал, что клиенты будут зарабатывать 4% на своих активах в «Ю-Эс-ди-си» *(USD Coin)*, стейблкойне, обеспеченном долларом. «Койнбейз» не стала выводить «Койнбейз» на рынок до одобрения Комиссией по ценным бумагам и биржам, как это делают другие криптобиржи. Последняя же пригрозила подать в суд, если кредитный продукт всё-таки будет выведен на рынок. Другие криптобиржи также предлагали или рассматривали возможность выпускать аналогичные продукты и сразу же привлекали внимание регуляторов из-за их высоких рисков. Комиссия сообщила, что считает «Койнбейз ленд» ценной бумагой, но не дала объяснений, почему она относится именно к этой категории активов. В целом, по отрасли распространены жалобы на комиссию из-за того, что нет конкретных указаний и четких определений того, является ли цифровой актив ценной бумагой или товаром для целей регулирования. Ещё одна претензия к комиссии – это её старания применить действующие правила регулирования ценных бумаг к финансовым инновациям.

Представители «Койнбейз» считают, что «Койнбейз ленд» ценная бумага, так как клиенты в данном случае не выступают инвесторами. «Койнбейз» должна будет выплачивать им проценты независимо от размера полученной

прибыли и возвращать основную сумму долга по запросу, поэтому «Койнбейз ленд» скорее относится к кредитному продукту или даже сберегательному счёту, хотя некоторые кредитные продукты могут попадать под определение ценной бумаги. Например, кредитные продукты, которые подлежат погашению по требованию, могут считаться ценными бумагами потому, что у них нет чёткой даты погашения.

По мнению же Комиссии по ценным бумагам и биржам, «Койнбейз ленд» больше похожа на необеспеченную бессрочную облигацию, которая может быть обналичена по усмотрению владельца. А продукт, который не будет застрахован в Федеральной корпорации страхования депозитов, является более рискованным вложением и должен предлагать более высокий доход.

Неопределённость регулирования США в отношении криптовалюты и волатильные цены побудила «Мудис инвесторс сервис» *(Moody's Investors Service)* присвоить «Койнбейз» «мусорный» кредитный рейтинг выпуска долговых обязательств – *Baa2*, хотя биржа является очень прибыльной.

КРИТЕРИИ ОТНЕСЕНИЯ ЦИФРОВОГО АКТИВА К КАТЕГОРИИ ИНВЕСТИЦИОННОГО КОНТРАКТА

В 2018 г. Комиссия по ценным бумагам и биржам создала Стратегический центр инноваций и финансовых технологий (*Strategic Hub for Innovation and Financial Technology, FinHub*), который опубликовал схему анализа цифрового актива для отнесения к категории «ценная бумага» [15].

Цель федеральных законов о ценных бумагах - предоставление инвесторам информации, необходимой для того, чтобы принимать обоснованные инвестиционные решения, в том числе информации, которая касается управленческих решений, влияющих на успех предприятия. Если информация отсутствует, возникает дисбаланс между сведениями в распоряжении руководства предприятия и потенциальными инвесторами. Федеральные законы призваны уменьшить этот дисбаланс через раскрытие информации.

К ценным бумагам относят инвестиционные контракты, акции, облигации, передаваемые акции (*stocks, bonds, and transferable shares*). Комиссия по ценным бумагам и биржам и федеральные суды часто сравнивают цифровые активы именно с инвестиционными контрактами, чтобы отнести цифровые активы к ценным бумагам. Согласно тесту Хауи (*Howey test*) «инвестиционный контракт» возникает, когда «происходит инвестирование денег в общее предприятие с разумным ожиданием получения прибыли от усилий других» (*exists when there is the investment of money in a common enterprise with a reasonable expectation of profits to be derived from the efforts of others*). Тест Хауи учитывает не только форму и условия цифрового актива, но и связанные с ним обстоятельства, способы предложения, продажи и перепродажи, в том числе продажи на вторичном рынке [9].

Согласно Комиссии по ценным бумагам и биржам, компонент теста Хауи «инвестирование денег» как правило удовлетворяется при операциях купли-продажи в обмен на стоимость в форме фиатной валюты другого цифрового актива или с другим типом возмещения (*other type of consideration*). Компонент теста «общее предприятие» (*common enterprise*) также существует при оценке цифровых активов. Компонент «разумное ожидание прибыли, полученной от усилий других» (*reasonable expectation of profits to be derived from the efforts of others)* выполняется, когда покупатель может рассчитывать на получение прибыли за счёт участия в распределениях (*participating in distributions*) или прибыльной продажи на вторичном рынке. Под «другими» активными участниками (*active participants*) Комиссия по ценным бумагам и биржам имеет в виду промоутера, спонсора или любую другую третью сторону. Здесь нужно ответить на вопросы, имеет ли покупатель разумные основания рассчитывать на то, что он будет полагаться на усилия других, и могут ли усилия других быть важными для успеха или неудачи предприятия.

Следующие характеристики увеличивают вероятность того, что покупатель цифрового актива полагается на усилия других, хотя ни одна из них не является определяющей:

- покупатели цифрового актива ожидают, что активный участник отвечает за эксплуатацию и развитие сети, а цена цифрового актива будет расти;
- активный участник может контролировать создание и выпуск цифрового актива, поддерживает его цену, например, ограничивая предложения или создавая дефицит посредством выкупа;
- активный участник принимает решения относительно обновления кода и участия третьих сторон в проверке трансакций с цифровыми активами;
- активный участник определяет, стоит ли выплачивать компенсацию лицам, которые предоставляют услуги сети, и лицам, осуществляющим надзор над сетью, и каким образом;
- активный участник решает, будет ли торговаться цифровой актив и где именно, на вторичном рынке или на платформе, кто получит дополнительные цифровые активы и на каких условиях, как использовать средства, полученные от продажи цифрового актива;
- активный участник играет ведущую роль в проверке или подтверждении трансакций в сети или каким-либо другим образом несёт ответственность за ее постоянную безопасность;
- покупатели разумно ожидают, что активный участник предпримет усилия для продвижения собственных интересов и увеличения стоимости сети или цифрового актива [9].

При анализе компонента «разумное ожидание прибыли» (*reasonable expectation of profits)* Комиссия по ценным бумагам и биржам указывает, что «прибыль может представлять собой, среди прочего, увеличение стоимости

капитала в результате развития первоначальных инвестиций или коммерческого предприятия, или участие в доходах, возникающих при использования средств покупателей». Согласно тесту Хауи повышение цены базового актива из-за инфляции не есть прибыль. Разумное ожидание прибыли присутствует в случаях, когда цифровой актив даёт владельцу право на долю в доходе или прибыли предприятия или на получение прибыли от прироста капитала цифрового актива. Это возможно при повышении стоимости цифрового актива, например, в случае перепродажи на вторичном рынке или, когда цифровой актив даёт право на получение дивидендов. При этом покупатели разумно ожидают, что активный участник действительно стремится увеличить стоимость цифрового актива. Цифровой актив должен активно предлагаться потенциальным покупателям в количествах, которые отражают инвестиционные намерения (не должно быть чрезмерно большого или чрезмерно малого предложения). Доходы от продажи цифрового актива будут использованы для развития сети или самого цифрового актива. Стоимость цифрового актива коррелирует со стоимостью товара или услуги, на которые его можно обменять или выкупить.

Комиссия по ценным бумагам и биржам перечисляет также факторы, которые снижают вероятность выполнения теста Хауи, но ни один из них опять же не становится определяющим. Например, когда:

- цифровые активы спроектированы для удовлетворения потребностей пользователей, а не для получения выгоды от роста стоимости цифровых активов;
- цифровой актив может применяться только внутри сети и храниться только в количествах, которые соответствуют ожидаемому объёму использования покупателем;
- нет ожиданий, что разумный покупатель будет хранить цифровой актив длительное время, так как сама конструкция цифрового актива предполагает, что его стоимость будет оставаться постоянной или даже снижаться.

Комиссия в своём исследовании резюмирует, что «некоторые факторы, которые следует учитывать при определении того, может ли цифровой актив перестать быть ценной бумагой… не являются исчерпывающими при оценке того, рассматривается ли цифровой актив как инвестиционный контракт или как какой-либо другой тип ценных бумаг, и ни один из факторов не становится определяющим» [9].

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ОПЕРАЦИЙ СО СТЕЙБЛКОЙНАМИ

Правовая основа операций со стейблкойнами также пока до конца не урегулирована. Например, Управление денежного контролёра в пояснительном письме IL 1174 [12] объявило о разрешении использовать новые технологии и

связанные с ними стейблкойны для выполнения платежей [14]. Регулятор сравнил стейблкойны с электронными средствами (*Electronically Stored Value, ESV*), которые национальные банки могут прямо предлагать в соответствии с федеральным законодательством как «электронные представления долларов США», и пояснило, что «вместо того, чтобы стоимость хранилась на карте *ESV*, стоимость представлена в виде стейблкойна». Управление пришло к выводу, что «различие носит технологический характер и не влияет на допустимость основной деятельности».

При этом от Федеральной корпорации страхования депозитов требовалось разъяснить, отнести ли стейблкойны к механизмам доступа или к депозитам, и будут ли депозиты в виде стейблкойнов застрахованы. По мнению генерального юрисконсульта корпорации, механизм доступа всего лишь средство снятия или перевода лежащих в его основе денег, следовательно, обязательства в форме долларов США, которые соответствуют стейблкойну, обеспеченному долларом США, включая стейблкойн, выпущенный застрахованным депозитарным учреждением, следует рассматривать как депозиты, а стейблкойн действует как механизм доступа для вывода и перевода базового доллара США [14].

Важно отметить, что не все стейблкойны обеспечены фиатными деньгами в пропорции один к одному, и поэтому возникают вопросы о волатильности, хранении и способности эмитента постоянно подтверждать достаточность резервов [13]. Если они недостаточны, то стоимость стейблкойнов может рухнуть, держатели начнут их массово конвертировать в фиатную валюту, что обвалит стоимость стейблкойнов, окажет давление на краткосрочные кредитные рынки и создаст дополнительные риски для банковской системы в целом [13].

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В США

От налогоплательщиков могут потребовать указать в налоговой декларации информацию об операциях с цифровыми активами. Служба внутренних доходов США для целей федерального налогообложения рассматривает цифровые активы как собственность, к ним применяются такие же налоговые принципы, как и для сделок с недвижимостью. Налогооблагаемый доход, прибыль или убыток от цифровых активов могут возникнуть при проведении следующих операций: продажа цифрового актива за фиатные деньги, обмен на недвижимость, товары или услуги, обмен на другой цифровой актив, получение в качестве оплаты за товары или услуги, получение нового цифрового актива в результате хард-форка (*обновление программного обеспечения, с которым вводится в действие новое правило работы сети, несовместимое со старым программным обеспечением, hard fork*); получение нового цифрового актива в результате майнинга или деятельности по размещению ставок; получение цифрового актива в результате

раздачи (*airdrop*); любые другие операции с цифровым активом для получения финансового результата [5].

В марте 2014 г. налоговое ведомство США сделало заявление, что криптовалюты будут облагаться налогом как имущество, а не валюта [10]. Следовательно, любой держатель криптовалюты, физическое или юридическое лицо, должен вести учёт операций купли-продажи, платить налоги на любую прибыль от продажи криптовалюты за наличные, на прибыль от покупки товара или услуги с использованием криптовалюты, на прибыль от добычи (майнинга) криптовалюты.

Если физическое лицо удерживало прибыль от виртуальной валюты в качестве капитального актива (*capital asset*), т.е. для инвестиционных целей, более одного года, то она облагается ставками налога на прирост капитала (*capital gains tax rates*), если в течение одного года и менее, то обычными ставками подоходного налога (*ordinary income tax rates*).

Физическое лицо для каждой трансакции с виртуальной валютой должно раскрывать информацию по форме *IRS 8949* (продажа и прочее отчуждение капитальных активов) о количестве и типе проданной криптовалюты, дате приобретения и продажи, размере выручки, стоимости криптовалюты [10], размере прибыли или убытка [8]. Заполнение этой формы обременительно для тех, которые совершает много мелких покупок с использованием криптовалюты.

ОПЕРАЦИЙ С КРИПТОВАЛЮТОЙ И ПЕНСИОННЫЕ НАКОПЛЕНИЯ

Министерство труда США предупредило о рисках инвестиций в криптовалюту или другие продукты, стоимость которых привязана к криптовалютам, при формировании пенсионных накоплений, поскольку стоимость пенсионного счёта участника зависит от эффективности инвестирования взносов работника и работодателя [1].

Риски мошенничества, краж и потерь при операциях с криптовалютами связаны с чрезмерной волатильностью, которая «может оказать разрушительное воздействие на участников, особенно на тех, кто приближается к пенсионному возрасту, и тех, кто осуществляет крупные инвестиции в криптовалюту» [1]. Криптовалюты, которые часто рекламируются как инновационные инвестиции для получения огромной прибыли, могут привлечь неопытных участников пенсионных планов. Если пользователь потеряет или забудет пароль, криптовалюта может быть безвозвратно утрачена. В экспертном сообществе существуют фундаментальные разногласия по поводу оценки криптовалют, поскольку «ни одна из предложенных моделей оценки не является столь же обоснованной или академически оправданной, как традиционный анализ дисконтированных денежных потоков для акций или процентно-кредитные модели для долга» [1]. При этом по-

средники на криптовалютном рынке могут не применять правила бухгалтерского учёта, и к ним не предъявляются такие же требования, как к посредникам, которые работают с традиционными активами.

Как и другие агентства, которые изучают операции с криптовалютой, Управление по обеспечению льгот сотрудников (*Employee Benefits Security Administration, EBSA*) Министерства труда США планирует провести собственное расследование, в данном случае направленное на пенсионные планы, которые предлагают инвестиции в криптовалюту и сопутствующие продукты, чтобы защитить интересы их участников.

РЕКОМЕНДАЦИИ АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА

Администрация президента США призывает Комиссию по ценным бумагам и биржам и Комиссию по торговле товарными фьючерсами проводить расследования и принимать меры против незаконной практики с цифровыми активами, в частности, активизировать усилия по мониторингу жалоб потребителей и борьбе против злоупотреблений и действий, которые вводят потребителей в заблуждение [18]. Комиссии по образованию в области финансовой грамотности (*Financial Literacy Education Commission, FLEC*) ставит задачу просвещать потребителей относительно рисков цифровых активов, выявлять распространённые мошеннические практики. Управлению по вопросам научно-технической политики (*Office of Science and Technology Policy, OSTP*) и Национальному научному фонду *(National Science Foundation, NSF*) рекомендуется развивать криптографии нового поколения, программируемость трансакций, кибербезопасность, защиту конфиденциальности и снижение воздействия на окружающую среду, а также превращать технологические прорывы в рыночные продукты. При этом государственные органы должны выпускать рекомендации и правила по устранению рисков, связанных с цифровыми активами, обмениваться данными о жалобах потребителей.

Кроме того, Министерству финансов и финансовым регуляторам предлагается давать инновационным американским фирмам, которые разрабатывают новые финансовые технологии, рекомендации по применению законодательства и разъяснять особенности регулирования. Министерству энергетики и Агентству по охране окружающей среды поручается отслеживать воздействие цифровых активов на окружающую среду и по возможности согласовать развитие цифровых активов и переход к экономике с нулевыми выбросами. Министерству торговли предписывается рассмотреть вопрос о создании постоянного форума для представителей федеральных агентств, бизнеса, учёных и гражданского общества для обмена знаниями и идеями, которые могли бы служить основой для федерального регулирования, стандартов, координации деятельности, технической помощи и поддержки исследований.

Для укрепления лидерства в сфере цифровых активов США продолжат сотрудничество в этой сфере с Большой семеркой, Большой двадцаткой, ОЭСР, Советом по финансовой стабильности (*Financial Stability Board, FSB*), Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (*Financial Action Task Force, FATF*) и Международной организацией по стандартизации (*International Organization for Standardization, ISO*).

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ОПЕРАЦИЙ С ЦИФРОВЫМИ АКТИВАМИ

Чтобы смягчить риски незаконного использования цифровых активов, президент Дж. Байден планировал принять решение, стоит ли призвать Конгресс внести поправки в закон «О банковской тайне» (*Bank Secrecy Act*), законы «О борьбе с разглашением» (a*nti-tip-off statutes*) и законы «Против нелицензированной передачи денег» (*laws against unlicensed money transmitting*), дав возможность применять их к поставщикам услуг цифровых активов, включая платформы, и стоит ли ужесточать наказание за нелицензированные переводы денег и вносить поправки в соответствующие федеральные законы, уполномочив Министерство юстиции преследовать преступников в любой юрисдикции [19].

Президентская рабочая группа по финансовым рынкам, Федеральная корпорация по страхованию вкладов и Управление денежного контролёра обратили внимание на пробелы в регулировании обращения стейблкойнов, которые несут такие же риски для экономики в целом, как и криптовалюты. Для устранения этих рисков Конгрессу рекомендуется «незамедлительно принять законы, гарантирующие, что платёжные стейблкоины подпадают под действие федеральной пруденциальной системы на последовательной и всеобъемлющей основе» [7]. Эмитенты стейблкойнов должны быть застрахованными депозитными учреждениями, и, как и поставщики цифровых кошельков, должны подвергаться соответствующему федеральному надзору. Кроме того, Конгрессу стоит рассмотреть ограничения на использование данных о трансакциях пользователей.

В июне 2022 г. в Сенат был внесен закон «Об ответственных финансовых инновациях» (*Responsible Financial Innovation Act*), который разграничивает цифровые активы как ценные бумаги, которые регулируются Комиссией по ценным бумагам и биржам, и товары, которые подлежат надзору Комиссии по торговле товарными фьючерсами, а в августе 2022 г. принят закон «О защите потребителей цифровых товаров» (*Digital Commodities Consumer Protection Act*). Два этих законодательных акта предоставят Комиссии по торговле товарными фьючерсами более широкие полномочия по регулированию торговли цифровыми активами, которые относятся к категории цифровых товаров (*digital commodity*),

не ограничивая возможности Комиссии по ценным бумагам и биржам по регулированию цифровых активов, которые относятся к категории ценных бумаг (*securities*) [3].

В декабре 2022 г. в Сенате был представлен закон «О борьбе с отмыванием денег при операциях с цифровыми активами», который обязывает участников рынка, в том числе поставщиков цифровых кошельков и майнеров, изучить свод правил «знай своего клиента» и запрещает финансовым учреждениям совершать операции с цифровыми активами, которые скрывают происхождение средств участников сделки. Этот законопроект назначает Комиссию по торговле товарными фьючерсами регулятором на спотовом крипторынке, тем более что ранее она уже применяла санкции против работающих на нем лиц.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ОПЕРАЦИЙ С ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТОЙ В ШТАТАХ США

Хотя многие штаты регулируют виртуальную валюту в соответствии с существующими правилами денежных переводов, конкретные законы и положения о криптовалютах различаются в зависимости от штата. Большая часть штатов требует лицензий для продажи, выпуска, перевода, хранения в виртуальных кошельках, получения цифровых валют. Крупнейшие биржи виртуальных валют имеют лицензии на перевод денег в штатах Делавэр, Айова, Кентукки, Мэриленд, Мичиган, Миннесота, Миссисипи, Миссури, Нью-Джерси, Оклахома, Орегон. В штате Нью-Йорк компаниям, которые проводят операции с фиатной и виртуальной валютой, требуются и традиционная лицензия на перевод денег, и лицензия на перевод виртуальной валюты (*BitLicense*) [2].

На перевод виртуальной валюты не нужна лицензия в штатах Индиана, Монтана и Канзас. В штате Вайоминг не требуется лицензия на покупку, продажу, выпуск, хранение, получение и перевод виртуальной валюты. В штате Юта токены блокчейна исключены из определения денежных средств. Департамент банковского дела штата Техас (*Texas Department of Banking*) считает, что обмен или перевод большинства виртуальных валют не требует лицензии, но торговля стейблкойнами или использование сторонних обменников (в том числе банкоматы виртуальной валюты) должны лицензироваться как передача денег.

Департамент финансовых учреждений штата Теннесси (*Tennessee Department of Financial Institutions*) не считает криптовалюту «передачей денег», но многие действия по конвертации виртуальной валюты в бумажную валюту должны быть лицензированы.

Отдел денежных услуг генерального прокурора Южной Каролины (*South Carolina Office of the Attorney General, Money Services Division*) считает, что виртуаль-

ные валюты не являются средством обмена, поэтому компаниям, которые проводят операции с ними, не нужна лицензия. Банкоматы с виртуальной валютой в Южной Каролине не облагаются налогом.

Департамент банковского дела и ценных бумаг Пенсильвании (*Pennsylvania Department of Banking and Securities*) выпустил руководство, согласно которому «деньгами» является только фиатная валюта.

В штате Огайо лицензии на денежные переводы выдает Министерство торговли штата (*Ohio Department of Commerce*), и оно требует, чтобы дилер виртуальной валюты провёл сторонний аудит компьютерных систем лицензиата.

В Небраске с 1 октября 2022 г. зарегистрированные в штате депозитарные учреждения цифровых активов освобождены от регистрации денежных переводов, как и другие банки, но виртуальную валюту строго запрещено принимать в игровых автоматах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И федеральные агентства, и администрация президента, и Конгресс и правительства штатов сходятся во мнении, что цифровые активы могут улучшить доступ к капиталу, устранить или сократить затраты, бороться с финансовыми преступлениями и предоставить новые возможности по созданию стоимости. Признаются риски, возникающие вследствие быстрого развития цифровых технологий и связанные с отмыванием доходов, полученных преступным путём, финансированием терроризма, взломами и различными мошенническими схемами.

Нечёткость регулирования операций с цифровыми активами приводит к искусственному торможению деятельности предприятий, которые стараются действовать строго в рамках законодательства. Другие участники рынка цифровых активов могут действовать за пределами существующих правил или просто игнорировать их. Так, продажа отдельных криптовалют может представлять собой незаконную продажу ценных бумаг в рамках незарегистрированных сделок.

В сфере регулирования цифровых активов США предстоит устранить путаницу в отношении границ юрисдикции различных агентств и четко разграничить ситуации, при которых цифровой актив является ценной бумагой и подлежит регулированию Комиссией по ценным бумагам и биржам, и при которых он представляет собой товар и подлежит надзору со стороны Комиссия по торговле товарными фьючерсами.

Комиссия по ценным бумагам и биржам уже выпустила руководство, определяющее, считается ли цифровой актив ценной бумагой, в котором говорится, что лица и организации, занимающиеся маркетингом, предложением, продажей, перепродажей или распространением любого цифрового актива, должны определить, применяются ли к таким действиям федеральные законы

о ценных бумагах с помощью теста Хауи. В руководстве приведён список критериев, которые повышают и понижают вероятность выполнения данного теста. Возможно, отсутствие четких рекомендаций со стороны комиссии связано с тем, что развитие цифровых активов непредсказуемо, и новые правила быстро устаревают.

В настоящее время американские регуляторы финансового рынка пытаются добиться от Конгресса дополнительных полномочий в области регулирования цифровых активов, намереваясь продвигать стандарты, правила, которые отражают такие ценности, как конфиденциальность данных, свободные и эффективные рынки, финансовая стабильность, защита потребителей, надежное соблюдение законов и экологическая устойчивость.

ИСТОЧНИКИ

1. Compliance Assistance Release No. 2022-01U.S. 401(k) Plan Investments in "Cryptocurrencies". Department of Labor Employee Benefits Security Administration March 10, 2022. Available at: https://www.dol.gov/agencies/ebsa/employers-and-advisers/plan-administration-and-compliance/compliance-assistance-releases/2022-01 (accessed 06.09.2023).

2. Cryptocurrency Laws and Regulations by State Updated May 26, 2022. Available at: https://pro.bloomberglaw.com/brief/cryptocurrency-laws-and-regulations-by-state/ (accessed 20.09.2023).

3. Digital assets regulation in 2023: Is a new regulatory framework finally emerging? 2 february 2023. (accessed 10.09.2023). Available at: https://www.dlapiper.com/en-JP/insights/publications/2023/01/the-cftc-and-a-congressional-framework-for-regulation-of-digital-assets(accessed 25.09.2023).

4. Digital Assets and SEC Regulation. Available at: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46208 (accessed 20.09.2023).

5. Digital Assets Available at: https://www.irs.gov/businesses/small-businesses-self-employed/digital-assets (accessed 22.09.2023).

6. Digital assets: 360 degree view. Available at: https://www.fdic.gov/conference/presentations/digital-assets-360-degree-view.pdf (accessed 05.10.2023).

7. FACT SHEET: President's Working Group on Financial Markets (PWG), the Federal Deposit Insurance Corporation, and the Office of the Comptroller of the Currency. November 1, 2021. Available at: https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0456 (accessed 8.09.2023).

8. Form 8949. Sales and Other Dispositions of Capital Assets. Available at: www.irs.gov/pub/irs-pdf/f8949.pdf(accessed 12.09.2023).

9. Framework for "Investment Contract" Analysis of Digital Assets. Available at: https://www.sec.gov/files/dlt-framework.pdf (accessed 16.09.2023).

10. IRS Notice 2014-21, Guidance on Virtual Currency (March 25, 2014). Available at: https://www.irs.gov/pub/irs-drop/n-14-21.pdf (accessed 16.09.2023).

11. Matter of Coinflip, Inc, d/b/a Derivabit, and Francisco Riordan, CFTC Docket No. 15-29/ Available at: https://www.cftc.gov/sites/default/files/idc/groups/public/@lrenforcementactions/documents/legalpleading/enfcoinfliprorder09172015.pdf (accessed 25.09.2023).

12. OCC Interpretive Letter No. 1174, OCC Chief Counsel's Interpretation on National Bank and Federal Savings Association Authority to Use Independent Node Verification Networks and Stablecoins for Payment Activities, (Jan. 4, 2021). Available at: https://www.occ.gov/news-issuances/news-releases/2021/nr-occ-2021-2a.pdf ("IL 1174"). (accessed 20.09.2023).

13. R3 Response to Federal Deposit Insurance Corporation Request for Information and Comment on Digital Assets. Available at: https://www.fdic.gov/resources/regulations/federal-register-publications/2021/2021-rfi-digital-assets-3064-za25-c-022.pdf (accessed 23.09.2023).

14. RE: Request for Information and Comment on Digital Assets (RIN 3064-ZA25) July 15, 2021. Available at: https://www.fdic.gov/resources/regulations/federal-register-publications/2021/2021-rfi-digital-assets-3064-za25-c-014.pdf (accessed 25.09.2023).

15. SEC, Framework for "Investment Contract" Analysis of Digital Assets. Available at: https://www.sec.gov/corpfin/framework- investment-contract-analysis-digital-assets. (accessed 12.10.2023).

16. SEC's Gensler says CFTC authority over stablecoins should be bolstered October 14, 2022. Available at: https://www.reuters.com/technology/secs-gensler-says-cftc-authority-over-stablecoins-should-be-bolstered-2022-10-14/ (accessed 18.09.2023).

17. Digital Asset Regulation in the United States: An Opportunity for Progress or a Threat to Innovation? Available at: /https://www.dwt.com/-/media/files/publications/2022/02/digitalassetregulationintheunitedstatesanopportuni.pdf?rev=4776e886dabd4aa0b2b284f5db36393e (accessed 01.10.2023).

18. White House Releases First-Ever Comprehensive Framework for Responsible Development of Digital Assets. September 16, 2022. Available at: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/09/16/fact-sheet-white-house(accessed 15.09.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гирич М.Г., Ермохин И.С., Левашенко А.Д. «Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах» *Вестник международных организаций*. 2022. Т. 17. № 4. С. 176–192.

Каранина Е.В, Скопин Д.И. Развитие цифровых финансовых активов: зарубежный опыт. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2023. № 7. Т. 2. С. 181–192

Кочергин Д.А., Покровская Н.В. «Международный опыт налогообложения криптоактивов». *Экономический журнал ВШЭ*. 2020, № 1. С. 53-84.

Одинцов С.В., Зырянова О.И. Практика и тенденции правового регулирования стейблкоинов на примере законодательства США и ЕС. *Проблемы экономики и юридической практики*. 2022. Т. 18. № 6. С. 66-73. DOI: 10.33693/2541-8025-2022-18-6-66-73

Троянская М.А., Тюрина Ю.Г. «Сравнительный обзор международной финансовой политики в сфере налогообложения цифровых активов». *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2021. Т. 10. № 1(34) С. 363-366. p-ISSN: 2309-1762; e-ISSN: 2712-8482

REFERENCES

Girich, M.G., Ermokhin, I.S., Levashenko, A.D. "Comparative analysis of the legal regulation of digital financial assets in Russia and other countries"// *Bulletin of international organizations*. 2022. T. 17. No. 4. P. 176–192.

Karanina, E.V., Skopin, D.I. Development of digital financial assets: foreign experience. *Economics and management: problems*, solutions. 2023. No. 7. T. 2. P. 181–192;

Kochergin, D.A., Pokrovskaya, N.V. International experience in taxation of crypto assets. *HSE Economic Journal*. No. 1, 2020, pp. 53-84.

Odintsov, S.V., Zyryanova, O.I. Practice and trends in the legal regulation of stablecoins using the example of US and EU legislation. *Problems of economics and legal practice*. 2022. T. 18. No. 6. P. 66-73. DOI: 10.33693/2541-8025-2022-18-6-66-73

Troyanskaya, M.A., Tyurina, Yu.G. Comparative review of international financial policy in the field of taxation of digital assets. *Azimuth of scientific research: economics and management*. 2021. T. 10. No. 1(34) P. 363-366. p-ISSN: 2309-1762; e-ISSN: 2712-8482

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЧАДАЕВА Татьяна Вячеславовна, преподаватель ГБПОУ Московской области Люберецкий техникум имени Героя Советского Союза лётчика-космонавта Ю. А. Гагарина.
Российская Федерация, 140090, Московская обл., г. Дзержинский, ул. Академика Жукова, д.24.

Tatiana V. CHADAEVA, GBPOU Moscow region Lyubertsy technical school named after Hero of the Soviet Union pilot-cosmonaut Yu.A. Gagarin.
24 Akademika Zhukova st., Dzerzhinsky, Moscow region, Russian Federation, 140090.

Статья поступила в редакцию 20.12.2023/ Received 20.12.2024.
Поступила после рецензирования 10.01.2024 / Revised 10.01.2024.
Статья принята к публикации 11.01.2024 / Accepted 11.02.2024.

2024; 4: 104-122 США & Канада: экономика, политика, культура / USA & Canada: economics, politics, culture

УДК 327
DOI: 10.31857/S2686673024040075
EDN: RVSMLX

Трансформация тихоокеанских регионов во второй половине XX – начале XXI века

В.Е. Болдырев

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.
РИНЦ ID: 627126 ORCID: 0000-0002-2354-8197 e-mail: boldyrev89@list.ru

Резюме. Статья посвящена проблеме трансформации международно-политических тихоокеанских регионов. На рубеже 1960–1970-х годов в результате роста военно-политической активности США и усиления глобального противостояния сверхдержав стала формироваться Индо-Пацифика, или Индо-Тихоокеанский регион (ИТР). Однако акцент на военно-политическом измерении в ущерб экономическому и возвращение США к планированию, основанном на «классических» регионах, ослабило её единство. Конец холодной войны и экономический рост Восточной Азии превратили регион Индийского океана в периферию. В последующие 25 лет в центре американской политики находился АТР, где Вашингтон сделал ставку на построение региональной экономической, но не военно-политической архитектуры. Возникшим на пространстве Индийского океана вакуумом воспользовались Индия, Япония и Китая, реализуя свои представления о единой Индо-Пацифики. Все они отличались наличием экономической основы и военно-политической надстройки, что делало их более устойчивыми. В 2010-х годах США отреагировали на рост Китая, предложив свою политически мотивированную версию ИТР, основанную на военно-политическом присутствии и взаимодействии, которая была закреплена в официальных стратегиях. Таким образом, развитие Индо-Тихоокеанского региона было сопряжено с формированием пространства, основанного на объективных взаимных интересах, и ИТР, который стал следствием узких военно-политических интересов, лишённых объективной основы.

Ключевые слова: Индо-Пацифика, Индо-Тихоокеанский регион, Азиатско-Тихоокеанский регион, США, Япония, Индия, Китай, Инициатива «Один пояс – один путь»

Для цитирования: Болдырев В.Е. Трансформация тихоокеанских регионов во второй половине XX – начале XXI века. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2024; 54 (4):104-122. DOI: 10.31857/S2686673024040075 EDN: RVSMLX

Transformation of Pacific Regions in the Second Half of the 20th Century – Beginning of the 21st Century

Vitalii E. Boldyrev

Institute of History, Archaeology and Ethnology Far- Eastern Branch of the RAS.
89 Pushkinskaya str., Vladivostok, 690001, Russian Federation.
РИНЦ ID: 627126 *ORCID: 0000-0002-2354-8197 e-mail: boldyrev89@list.ru*

Abstract. The paper is devoted to transformation of international political regions in the Pacific. In the late 1960s to early 1970s the formation of the Indo-Pacific started as a consequences of US military and political activities and the intensification of bipolar confrontation. But an emphasis on military aspects at the expense of the economic ones as well as US foreign policy planning based on classical, smaller regions, weakened the unity of the Indo-Pacific space. The end of the Cold War and economic growth in East Asia turned Indian Ocen region into a periphery. Then, for 25 years, economic architecture of the Asian-Pacific, rather than its military-political framework, was at the core of US foreign policy interests. India, Japan, and China used the appeared vacuum to shape a common Indo-Pacific space in accordance with their perspectives. All three had economic foundations and military-political superstructures. In the 2010s, the USA reacted to China's growth and suggested their own politically motivated version of the Indo-Pacific region, based on political-military presence and interaction later solidifying this in official strategies. So, the formation of the Indo-Pacific is related to space-based objective mutual interests and military and politically motivated regions.

Key words: Indo-Pacific, Asia-Pacific region, USA, Japan, India, China, Belt and Road Initiative

Forcitation: Boldyrev V.E. Transformation of Pacific Regions in the Second Half of 20th Century – Beginning of 21st Century. *USA & Canada: economics*, *politics*, *culture*. 2024; 54(4):104-122. DOI: 10.31857/S2686673024040075 EDN: RVSMLX

ВВЕДЕНИЕ

Характерной чертой второй половины 2010-х годов стало распространение индо-тихоокеанского дискурса. Сначала в нём превалировала научная составляющая. В исследованиях затрагивались экономические [Barai, Kar, Bhasin, 2015]; [Choudhury S.R., 2018]; [Das K. Ch., 2018]; [Kumar S., 2020] и политические проблемы [Chandra, 2018]; [Kukreja, 2020]; [Kumar Sh., Verma, Hussian Shah, 2020], вопросы соотношения естественных и искусственных процессов в формировании Индо-Пацифики [Das. S., 2021], исследовалась эволюция термина [Куприянов, 2021].

Параллельно усиливался политический аспект дискурса. Первой страной, разработавшей индо-тихоокеанскую стратегию, была Индия [4]. Предложенная ей интерпретация носила ограниченный характер и касалась, главным образом, развития флота. С началом 2020-х годов были приняты индо-тихоокеанские стратегии ЕС [8], США [6], Канады [7], Индо-Тихоокеанскому региону посвящён обширный раздел японской стратегии национальной безопасности [13]. Во всех них одно из важнейших мест заняла политическая аргументация. Это свидетельствовало, что индо-тихоокеанский дискурс приобрёл глобальное политическое измерение, а также локальные содержательные интерпретации.

В этих условиях Н. Мелвин обратил внимание, что некоторые страны негативно реагируют на участившееся упоминание ИТР в политической плоскости. Чётким и последовательным его оппонентом, как на уровне идей, так и на уровне практических шагов, он обозначил Китай. Россия, по его оценкам, выступала

последовательным оппонентом дискурса об ИТР, который был предложен коллективным Западом, но действия Москвы, в целом, соотносились с индо-тихоокеанской практикой западных правительств [Melvin, 2021]. Этот «российский парадокс» указывает на то, что присутствуют две грани ИТР: с одной стороны, западными странами активно продвигается дискурс о регионе для обслуживания их текущих политических интересов, с другой стороны, существуют объективные тенденции регионального развития, не зависящие от создаваемых политиками текстов.

С учётом того, что дискурсивная сторона проблемы чаще попадала в поле зрения исследователей, в то время как соотношение объективного и субъективного начал анализировалось эпизодически, целью данной работы заключается в том, чтобы выявить их соотношение в процессе региональной эволюции. Задачами являются проанализировать влияние функциональных сред и временных условий, выявить роль отдельных стран в организации регионального пространства, исследовать его эволюцию.

Методологической основой исследования выступает определение международного политического региона (МПР) В.И. Гантмана, Е.М. Примакова. В соответствии с этим МПР является изменчивой проблемно-политической общностью, чьи границы и состав меняются в зависимости от набора проблем, их содержания и характера. Следовательно, меняются и географические границы МПР. При этом состояние отношений между странами, входящим в него, определяется не только уровнем, но и характером связей между функциональными системами, с помощью которых осуществляется взаимодействие [Основы, 2022: 221–225]. Большое влияние на это оказывают господствующие в верхних эшелонах власти идеи, инерционность и новаторство мышления, неравномерность развития, успехи и неудачи интеграционных объединений и проектов [Россия, 2011: 6]. Вместе эти четыре фактора задают темпоральную динамику МПР.

ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН В УСЛОВИЯХ БИПОЛЯРНОСТИ

Впервые в советской науке проблема ИТР в международно-политическом контексте была поднята М.Г. Носовым в 1987 г. Как следует из исследования, географически целостным регионом понимался АТР: его ядром выступала Восточная Азия, по военно-политическим причинам её дополняли США и их тихоокеанские союзники за азиатскими пределами. Индо-Тихоокеанский регион как общий для пространств Тихого и Индийского океанов возник вследствие морской, военной и политической активности сверхдержав в 1960-х – начале 1970-х годов. Она выражалась в активизации международных и внутренних торговых морских перевозок, присутствия советских и американских ВМФ как вследствие необходимости защищать пути гражданских судов, так и вследствие распространения общей логики биполярного противостояния на индоокеанское пространство, военном взаимодействии США со странами НАТО на просторах Индийского океана,

его охвате переговорами сверхдержав по глобальной военно-политической проблематике [Советско-американские отношения, 1987: 208–233].

Как следует из данного описания, фундаментом ИТР является море, соответственно присутствие стран в нём обеспечивается их морской деятельностью. Она может базироваться на двух аспектах: экономическом и военно-политическом. Экономический аспект в тех условиях не мог получить должного развития ввиду объективных причин: дальневосточные районы СССР оставались слабо развитыми в сравнении с европейской частью страны, ключевые экономические центры были сосредоточены на Тихом океане, при этом с каждым из них у Советского Союза были непростые, зависимые от политической конъюнктуры, отношения. Индийский океан для советского флота был лишь связующим звеном между европейской частью и дальневосточными портами. В этой связи ключевым стало военно-политическое измерение, которое было представлено противостоянием сверхдержав, американским военным присутствием и военно-политическим сотрудничеством с союзниками, а также советским ответом на него в виде постоянного присутствия группировки ВМФ.

Но вместе с тем М.Г. Носов указывал, что МПР, возникший таким образом, оказывался подверженным эрозии. Ввиду того что основным спусковым крючком стала военно-политическая деятельность США, то и соответствующие изменения в планировании вели к новой трансформации. Они начались в период президентства Дж. Картера, когда Министерство обороны вновь стало оперировать «классическими» меньшими регионами – Ближним Востоком, Средним Востоком, Персидским заливом, Южной Азией – в определении целей и задач ведомства (Приводится по: [Советско-американские отношения, 1987: 208–233]). Это ослабляло контекст, способствовавший возникновению ИТР в политическом измерении. Если принять во внимание книгу П. Швейцера [Швейцер, 1995], в которой доказывается тезис, что рост американского военно-политического присутствия в перечисленных регионах был обусловлен глобальной антисоветской стратегией Р. Рейгана, то можно утверждать, что в американском военно-политическом планировании в данном случае возобладала континентальная составляющая. Наконец, американское внешнеполитическое планирование в 1980-х годах подтверждает отсутствие общего индо-тихоокеанского видения: за 1981–1988 гг. были изданы только три стратегии так или иначе касавшихся региона Индийского океана. Они были посвящены проблемам его юго-западной части [10], Африканскому Рогу [11], отношениям США и Австралии [12]. Это указывало, что в Вашингтоне сделали ставку на те параметры присутствия, которые ослабляли возможности для формирования ИТР: в центре внимания оказались проблемы континентальной, а не морской стратегии, возобладало старое деление на малые регионы, они стали восприниматься в Вашингтоне как плацдарм для нанесения удара по Советскому Союзу, в то время как для поддержания индо-тихоокеанского контекста необходимо было пространство для стабильного противостояния.

В условиях распада социалистической системы и СССР тихоокеанскому региону удалось избежать дестабилизации, сопоставимой с Европой, здесь возобладало доминирование экономических отношений между уже существовавшими центрами и поднимавшимися новыми индустриальными странами. Это позволило А.Д. Богатурову констатировать, что тенденция экономизации отношений, возникшая в Восточной Азии во второй половине 1970-х годов, стала доминирующей [Богатуров, 1997: 213–218]. На неё наложилось укрепление идей экономического либерализма в Соединённых Штатах, которые сделали ставку на свободную торговлю. Этой точке зрения оппонируют М.И. Крупянко и Л.Г. Арешидзе, считая, что военно-политическая составляющая сохранила своё значение для тихоокеанской политики Вашингтона, но её центром, как и экономической политики, оказалась Восточная Азия [Крупянко, Арешидзе, 2010].

Таким образом, распад биполярной системы, завершение противостояния сверхдержав на пространстве Индийского океана, смещение интересов США в сторону Восточной Азии, смена военно-политических приоритетов экономическими способствовало тому, что Индоокеанский регион оказался на периферии американских интересов, которые 20 лет назад стали одним из условий формирования ИТР.

ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН И ИНТЕРЕСЫ США В ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД

Поскольку американские интересы в биполярную эпоху способствовали сначала сопряжению регионов Индийского и Тихого океанов в единое целое, а потом его дезинтеграции на «классические» регионы, логичным будет сконцентрировать внимание на восточноазиатской политике США в постбиполярный период.

Ключевым элементом курса при У. Клинтоне стала внешнеэкономическая политика, в центре которой оказался формат АТЭС, при этом Вашингтон сделал ставку на то, чтобы занять ведущее место в торговых процессах АТР, а также использовать впоследствии свои лидерские позиции для формирования выгодных для себя торгово-экономических условий посредством юридических норм и членства в международных организациях и форматах [Печатнов, 2008: 446].

После избрания Дж. Буша-младшего президентом и ввиду приоритетного внимания Ближнему Востоку, на азиатско-тихоокеанском направлении возникла пауза. Она была прервана в 2005–2006 гг. С одной стороны, активизировался переговорный процесс по заключению двусторонних соглашений о свободной торговле (ССТ), что в числе прочего позволило Вашингтону не только сделать отношения в рамках существующих форматов более интенсивными, но и выдвинуть идею транстихоокеанской зоны свободной торговли [Liu, 2011]. Логичным следствием этого шага стало присоединение США к Транстихоокеанскому партнёрству (ТТП) в ноябре 2008 года.

С другой стороны, как отмечает Т. Дж. Кристенсен, произошло существенное усиление Китая, которое повлекло ряд изменений. *Во-первых*, размещение на территории КНР иностранных производств превратило её в ядро производственно-сбытовых цепочек. *Во-вторых*, в регионе развилась производственная взаимозависимость. *В-третьих*, экономика играла роль амортизатора в вопросах безопасности, предотвращая развитие силовых сценариев. С учётом этих тенденций администрация Дж. Буша-младшего сформировала модель взаимодействия с Китаем. Она включала вовлечение КНР в международные западные институты, развитие региональных диалогов, запуск Стратегического экономического диалога (СЭД) в 2006 г. как площадки для обсуждения проблем, способных повредить развитию двусторонних отношений [Christensen, 2015].

Приняв президентские полномочия в 2009 г., Б. Обама продолжил политику предшественника. В 2010 г. США приняли деятельностное участие в организации модели переговоров о ТТП, которая позволяла подключаться к процессу не только официальным переговорщикам, но и широким группам интересов, представлявших отрасли, объединения, регионы [18]. Такой подход открыл возможность для обсуждения широчайшего круга проблем, что в конечном счёте отразилось на структуре проекта соглашения, которое касалось различных аспектов участия государства, поддержки рыночных условий экономики, авторского и трудового права, инструментов регулирования и поддержки национальных экономик, финансов, электронной среды, торговли [17]. В целом, несмотря на существовавшие трудности, касавшиеся устранения многочисленных двусторонних разногласий между участниками переговоров, предложенный проект соглашения позволял не только интенсифицировать торгово-экономические отношения, но и формировал региональную среду для их развития.

Общую линию предшественника продолжил Б. Обама и на китайском направлении: ключевым форматом двустороннего взаимодействия остался СЭД. Однако даже внешний обзор гласных документов Госдепартамента, касающихся американо-китайских отношений, позволяет констатировать, что роль СЭД была чрезмерной: подавляющее большинство документов было связано с взаимодействием сторон в рамках исключительно этого формата. Столь чрезмерный акцент на нём объясняется стремлением Вашингтона придать своим отношениям с Пекином институционализированный характер. Иными словами, интересам США отвечало создание в АТР различных форматов взаимодействия с ключевыми партнёрами, которые предполагали внедрение таких моделей, которые формировали бы общие, единообразные юридические и дипломатические параметры для всех вовлечённых сторон.

Однако было бы упрощением сводить американскую политику на Тихом океане исключительно к экономической составляющей. 2006 г. в АТР ознаменовался также и попыткой активизировать военно-политические контакты, о чём свидетельствовало создание «четвёртки» (*Quad*). В то же время ряд экспертов обращают внимание на следующие особенности архитектуры американских военно-

политических отношений, возникшие в постбиполярный период и повлиявшие на курс Б. Обамы.

По мнению Ш. Хамейри и К. Джайасурии [Hameiri, Jayasuriya, 2011], положение в сфере безопасности в АТР характеризовалось тремя парами дихотомий: секьюритизация нетрадиционных проблем и доминирование традиционных проблем «жёсткой» безопасности, противопоставление интересов одной страны интересам группы стран, противопоставление интересов двух стран друг другу. Следствием этого положения стал постоянный поиск новых форматов взаимодействия в регионе.

Во многом это положение, как замечают Сун Ру [Sun, 2012], Т. Сатаке и Дж. Хеммингс [Satake, Hemmings, 2018] стало следствием эволюции системы американских альянсов после распада биполярной системы. На Тихом океане в отличии от Европы в период холодной войны не сложились многосторонние структуры, доминировали двух- или трёхсторонние форматы. В 1990-е годы консервация прежней архитектуры определялась рядом факторов. Из-за подавляющего военно-политического доминирования США в АТР другие страны были вынуждены действовать с оглядкой на них. Американские союзники опасались, что при возникновении многостороннего альянса они попадут во внутриальянсовую «ловушку угрозы», при которой необходимо реализовать союзнические обязательства в отношении другого участника альянса при возникновении угрозы, которая не имеет прямого отношения к данной стране, но опасна для союзника. Наконец, они оценивали военно-политический курс США в отношении АТР как подверженный одновременно диверсификации и сегментации взаимодействия в зависимости от региональной и международной конъюнктуры. Результатом этой трансформации стало возникновение неустойчивой сети американских трёхсторонних квазиальянсов. Она, правда, по оценкам Сун Ру, имела одну сильную сторону: эти треугольники были организованы так, что вместе с США в состав каждого из них входила Япония, что делало её ключевым американским союзником в АТР.

Таким образом, азиатско-тихоокеанская политика США в начале 2010-х годов характеризовалась существенным диссонансом. С одной стороны, с учётом доминирования экономических начал в отношениях на Тихом океане и либеральных идей внутри Соединённых Штатов, была сделана ставка на создание двух- и многосторонних форматов, которые выступили полем, позволявшим приступить к процессу реализации торгово-экономической политики как инструмента по созданию единого пространства, основанного на правилах в соответствии с американскими интересами.

С другой стороны, сопоставимого единства в военно-политической сфере не наблюдалось, архитектура альянсов была сегментированной. Это указывало на существование свободного пространства, открытого для перестройки в соответствии с новыми идеями, что делало военно-политическую сферу ключевой при наступлении нового этапа трансформации тихоокеанской политики США.

СТРАНЫ АЗИИ И РЕВИТАЛИЗАЦИЯ ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Снижение активности США в Индоокеанском регионе при повышенном внимании к экономическим вопросам в АТР породило вакуум, который рано или поздно должен был быть кем-то заполнен.

Первым шагом в этом направлении стоит считать инициированную Индией в 1987 г. политику «Смотри на Восток», которая в 2014 г. трансформировалась в политику «Действуй на Востоке». Она изначально предполагала два измерения: экономическое и политическое. Однако, как замечает А.В. Куприянов, основой для индийской политики в ИТР служат не только экономика и политика, но и обеспечение безопасности и культурно-цивилизационная база [Куприянов, 2021]. Таким образом, построение единого пространства было возможно не только на военно-политических основаниях, которые доминировали в период холодной войны, но и на ином фундаменте.

Понимание этой многогранности точнее раскрылось в индийской морской стратегии 2015 г., в которой океан обозначен принципиальной основой общего пространства Индийского и Тихого океанов, в пределах которого реализуется сотрудничество военно-политическое, по противодействию угрозам безопасности, имеющим социальную и экономическую природу (терроризм, нелегальная добыча ресурсов, пиратство, незаконное перемещение грузов и людей), экономическое, прежде всего, связанное с экономикой океана, развитием соответствующей инфраструктуры [4].

Такое ранжирование приоритетов в стратегии не является случайным. Если концепция «Смотри на Восток / Действуй на Востоке» основывалась, прежде всего, на объективных предпосылках, необходимости кардинально обновлять инфраструктуру энергетическую, транспортную, телекоммуникационную, чтобы тем самым обеспечить хозяйственный рост [India's, 2011: 245–280], то есть была в немалой степени обращена к внутренним проблемам Индии, то индо-тихоокеанская идея возникла и была развита в военно-морской среде [Куприянов, 2021], вследствие чего приобрела соответствующую смысловую окраску в официальных и академических текстах.

Такое положение дел высвечивают одну из ключевых проблем ИТР: соединение в политике стран объективных и субъективных начал, при этом первые связаны с построением общего пространства, основанного на текущих потребностях страны, которые существуют независимо от их восприятия, а вторые чётко связаны с интересами определённой влиятельной группы общества, которые оформляются как идея, реализуемая в виде дискурсов и нарратива.

Второй страной, предпринявшей усилия по построению ИТР, стала Япония. Впервые соответствующую идею в 2000 г. озвучил премьер-министр Японии Ё. Мори: она касалась глобального партнёрства Японии и Индии (Приводится по: [Mukherjee R., 2018]). В дальнейшем С Абэ в течение первого срока на посту

председателя правительства конкретизировал идею предшественника, обозначив сотрудничество Токио и Нью-Дели стратегическим и глобальным, использовав в официальных заявлениях термин «Индо-Тихоокеанский регион», предложив концепцию сопряжения двух океанов. Она предполагала тесное сотрудничество Японии и Индии, совместное построение более широкой Азии с привлечением США и Австралии [Borah, 2022, 3–4], заключение с Нью-Дели Соглашения о всеобъемлющем экономическом партнёрстве, вовлечение восточноафриканских стран в индо-тихоокеанское пространство [Daimon-Sato, 2021].

Немаловажной основой для будущей индо-тихоокеанской политики Японии стала идея «Дуги свободы», выдвинутая министром иностранных дел Т. Асо. Она предполагала приверженность демократии, правам человека, рыночной экономике, верховенству закона [Macyo, 2019].

В целом, совокупность идей Токио свидетельствовала, что для него построение ИТР возможно в экономической, политической, гуманитарной и правовой плоскостях.

Впоследствии на основе этих идей была кристаллизована концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», которую оценивают как форму расширения Азии, основанную на транспарентности, свободе движения транспорта, людей, капитала, знаний и разработке соответствующих правил и норм. Её инструментами выступали соединимость *(connectivity)*, помощь развитию, торгово-экономические отношения. В географическом плане реализация японской концепции, главным образом, касается связей суши и морской литорали и охватывает пространство от Океании до восточного побережья Африки [3]; [Nagy, 2021].

Японская практика позволяет выделить три ключевых субпространства на индо-тихоокеанских просторах. Первым из них стала Восточная Азия и Тихий океан, где реализуются многосторонние торгово-экономические инициативы с участием Японии, со странами которой Токио поддерживает отношения в области обеспечения безопасности [2]. Второе субпространство представлено Индией, которая важна как торгово-экономический партнёр, в котором можно создать производственную базу, ориентированную на импорт японской продукции [Barai, Kar, Bhasin, 2015], и как транспортно-логистический узел [Borah, 2022, 50, 114]; [Wallace, 2018]; [Choudhury, 2018]. Третье субпространство было представлено Восточной Африкой, в которой Токио планировал сформировать внутреннюю производственную базу, для чего выступал за повышение уровня образования, инвестиции, сотрудничество по реализации экономических проектов, интенсификацию межчеловеческих контактов [Das K. Ch., 2018].

Таким образом, ключевым отличием японских усилий стал акцент на экономическое взаимодействие, которое связано в первую очередь с объективными потребностями стран, а значит они способствовали возникновению обширного пространства, построенного на основе совпадения интересов.

КНР, третья страна, постепенно наращивала силы и впоследствии стала предпринимать систематические усилия по формированию ИТР в соответствии со

своим видением. Р.П. Пардо обратил внимание, что изначально внешнеполитическая стратегия Китая в Азии и на Тихом океане предполагала «зонтичное» понимание площадки или инициативы. Пробой сил стали шестисторонние переговоры. В ходе них Пекин предпринял попытку создать многостороннюю, постоянно действующую региональную конструкцию в Северо-Восточной Азии, заложил дипломатическую основу для будущего трехстороннего взаимодействия КНР – РК – Япония, а в отношениях с США закрепил главенство двустороннего формата. Это позволило Р.П. Пардо трактовать участие Пекина в шестисторонних переговорах как первую попытку построить китаецентричную региональную архитектуру [Pardo, 2012].

Более масштабным усилием стала Инициатива «Пояс и путь» (ИПП), впервые сформулированная в 2013 г. Текст «Видения…» позволяет говорить об инициативе, как гибкой, адаптивной, чьи инструменты способны менять своё практическое содержание в зависимости от конкретного случая. С точки зрения формирования пространства, выделяются следующие её аспекты: ставка на развитие отраслевого сотрудничества, устранение барьеров для инвестиций и движения капитала, оптимизация международных производственных и сбытовых цепочек, развитие инфраструктуры, интеграция морского и сухопутного пространств, организация новых многосторонних механизмов по принципу «Китай – группа заинтересованных стран» [1]. Практика показывает, что иногда они могут заменяться двусторонним сотрудничеством [Kobayashi, King, 2022].

При этом официальная трактовка ИПП, данная в 2015 г., позволяет говорить ещё об одной её характеристике, сравнительно чёткой географической локализации, которая включает Евразию, за исключением северной её части, Юго-Восточную Азию, север Индийского океана, Восточную Африку, Средиземноморье и Европу [1].

Зафиксированное в ИПП видение свидетельствовало о стремлении Китая занять главенствующую роль в региональных торгово-экономических отношениях, реанимировав в современных условиях дальневосточную систему международных отношений Раннего Нового времени, на которое, по оценкам В.Я. Белокреницкого, пришёлся прежний подъём Китая. В качестве её особенностей он называл китаецентричность, подавляющую экономическую мощь Китая, стремление его императоров получить дипломатическое признание китайского верховенства [Белокреницкий, 2010: 68]. Географический же охват ИПП говорит в пользу того, что её центром выступит индо-тихоокеанское пространство.

Таким образом, все азиатские инициативы, относившиеся к ИТР, изначально имели экономическое основание, связанное с объективными потребностями развития, но обладали также и потенциалом для обретения политическим и военным измерением, которые, однако, были следствиями экономической практики, но не привнесённым элементом. Так в случае с Индией активизация военно-политической составляющей произошла вследствие роста роли моря в экономике страны. Формирование правил взаимодействия проистекало из стремления

Японии юридически защитить выгодные её национальным интересам способы хозяйственного взаимодействия со странами Тихого и Индийского океанов. Намерение Китая укрепить политическое влияние стало логичным следствием его экономического усиления. Иными словами, обретение политического и военного измерений индо-тихоокеанским пространством было неизбежным, однако оно нуждалось в прочной экономической опоре.

США И ИТР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Рост самостоятельности азиатских стран в формулировании и реализации инициатив, способных привести к образованию МПР, вызвал в США ответную реакцию, сначала на экспертном, а позднее и на официальном уровне.

Первыми, кто обозначил, что в скором времени Китай будет конкурентом США в вопросах интеграции, строительства политически и экономически мотивированных пространств и сфер, были Р. Каплан и Э. Экономи.

Р. Каплан [Kaplan, 2009]; [Kaplan, 2010] считал, что китайское влияние в течение 2010–2020-х годов будет распространяться, главным образом, в западном направлении. Последнее будет иметь два вектора. Вследствие стремления получить доступ к ближневосточным и африканским ресурсам усилится влияние КНР в Индийском океане, оно будет способствовать формированию нового региона, выполняющего роль связующего звена между Ближним Востоком и АТР. Второй вектор имеет континентальное измерение и касается, прежде всего, контактов со странами Центральной Азии. Результатом этого движения на запад Р. Каплан предвидел возникновение обширной сферы китайского влияния в Восточном полушарии, которая будет противопоставлена американскому присутствию.

С точки зрения Э. Экономи [Economy, 2010], такое движение Китая стало логичным результатом его политики, проводимой с конца 1990-х годов: она позволила настроить отношения со странами Азии, Африки и Латинской Америки, богатыми минеральными ресурсами. Это стало одним из условий роста экономической и военной мощи КНР, послужило фактором китайской экспансии. Чтобы противостоять ей, автор предлагала правительству США влиять на китайское поведение совместно с союзниками и партнёрами и добиваться от Пекина признания либеральных ценностей как незыблемой основы мира.

По оценкам Дж. М. Оуэна [Owen, 2021], американо-китайская конкуренция стала реальностью с приходом к власти Си Цзиньпина. Он предпринял попытку построить собственный мировой порядок, который оппонирует либеральному, защищающему американские интересы. Для китайского порядка, по мнению Дж. Оуэна, характерны отказ от силового продвижения идеологии и строя, но китаецентричная экономическая интеграция, рост зависимости стран через долг, транспортные и торговые операции, вовлечение в финансовые институты, созданные Китаем. В то же время в статье подчёркивается, что КНР не намерена отказываться от преимуществ либерального порядка.

Наиболее однозначное экспертное мнение выразил М. Малик [Malik, 2016]. По его мнению, ключевой проблемой на Тихом океане является китайская военная угроза, поскольку Пекин сделал ставку на то, чтобы изменить либеральный мир, ведомый Вашингтоном. Чтобы ей эффективно противодействовать, предлагалось придать «четвёрке» военный антикитайский характер, а в оперативном и стратегическом планировании заменить Азиатско-Тихоокеанский регион на Индо-Тихоокеанский. Таким образом, в экспертном сообществе были предложены три аспекта для трансформации курса США на Тихом океане: выработать ответ на рост Китая, усилить военно-политическое присутствие в регионе, объединить в планировании пространства Тихого и Индийского океанов.

В рамках пересмотра тихоокеанского курса в Соединённых Штатах выделились две линии. Первую представляли президентская администрация и Государственный департамент. Л.Н. Гарусова оценивает её как нестабильную, поскольку политика Вашингтона не была последовательной, при Б. Обаме интенсивность отношений с Нью-Дели снизилась, а их динамика стала, главным образом, зависеть от инициативности индийской стороны [Десятилетие, 2022, 123–132].

Вторая линия была представлена Министерством обороны, которое предприняло более активные усилия по пересмотру внешнего курса. Одной их составляющей стал поиск сторонников среди политических сил. В течение 2013 г. на слушаниях в Палате представителей сначала адмирал в отставке Гэри обозначил, что военный курс Соединённых Штатов на тихоокеанском пространстве может быть только антикитайским [15], а позднее доцент Колледжа ВМС США Э. Эриксон назвал укрепление военно-политического сотрудничества с Индией критически значимым в контексте американского ответа на усиление китайских вооружённых сил и ВМС [19]. Эта точка зрения впоследствии нашла поддержку в Конгрессе. В частности, сенатор М. Хироно, которая представляла Демократическую партию, впоследствии на слушаниях в Комитете по делам вооружённых сил использовала термин «Индо-Азиатско-Тихоокеанский регион» [9].

Второй составляющей стал пересмотр официальных взглядов на существующие границы МПР. В 2015 г. в выступлениях Э. Картера, предназначенных для внутренней [16] и международной аудитории [5], наряду с признанием значимости АТР было чётко обозначено стремление Министерства обороны заменить в планировании азиатско-тихоокеанское направление на индо-тихоокеанское, поскольку к числу важных партнёров США была отнесена Индия.

Логичным продолжением этой тенденции стало то, что в Стратегии национальной безопасности 2017 г. Д. Трамп сформулировал курс в отношении ИТР именно в военно-политическом ключе [14], а выход из ТТП как ядра американской региональной экономической архитектуры сделал это неизбежным. В качестве ключевых приоритетов в регионе были обозначены защита суверенитета, укрепление военно-политических союзов, мирное решение конфликтов, развитие инфраструктуры. При Дж. Байдене в Индо-Тихоокеанской стратегии была предпринята попытка несколько исправить этот уклон, но не отказаться от военно-

политического измерения как её ядра [6]. С одной стороны, в стратегию были включены пункты о необходимости поддерживать производственно-сбытовые цепочки, развивать технологии и цифровую экономику. С другой стороны, военно-политические приоритеты были прописаны ещё чётче. Из них были перечислены укрепление морской инфраструктуры, сдерживание противника, развитие военно-политических отношений, модернизация вооружённых сил и поддержание либерального порядка. Кроме того, стоит заметить, что в обеих стратегиях зафиксированы политически мотивированные границы ИТР, который на западе ограничивается Индией и тем самым делит пространство Индийского океана пополам.

В контексте продвижения Соединёнными Штатами ИТР исключительно в качестве МПР, имеющего военно-политические основы, интерес представляет реакция Японии. В принятой ею в декабре 2022 г. стратегии национальной безопасности основной акцент сделан на военно-политическое измерение, а в пространственном отношении регион был сокращён в соответствии с пониманием его администрацией Дж. Байдена [13]. Это свидетельствовало, что Япония, будучи ключевым военно-политическим союзником США в регионе, кардинально изменила свои приоритеты: на смену курсу, который опирался на объективные факторы, благоприятные для отношений на основе совпадения интересов, пришёл эксклюзивный подход, основанный на близости политического понимания обстановки.

Таким образом, пересмотр планирования в отношении ИТР в США имел исключительно военные и политические основания, а Министерство обороны выступило ключевым пропонентом этих изменений. При этом важной их чертой стал реактивный ответ на рост китайского влияния, который воспринимался угрозой и в экспертных, и в военных, и в политических кругах. При этом просматривается определённое сходство с биполярной эпохой, когда присутствие США в ИТР имело исключительно военно-политическое измерение. Правда, в текущей обстановке оно приобретает значение не только сдерживания оппонента, но и контроля за союзниками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возникновение Индо-Тихоокеанского района было вызвано биполярным противостоянием. Поскольку ни СССР, ни США не были его индигенными странами, пространство приобрело военно-политическое измерение, а оно само воспринималось как ещё одна географическая арена сверхдержавного противостояния. Это было важнейшей причиной его слабости, которая проявилась при изменении внешнеполитического планирования в США. Это привело к дезинтеграции общего пространства на малые «классические» регионы.

С распадом биполярной системы эта тенденция укрепилась, а вследствие слабости индоокеанских и силы восточноазиатских экономик Вашингтон сосредоточил основное внимание на АТР. Образовавшийся вакуум стал благоприятным для индо-тихоокеанских инициатив, предложенных странами региона. Всех их

объединяло то, что в основе стратегий лежали экономические интересы, которые в большей мере благоприятствовали сближению на основе совпадения интересов. Политические интересы здесь были вторичными.

Возвращение США и предложение концепции ИТР стало реакцией на рост Китая и ИПП. Из-за прежде слабой концептуальной проработки военно-политического присутствия и с учётом опыта 1970-х годов именно оно стало основой индо-тихоокеанского курса США. Однако ввиду того, что военно-политическое измерение в стратегиях стран региона было вторичным по отношению к экономическому, американский курс привёл к деформации ИТР. Она выразилась в навязывании искусственных, политически мотивированных границ и функциональных пониманий региона. Это привело к эрозии его индигенных интерпретаций, о чём свидетельствует пример Японии.

Таким образом, трансформация тихоокеанских регионов за последние полвека позволяет говорить о двух их измерениях. Первое касается объективно существующей общности стран, которое основано на совпадении и близости интересов, прежде всего, экономических. Второе измерение связано с военно-политическими интерпретациями этого пространства, которое в отрыве от иных основ взаимодействия предполагает продвижение точки зрения на развитие региона, отвечающей текущим интересам конкретного правительства. В первом случае архитектура взаимодействия настраивается эволюционным путём, хотя и с учётом особенностей каждой из стран. Во втором случае государство вносит искусственные восприятия региона.

ИСТОЧНИКИ

1. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса шёлкового пути и морского шёлкового пути XXI в. *Россия и АТР*. 2015. №3. С. 255–270.

2. Achieving the “Free and Open Indo-Pacific (FIOP)” Vision. Japan’s Ministry of Defense Approach. Available at: https://www.mod.go.jp/en/d_act/exc/india_pacific/india_pacific-en.html (accessed: 07.05.2022).

3. Diplomatic Bluebook 2019. Available at: https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2019/html/chapter1/c0102.html#sf01 (accessed: 07.05.2022).

4. Ensuring Secure Seas: Indian Maritime Strategy. October, 2015. Available at: https://www.indiannavy.nic.in/sites/default/Indian_Maritime_Security_Strategy_Document_25Jan16.pdf (дата обращения: 5.09.2022).

5. IISS Shangri-La Dialogue: “A Regional Security Architecture Where Everyone Rises”. As Delivered by Secretary of Defense Ash Carter, Singapore, Saturday, May 30, 2015. Available at: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1945 (дата обращения: 03.12.2016).

6. Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022. Available at: https://www.whitehouse.gov/wp-content/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf (accessed 06.04.2022).

7. Indo-Pacific: A new horizon of opportunity. Available at: https://www.international.gc.ca/transparence-transparence/indo-pacific-indo-pacifique/index.aspx?land=eng (дата обращения: 17.01.2023).

8. Joint Communication to the European Parliament and the Council. The EU strategy for cooperation in the Indo-Pacific. 16.9.2021. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/jointcommunication_indo_pacific_en.pdf (accessed: 24.09.2021).

9. Maritime security strategy in the Asia-Pacific Region. Hearing before the Committee on Armed Service, United States Senate. One hundred fourteenth Congress. September 17, 2015. Washington: U.S. GPO, 2016. 48 p.

10. National Security Decision Directive Number 57. United States Policy Toward the Horn of Africa. September 17, 1982. Available at: https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-57.pdf (accessed 29.08.2022).

11. National Security Decision Directive Number 208. United States Policy Toward the Southwest Indian Ocean. January 30, 1986. Available at: https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-208.pdf (accessed 29.08.2022).

12. National Security Decision Directive Number 229. U.S. / Australian Relations. May 29, 1986. Available at: https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-229.htm (accessed 29.08.2022).

13. National Security Strategy of Japan. December 2022. Available at: www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf (accessed: 17.01.2023).

14. National Security Strategy of the United States of America. December 2017. Available at: https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf (accessed 28.12.2017).

15. Rebalancing to the Asia-Pacific Region and implications for U.S. national security. Hearing before the Committee on Armed Service, House of Representatives. One hundred thirteenth Congress. July 24, 2013. Washington: U.S. GPO, 2014. 104 p.

16. Remarks on the Next Phase of the U.S. Rebalance to the Asia-Pacific (McCain Institute, Arizona State University). As Delivered by Secretary of Defense Ash Carter, Tempe, AZ, Monday, April 06, 2015. Available at: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1929 (дата обращения: 03.12.2016).

17. Trans-Pacific Partnership Agreement. Available at: https://ustr.gov/sites/default/files/tpp/full-text (accessed: 01.06. 2016).

18. Trans-Pacific Partnership. Round 2. San-Francisci, June 2010. Available at: http://www.ustr.gov/tpp (accessed: 25.05.2012).

19. U.S. Asia-Pacific strategic considerations related to People's Liberation Army Naval Forces modernization. Hearing before the Subcommittee on seapower and projection forces of the Committee on Armed Service, House of Representatives. One hundred thirteenth Congress. December 11, 2013. Washington: U.S. GPO, 2014. 109 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белокреницкий В.Я. 2010. Восток в мирополитических процессах. Азия и Африка в истории международных отношений и современной мировой политике. М.: Институт востоковедения РАН. 320 с.

Богатуров А.Д. 1997. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй Мировой войны (1945–1995). М.: Конверт – МОНФ. 352 с.

Десятилетие обманутых ожиданий: Тихоокеанская Азия и Тихоокеанская Россия между двумя глобальными кризисами. / Под ред. В.Л. Ларина. Владивосток: ИП Шульга В. Б., 2022. 456 с.

Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. 2010. США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок». М.: Международные отношения. 448 с.

Куприянов А.В. 2021. Индо-Тихоокеанский регион: индийский взгляд. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. №5. С. 49–58.

Масуо Т. Глобальная дипломатия Японии как ответ на китайскую инициативу «Один пояс – один путь». *Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения* / Под ред А.В. Лукина и В.И. Якунина. М.: Весь мир, 2019. 416 с. С. 187–208.

Основы теории международных отношений: Опыт ИМЭМО в 1970-е годы / под ред. Н.И. Иноземцева. М.: Аспект Пресс, 2022. 623 с

Печатнов В.О. 2008. От Джефферсона до Клинтона: Демократическая партия США в борьбе за избирателя. М.: Наука. 503 с.

Россия в полицентричном мире. / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Весь мир, 2011. 580 с.

Советско-американские отношения в современном мире / Под ред. Г.А. Трофименко, П.Т. Подлесного. М.: Наука, 1987. 304 с.

Швейцер П. 1995. Победа. Роль тайной стратегии США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Минск: Авест. 464 с.

REFERENCES

Barai, M.K., Kar, R.N., Bhasin, N. 2015. Understanding the Indo-Japan Relations in the Asia-Pacific century. *Global Business Review.* Vol. 16. No. 6. pp. 1061–1081.

Belokrinitskii, V. Ya. 2010. Vostok v miropoliticheskikh protsessakh. Aziia i Afrika v istorii mezhdunarodnykh otnoshenii i sovremennoi mirovoi politike [The East in World Political Processes. Asia and Africa in History of International Relations and Contemporary World Politics] (In Russ.). Moscow, Institute of Oriental Studies RAS. 320 p.

Bogaturov, A.D. 1997. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriya i Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoy Azii posle Vtoroi Mirovoi Voiny (1945–1995) [The Greate Powers at the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after the Second World War (1945–1995)]. (In Russ.). Moscow, Konvert – MONF. 352 p.

Borah, R. 2022. The Strategic Relations Between India? The United States and Japan in the Indo-Pacific: When Three is not a Crowd. Singapore: World Scientific. 175 p.

Chandra, V. 2018. India's Accomodation in the Emerging International Order: Challenges and Prospects. *India Quarterly.* Vol. 74. No. 4. pp. 420–437. DOI: 10.1177/0974928418802075

Choudhury, S.R. 2018. India–Japan Relations: Economic Cooperation Enabling Strategic Partnership. *International Studies.* Vol. 54. No. 1–4. pp. 106–126. DOI: 10.1177/0020881718791404

Christensen, T.J. 2015. The China Challenge. Shaping the Choices of a Rising Power. New York – London: W.W. Norton & Company. 371 p.

Daimon-Sato, T. 2021. Sino-Japan Aid War and India's Role: Possibilities for 'Win–Win–Win'. *China Report.* Vol. 57. No. 3. P. 289–308.

Das, K.Ch. 2018. International Connectivity Initiatives by China and India for the developing Countries. *South Asian Survey.* Vol. 24. No. 2 pp. 101–116. DOI: 10.1177/0971523118808075

Das, S. 2021. Middle Power Cooperation in the Indo-Pacific: India and Australia at the Forefront. *International Studies.* Available at: https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/00208817211056742 (accessed: 26.12.2021). DOI: 10.1177/00208817211056742

Desiatiletie obmanutykh ozhidanii: Tikhookeanskaia Aziya i Tikhookeanskaia Rossiia mezhdu dvumia global'nymi krizisami [The Decade of Deceived Expectations: Pacific Asia and Pacific Russia between the Two World Crises] (In Russ.) Ed. by V.L. Larin. Vladivistok: IP Shul'ga, 2022. 456 p.

Economy, E.C. 2010. The Game Changer. Coping with China's Foreign Policy Revolution. *Foreign Affairs.* Vol. 89. No. 6. pp. 142–152.

Hameiri, Sh., Jayasuriya, K. 2011. Regulatory Regionalism and Dynamics of Territorial Politics: The Case of Asia-Pacific Region. *Political Studies.* Vol. 59. No. 11. pp. 20–37.

India's Economy. Performance and Challenges / Ed. By Acharya, Mohan R. New Delhi: Oxford University Press, 2011. 435 p.

Kaplan, R.D. 2009. Center Stage for the Twenty-first Century. Power Plays in the Indian Ocean. *Foreign Affairs.* Vol. 88. No. 2. pp. 16–36.

Kaplan, R.D. 2010. The Geography of Chinese Power. How Far Can Beijing Reach on Land and at Sea. *Foreign Affairs.* 2010. Vol. 89. No. 3. pp. 22–41.

Kobayashi, Yu., King, J. 2022. Myanmar's strategy in the China – Myanmar Economic Corridor: a failure in hedging? *International Affairs.* Vol. 98. No. 3. Pp. 1013–1032. DOI: 10.1093/ia/iiac049

Krupyanko, M.I, Areshidze, L.G. 2010. SShA i Vostochnaia Aziia. Bor'ba za "novyi poriadok" [USA and East Asia. A Struggle for "Anew Order"] (In Russ.). Moscow, International Affairs. 448 p.

Kukreja, V. 2020. India in the Emergent Multipolar World Order: Dynamics and Strategic Challenges. *India Quarterly.* Vol. 76. No. 1. pp. 8–23. DOI: 10.1177/0974928419901187

Kumar, S. 2020. Reinvigoration of BIMSTEC and India's Economic, Strategic and Security Concerns. *Millennial Asia.* Vol. 11. No. 2. pp. 187–210. DOI: 10.1177/0976399620925441

Kumar, Sh., Verma, S.S., Hussian Shah, Sh. 2020. Indo-US Convergence of Agenda in the New Indo-Pacific Regional Security Architecture. *South Asia Research.* Vol. 40. No. 2. pp. 215–230. DOI: 10.1177/0262728020915564

Kupriyanov, A.V. 2021. Indo-Tikhookeanskii region: indiiskii vzgliad [The Indo-Pacific: Indian View] (In Russ.). *World Economy and International Relations.* Vol. 65. No. 5. pp. 49–58.

Liu Fu-Kuo. 2011. The Structural Change in the United States – China Relation: Security Implications for The Asia Pacific Region. *East Asian Review.* Vol. 14. pp. 39–56.

Malik, M. 2016. Balancing Act. The China – India – U.S. Triangle. *World Affairs.* Vol. 179. No 1. pp. 46–57.

Masuo, T. Global'naia diplomatiia Iaponii kak otvet na kitaiskuiu initsiativu "Odin poias – odin put'" [Japan's Global Diplomacy as a Response to Chinese Initiative "One Belt – One Road"] (In Russ.). *Puti i poiasa Evrazii. Natsional'nye i mezhdunarodnye proekty razvitiia na Evraziiskom prostranstve i perspektivy ikh sopriazheniiya [Roads and Belts of Eurasia: National and International Development projects at Eurasian Space and Prospects for its Interface]* Ed. by A.V. Lukin, V.I. Yakunin. Moscow, Ves' Mir, 2019. 416 p. pp. 187–208.

Melvin, N. 2021. Russia and the Indo-Pacific Security Concept. Available at: https://static.rusi.org/277_russia_ip.pdf (accessed: 26.06.2021)

Mukherjee, R. 2018. Japan's strategic outreach to India and the prospects of Japan – India Alliance. *International Affairs.* Vol. 94. No. 4. pp. 835–859.

Nagy, S. 2021. Sino-Japanese Reactive Diplomacy as Seen Through the Interplay of the Bent and Road Initiative (BRI) and Free and Open Indo-Pacific (FIOP). *China Report.* Vol. 57. No. 1. pp. 7–21.

Osnovy teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: Opyt IMEMO v 1970-e gody [Frames of Theory of International Relations. IMEMO Experience in 1970-s] (In Russ.), Ed. by N.I. Inozemtsev. Moscoe, Aspekt Press, 2022. 623 p.

Owen, J.M. 2021. Two emerging international orders? China and the United States. *International Affairs.* Vol. 97. No. 5. pp. 1415–1431.

Pardo, R.P. 2012. Chian and Northeast Assia Regional Security Architecture: The Six-Party Talks as a Case of Chinese Regime-Building? *East Asia.* Vol. 29. No. 4. pp. 337–354.

Pechatnov, V.O. 2008. Ot Dzheffersona do Klintona: Demokraticheskaia partiia SShA v bor'be za izbiratelia [From Jefferson to Clinton: The Democratic Party of USA in the Struggle for the Voters] (In Russ.). Moscow, Nauka. 503 p.

Rossiia v politsentrichnom mire [Russia in Polycentric World] (In Russ.). Ed. by A.A. Dynkin, N.I. Ivanova. Moscow, Ves' Mir, 2011. 580 p.

Satake, T., Hemmings, J. 2018. Japan – Australia security Cooperation in the bilateral and multilateral contexts. *International Affairs.* Vol. 94. No. 4. pp. 815–834.

Shweizer, P. 1994. Victory: The Reagan Administration's Secret Strategy that Hastened the Collapse of the Soviet Union. Washington D.C., The Atlantic Monthly Press, 1994. 284 p.

Sovetsko-Amerikanskie otnosheniia v sovremennom mire [Soviet-American Relations in a Contemporary World] (In Russ.). Ed. by G.A. Trofimenko, P.T. Podlesnyi. Moscow, Nauka, 1987. 304 p.

Sun Ru. 2012. The Prospects of the United States' Asia-Pacific Alliance System. *China International Studies.* No. 4. pp. 54–75.

Wallace, C. 2018. Leaving (north-east) Asia? Japan's Southern Strategy. *International Affairs.* Vol. 94. No. 4. pp. 883–904. DOI: 10.1093/ia/iiy027

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БОЛДЫРЕВ Виталий Евгеньевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская 89.

Vitalii E. BOLDYREV, Cand. Sci. (History), senior researcher, Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnology Far-Eastern Branch of the RAS FEB RAS.

89 Pushkinskaya str., Vladivostok, 690001, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.02.2024/ Received 15.02.2024.
Поступила после рецензирования 23.02.2024 / Revised 23.02.2024.
Статья принята к публикации 24.02.2024 / Accepted 24.02.2024.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Лицензия на право ведения образовательной деятельности
серия 90Л01 № 0009385 от 09.08.2016 г.
Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24.07.2019 г.

Объявляет приём студентов на первый курс (2023/2024 уч. г.) очного (дневного) отделения:

по направлениям **БАКАЛАВРИАТА** (срок обучения – 4 года)

- **«Международные отношения»,** направление подготовки: 41.03.05, профиль «Международная безопасность» **(6 бюджетных мест: 1 место – особое право, 1 места – целевая квота, 1 место – специальная квота, 3 место – общий конкурс; 30 контрактных мест)**
- **«Зарубежное регионоведение»,** направление подготовки: 41.03.01, профиль «США и Канада» **(5 бюджетных мест: 2 места - целевое; 1 место - особое право; 1 место – специальная квота, 2 место - общий конкурс; контрактных мест – 30)**

Приём проводится на основе конкурса по результатам ЕГЭ по предметам:

- История
- Иностранный язык
- Русский язык

по направлению **МАГИСТРАТУРЫ** (срок обучения – 2 года)

- «Зарубежное регионоведение», направление подготовки: 41.04.01, профиль «Американские исследования» **(бюджетных мест – 4; контрактных мест – 10)**

Приём в магистратуру проводится на основе конкурса по результатам сдачи экзамена по зарубежному регионоведению и итогам собеседования.

Приём документов очно и онлайн с регистрацией на сайте priem.gaugn.ru

- бакалавриат – с 20 июня 2024 г.
- магистратура – с 20 июня 2024 г.

Телефон для справок: 8 (499) 238-04-12; 8 (495) 915-33-82 доб. 103, 404;
8 (962) 927-32-69.

Абитуриенты представляют в приёмную комиссию:

документ или копию документа о среднем (полном) образовании,
копию паспорта,
4 фотографии 3х4 см,
для льготных категорий – документы, удостоверяющие льготы
медицинскую справку (форма 086/у).

- **Сайт ИСКРАН: www.iskran.ru**
- **Сайт ГАУГН: www.gaugn.ru**
- **Электронный адрес: worldpolitics@gaugn.ru**

Факультет мировой политики (ФМП) ГАУГН основан в 2000 г. на базе **Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова РАН (ИСКРАН)** – ведущего Российского и мирового научного центра в области американских исследований, канадоведения, международных отношений и международной безопасности. Декан факультета – научный руководитель ИСКРАН, академик РАН, профессор С.М. Рогов. Факультет входит в структуру Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) – высшего учебного заведения, созданного благодаря сотрудничеству Российской академии наук и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Президент ГАУГН – академик РАН, профессор, Председатель Общественного совета при Министерстве науки и высшего образования А.О. Чубарьян, врио ректора – кандидат исторических наук, доцент Н.В. Промыслов. В ГАУГН действуют 10 факультетов, каждый из которых базируется в профильном институте РАН.

Учебные планы и программы обучения, составленные в соответствии с ФГОС 3++ по направлениям бакалавриата и магистратуры «Зарубежное регионоведение» и «Международные отношения», предусматривают изучение общих гуманитарных, естественно-научных, профессиональных и специальных дисциплин, предметов по выбору студента, а также факультативных дисциплин.

Специфика ИСКРАН, активно участвующего в процессе формирования внешней политики России, даёт студентам факультета уникальную возможность приобщиться к практике экономического и политического анализа и консультирования, ориентированных на реализацию внешнеполитических интересов России.

Основу профессорско-преподавательского состава ФМП составляют научные сотрудники Института США и Канады им. академика Г.А. Арбатова РАН. Многие из них имеют многолетний опыт научной и педагогической работы в МГИМО(У) МИД РФ, МГУ, МГЛУ, а также ведущих университетах США и стран Западной Европы.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И КАНАДЫ ИМЕНИ АКАДЕМИКА Г.А. АРБАТОВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова (ИСКРАН) – ведущий российский и мировой научный центра в области американских фундаментальных и прикладных исследований, канадоведения, международных отношений и международной безопасности. Специфика ИСКРАН, активно участвующего в процессе формирования внешней политики России, даёт аспирантам уникальную возможность приобщиться к практике экономического и политического анализа и консультирования, ориентированных на реализацию внешнеполитических интересов России.

Основу профессорско-преподавательского состава аспирантуры составляют научные сотрудники Института США и Канады им. Г.А. Арбатова. Многие из них имеют многолетний опыт научной и педагогической работы в МГИМО(У) МИД РФ, МГУ, а также ведущих университетах США и стран Западной Европы. И.о. директора ИСКРАН – кандидат политических наук С.В. Кислицын. Научный руководитель ИСКРАН – академик РАН, доктор исторических наук, профессор С.М. Рогов.

Лицензия на осуществление образовательной деятельности № 0244 от 25.07.2012 г.

Свидетельство о государственной аккредитации № 2445 от 22.12.2016 г.

Объявляет приём аспирантов на 2024/2025 учебный год (форма обучения – очная, срок обучения – 3 года) по научным специальностям:

- **5.5.2. «Политические институты, процессы, технологии»** (3 места по договору об оказании платных образовательных услуг);
- **5.5.4 «Международные отношения»** (5 мест по договору об оказании платных образовательных услуг).
- **5.2.5 «Мировая экономика»** (5 мест по договору об оказании платных образовательных услуг).

Сроки приёма документов – с 12 августа по 6 сентября 2024 г.

Документы, необходимые для поступления, представляются поступающим в организацию одним из следующих способов:

- Лично по адресу: г. Москва, Хлебный переулок, д. 2/3;
- Через операторов почтовой связи по адресу: 121069, г. Москва, Хлебный переулок, д. 2/3;
- В электронной форме на информационно-образовательном портале ИСКРАН по ссылке: http://edu.iskran.ru/aspirantura/priem-dokumentov/

Поступающие предоставляют в приёмную комиссию: оригинал или копию документа об окончании магистратуры или специалитета; копии паспорта, СНИЛС и ИНН; 2 фотографии 3х4 см; реферат по выбранной специальности; сведения об индивидуальных достижениях.

Вступительные испытания:

1. экзамен по специальной дисциплине и собеседование по реферату;
2. экзамен по английскому языку.

Сроки проведения вступительных испытаний: с 9 по 25 сентября 2024 г.

***Сайт ИСКРАН*:** www.iskran.ru
Телефон для справок: 8 (495) 691-15-90
Электронный адрес: aspirantura@iskran.ru

Иногородним не предоставляется общежитие.

США & Канада: экономика, политика, культура / USA & Canada: economics, politics, culture 2024; 4: 127-128

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте http://orcid.org/.

Электронная версия представляется в форматах *doc, docx* или *rtf.* Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русск., англ.), аннотация (русск., англ.), ключевые слова (русск., англ.), полная информация об авторе (русск., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик "Размышляя над прочитанным" и "Книжная полка" могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках("Список литературы" и "References" соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: http://translit.net/). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название *(курсивом),* город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе "Источники", который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах "Источники" и "Список литературы/References" приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе "Источники", [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе "Список литературы".

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте http://www.iskran.ru/journal.php.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index* (*RSCI*) на платформе *Web of Science.*